

Э. Г. Ф.-Валь.

КЪ ИСТОРИИ БЪЛАГО ДВИЖЕНІЯ.

Дѣятельность генералъ-адъютанта Щербачева.

„Ибо если между вами зависть,
споры и разногласія: то не плот-
скіе ли вы? и не по человѣческо-
му ли обычаю поступаете?“
1-ое посл. ап. Павла къ Коринтянамъ гл. 3.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

Таллинъ.

1935.

Trükikoda B. Beilinson, Tallinn.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Работая надъ представленными миѣ матеріалами по борьбѣ ген.-ад. Щербачева съ совѣтскимъ правительствомъ, я старался отнестись къ нимъ съ объективностью, воздерживаясь отъ одобренія или порицанія дѣйствій Щербачева. Свѣдѣнія мною были проконтролированы изученіемъ троякаго рода источниковъ:

1) матеріаловъ, замѣтокъ, воспоминаній или отвѣтовъ на мои вопросы, полученныхъ отъ А. Д. Щербачева, сына генерала, ген.-лейт. А. В. Геруа, бывшаго начальника штаба румынскаго фронта съ 1918 года, ген. штаба подполковника П. П. Мельчакова, прибывшаго съ ген. Щербачевымъ изъ 7 арміи и состоявшаго при немъ до конца войны штабъ-офицеромъ для порученій, А. А. Вадина, А. Ѳ. Шубнина и многихъ другихъ; всѣхъ ихъ прошу принять мою искреннюю благодарность;

2) свѣдѣній изъ «Краснаго Архива» и статей, появившихся въ совѣтской Россіи;

3) замѣтокъ и воспоминаній иностранцевъ, бывшихъ въ совѣтской Россіи въ 1918—1919 г.г.

„Всѣ числа переведены на новый стиль; такъ какъ въ нѣкоторыхъ источникахъ стиль не былъ обозначенъ, то возможны ошибки въ 13 дней. Лица, незнакомыя съ бѣлымъ движеніемъ, найдутъ указанія на стр. 89, 127, 136 прим. 24, 153 и 157.

Глава 1-ая.

Въ первыхъ числахъ декабря 1917-го года въ маленькомъ особнякѣ на strada Кароль въ Яссахъ замѣтно было особое оживленіе. Къ «Поглавкоруму» генераль-адъютанту Д. Г. Щербачеву, помощнику Румынскаго короля по веденію военныхъ операцій и главнокомандующему русскими арміями на румынскомъ фронтѣ, пріѣхала миссія отъ совѣтскаго правительства съ предложеніемъ найти почву, на которой новая центральная власть могла бы стовориться съ высшимъ военнымъ начальникомъ, сохранившимъ фронтъ противъ вѣшняго врага. Миссія возглавлялась молодымъ товарищемъ Рошалемъ, извѣстнымъ расправой съ офицерами въ Кронштадтѣ. Его сопровождала нѣкая Бошъ, дама семитскаго типа, и нѣсколько другихъ представителей большевиковъ румынскаго фронта. Давая согласіе на пріемъ миссіи, Щербачевъ ограничилъ число представителей 6-ю лицами безъ оружія. На самомъ дѣлѣ явилось 15-18 человекъ; какъ оказалось потомъ — всѣ были вооружены револьверами. Большинство было въ кожаныхъ курткахъ безъ погонь. Со сто-

роны военного начальства присутствовали инспектор артиллерии фронта князь Масальский и несколько офицеров штаба.

Страна и фронтъ съ напряженіемъ ожидали результатовъ этого совѣщанія, отъ котораго зависѣло ближайшее будущее.

Щербачевъ, еще не оправившійся отъ ушиба, полученнаго при автомобильномъ столкновеніи, принялъ Рошаль и нѣсколькихъ изъ явившихся большевиковъ, сидя на кушеткѣ въ кабинетѣ адъютанта, смежномъ съ его столовой. Остальные члены делегации были проведены въ гостиницу, расположенную въ противоположномъ углу особняка. Тонъ совѣщанія былъ сдержанный: откровенной точки для соглашенія найдено не было. Рошаль предложилъ членамъ миссии, бывшимъ вмѣстѣ съ нимъ у Щербачева, удалиться въ гостиницу для совѣщанія съ оставшимися делегатами. Выйти изъ гостиной можно было только черезъ большую пріемную комнату, находившуюся въ центрѣ дома; другая дверь въ кабинетъ Щербачева была передъ прибытіемъ большевиковъ закрыта на ключъ. Чины штаба, адъютантъ, дежурные и ординарцы въ этой пріемной ожидали конца совѣщанія. Отъ времени до времени въ нее входили изъ гостиной, гдѣ за закрытыми дверями совѣщался Рошаль, отдѣльные делегаты. Появленіе оттуда въ пріемной нѣкоего Коренева не обратило на себя особаго вниманія. Онъ, не торопясь, направился къ комнатѣ, гдѣ полчаса тому назадъ былъ принятъ Рошаль. Подойдя къ дверямъ, онъ выхватилъ револьверъ и бросился впередъ. У самаго входа онъ былъ задержанъ подполковникомъ

Мельчаковымъ, схватившимъ его за руку. Почти одновременно на Коренева бросилось два другихъ офицера штаба. Отскочивъ назадъ, Кореневъ откинулъ верхнюю часть кожаной куртки, подъ которой былъ китель съ штабсъ-капитанскими погонами и закричалъ: «я офицеръ». Онъ былъ арестованъ, а въ приемную были введены чины охраны. Покушение могло бы удасться, даже послѣ первой неудачи, если бы большевики проявили рѣшительность: на требованіе выдать оружіе они отвѣтили протестомъ, въ то время какъ среди нихъ было достаточно вооруженныхъ, чтобы ослепить немногочисленную охрану.

Тѣмъ временемъ подоспѣла помощь со стороны находившейся поблизости румынской роты. Делегация подъ эскортомъ была направлена на станцію Сокала. Покушавшійся на Поглавкорума Кореневъ и начальникъ делегации комиссаръ Рошаль были потомъ арестованы.

Не исключается возможность, что совѣтское правительство, въ виду особаго положенія на румынскомъ фронтѣ, дѣйствительно намѣревалось привлечь Щербачева на свою сторону. Вѣдь и крайній правый Муравьевъ сыгралъ памятную роль на службѣ новой власти. Щербачевъ зарекомендовалъ себя еще до войны въ тѣхъ случаяхъ, когда войска призывались къ подавленію беспорядковъ⁽¹⁾. Вопросъ о мирѣ хотя въ принципѣ большевиками и былъ давно рѣшенъ, но Троцкій склонялся къ нѣко-

(1) Въ 1905 году Щербачевъ усмирилъ возстаніе въ Кронштадтѣ, причаливъ къ берегу на пассажирскомъ пароходѣ, имѣя войска и артиллерию на баржахъ на буксирѣ, въ виду военныхъ судовъ, находившихся въ рукахъ мятежниковъ.

торому сопротивленію для достиженія лучшихъ условій съ Германіей. Одними Крыленками удержать фронтъ было нельзя. Наибольше вѣской причиной прѣзда Рошала, однако, была необходимость держать общій фронтъ съ румынами, для чего нужно было лицо, приемлемое румынскому королю.

Со своей стороны, Щербачевъ, считалъ, что все въ Россіи устроится, лишь бы была выиграна война. Если бы удалось вызвать новый порывъ національныхъ чувствъ, то можно было рассчитывать продержаться до близкаго мира.

Объ договаривающіяся стороны ошиблись въ расчетахъ: Щербачевъ отказалъ большевикамъ во вмѣшательствѣ совѣтскихъ комиссаровъ въ распо-

въ Петербургѣ, въ одной изъ инженерныхъ частей, взбунтовавшіеся саперы собрались въ казармѣ, готовые отразить огнемъ попытку усмиренія. Щербачевъ вбѣжалъ въ дверь и крикнулъ «смирно». Люди были ошеломлены. Въ это мгновеніе солдаты Павловскаго полка, которымъ тогда командовалъ Щербачевъ, ворвались въ казармы и обезоружили бунтовщиковъ.

Той частью войскъ, которая 9-го января 1906 года была въ районѣ Зимняго дворца, тоже командовалъ Щербачевъ.

Соціалъ-революціонная партія включила Щербачева въ число лицъ, подлежащихъ ликвидаціи; былъ произведенъ рядъ покушеній на него: одна просительница принесла съ собою бомбу: въ боковое окно автомобиля Щербачева, въ которомъ ѣхали члены его семьи, былъ произведенъ выстрѣлъ; на углу Литейнаго и Невскаго револьверная пуля пробила заднее окошко и пролетѣла между Щербачевымъ и его сыномъ: при поѣздкѣ въ саняхъ на представленіе въ Зимній дворецъ Щербачевъ и его братъ, директоръ воспитательнаго дома, оба въ парадной формѣ подверглись нападенію со стороны студента: послѣдній промахнулся и ударилъ по треуголкѣ брата, ранивъ самого себя объ ея шитье.

ряженія военнаго командованія и въ допущеніи пропаганды въ войскахъ. Онъ потребовалъ заявленія о продолженіи войны противъ центральныхъ державъ.

Но и его расчетъ на національнсе чувство былъ невѣренъ. Для того, чтобы въ тѣ дни его вызвать, необходимы были конкретные объекты. Массы воодушевляются лишь когда возможенъ захватъ того, что находится въ чужихъ рукахъ: тогда появляется и національный подъемъ даже у нравственно устарѣвшихъ. На окраинахъ такимъ факторомъ была русская власть. Для ея сверженія въ Польшѣ и въ Финляндіи люди разныхъ направленій объединились. Уничтоженіе привелигированнаго политическаго и матеріальнаго положенія меньшинства легло въ основу созданія Балтійскихъ государствъ, вызвавъ въ нихъ національный порывъ. Подобное временное исчезновеніе партій на той же почвѣ мы видѣли и въ Германіи. Этнхъ факторовъ для центральной Россіи не было. Плѣнить же народъ надеждой на захватъ чужой страны, въ которой онъ нашель бы удовлетвореніе всѣхъ желаній, въ 1917 году уже было невозможно. Наконецъ, расчетъ на національное чувство былъ еще и потому несбыточенъ, что руководство внутренней политикой Совѣтской Россіи взяли на себя элементы въ большинствѣ не русскіе, для которыхъ возбужденіе націонализма и легко изъ него прнстекающаго шовинизма, было непріемлемо (2).

(2) Характерны, напримѣръ, слова Радека: «Господи, если бы въ этой борьбѣ за нами стоялъ другой народъ, а не русскій, мы могли бы сорвать весь міръ съ петель» (Зап. Локкарта).

Послѣ неудачи миссіи между совѣтской властью и Щербачевымъ началась открытая война. Возвращеніемъ «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» — Щербачевъ былъ объявленъ врагомъ народа.

Со своей стороны, Щербачевъ прикльпъ въ движеніе гигантскіе рычаги, чтобы погубить совѣтскую власть. Послѣдующія главы покажутъ его достойнымъ того исключительнаго вниманія, которое на него было обращено вышеописанной миссіей Рошала.

Глава 2-ая.

Люди, изображенные въ книгахъ, обладаютъ опредѣленными качествами; живые же отличаются отъ нихъ тѣмъ, что, въ зависимости отъ обстановки, проявляютъ то одно свойство, то противоположное. Всякая характеристика субъективна. Въ сущности, судъ людской несправедливъ — онъ выноситъ свои приговоры на основаніи отдѣльныхъ поступковъ. Понятіе о добродѣтели относительно: что по возрѣнію одного благородно, то по убѣжденію другого преступно. Сама государственная власть, устанавливающая нравственныя нормы, весьма различно ихъ опредѣляетъ, какъ мы видимъ въ послѣдній періодъ исторіи. Безцѣльно писать про человѣка, что онъ былъ уменъ и добродѣтеленъ. Читатель, стоящій на другой политической платформѣ, резонно возразитъ: «гдѣ же тутъ умъ и прочее, если герой даже не понималъ, что единственно вѣрное ученіе то, которому я слѣдую». Разныя оцѣнки Людовика XIV представляютъ собой примѣръ, на сколько отлича-

тотъ сужденія о человѣкѣ. Пусть и о Щербачевѣ судить по-всему всякій, — но лишь на основаніи историческихъ фактовъ. Отмѣчу безспорное.

Кто видѣлъ Щербачева какъ скромнаго, мягкаго, уступчиваго члена семьи, не могъ его узнать въ роли военачальника. Его прямолинейность и твердость не вязалась съ его исключительными дипломатическими способностями. По наружному виду онъ былъ своеобразенъ. Его лицо съ рѣзко очерченными чертами отличалось подвижностью. Взглядъ былъ у него пронзительный и придавалъ его лицу орлиное выраженіе. Подчиненные его любили, даже обожали, знакомые его уважали. Онъ былъ въ высшей степени набоженъ. Сынъ его пишетъ: «Не я одинъ, но многіе, случайно слышавшіе, какъ онъ молится каждое утро и каждый вечеръ, были потрясены его молитвой. Обыкновенно онъ молился, какъ всѣ, про себя, но часто въ порывѣ искренней молитвы онъ начиналъ молиться въ полголоса, и его фразу, вѣрнѣе молитву, «Боже, спаси Россію!» — я слышу, какъ сейчасъ. Надо было слышать, съ какою любовью и просьбой онъ ее произносилъ».

Молодой офицеръ Л. Гв. Конно-артиллерійской бригады Щербачевъ⁽³⁾, участвовавшій въ кеннскихъ

(3) Служебный путь: Орловская Военная гимназія, 3-е военное Александровское и Михайловское артиллерійскія училища 1876. Гвард. Конная артиллер. бригада. Окончаніе Акадѣм. Ген. Шт. 1884. Старшій адъютантъ штаба 2-ой Гв. пѣх. дивизіи. Цезовое командованіе ротой въ Л. Гв. Егерскомъ полку 1884—1898. Нач. Штаба 2-ой Гв. пѣх. див. 1898—1901, командиръ 145 пѣх. Новочеркаскаго Им. Александра III полка — 1903, командиръ Л. Гв. Павловскаго полка — 1906,

состязаніяхъ и бравшій не мало призовъ, хорошо былъ извѣстенъ петербургскимъ обывателямъ конца семидесятыхъ годовъ. Изъ поля зрѣнія публики онъ ушелъ, поступивъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Послѣ ея окончанія онъ служилъ на штабныхъ должностяхъ въ Петербургскомъ округѣ. Для постороннихъ онъ выдѣлился изъ общей массы офицерства, когда былъ взятъ въ Свиту. О немъ заговорилъ военный міръ послѣ его назначенія начальникомъ Академіи Генеральнаго Штаба. Онъ взялся за реформы ея программы и ея системы обученія. Въ этотъ періодъ у него завязались дружескія отношенія съ французскими генералами Жоффромъ, Жаненомъ и Фошемъ, начальникомъ военной академіи. Щербачевъ былъ командированъ во Францію для ознакомленія съ постановкой высшаго военного образованія.

Императоръ Николай II относился съ симпатіей къ реорганизаторскимъ начинаніямъ Щербачева, военный же министръ Сухомлиновъ считалъ дѣятельность его вредной. Завязалась война двухъ партій въ академіи. Къ одной принадлежали профессора Головицъ, Кельчевскій, Юнаковъ; къ другой — Бончъ-Бруевичъ, Ваіювъ. Между ними умѣло лавировалъ Янушкевичъ, прислушивавшійся къ проявленіямъ желаній и настроеній Вел. Кн. Николая Николаевича. Чтобы лишить Щербачева воз-

зачисленіе въ Свиту. Командиръ 1-ой финляндской стрѣлковой бригады 1907. Нач. Академіи Ген. Штаба до 1912 г., Команд. 9-го армейскаго корпуса 1913—1914 г., командующій 11-ой арміей 1915, Команд. 7 арм. 1915 г., Генераль-Адъютантъ Командующій Румынскимъ фронтомъ 1917 г.

возможности сближаться съ Государемъ, Сухомлиновъ произвелъ его вѣ въ очереди въ генералъ-лейтенанты, чѣмъ кончалось пребываніе въ Свитѣ. Его дѣятельность была окончательно прервана назначеніемъ на должность командира 9-го арм. корпуса. Итакъ военный министръ устроилъ Щербачеву съ цѣлью удаченія двойное повышеніе.

Въ Галиціи, въ самомъ началѣ войны Щербачевъ во главѣ 9 арм. корпуса удачно дѣйствовалъ въ бою подъ Злочевымъ; побѣдой на своемъ участкѣ онъ привелъ къ выигрышу общаго сраженія на Золотой Липѣ. Изъ ряда выходящимъ было его рѣшеніе взять Львовъ вопреки плану и категорическому приказанію Командующаго 3-ей арміей генерала Рузскаго. Когда доложили послѣднему, что крѣпость занята безъ боя войсками 42-ой пѣх. дивизіи ген. Роде, онъ воскликнулъ: «Щербачевъ увлекается, этого не можетъ быть». Черезъ нѣсколько часовъ послѣ побѣды къ Щербачеву прибыла подвода, высланная штабомъ арміи наканунѣ, нагруженная руководствами по осадѣ крѣпостей и планами крѣпости Львовъ. Во время великой Галиційской битвы онъ разбилъ австрійцевъ на высотахъ Раввы Русской. Щербачевъ получилъ Георгіевскій Крестъ 4-ой ст. и золотое оружіе. Послѣ этого послѣдовало его назначеніе командующимъ Перемышльскою осадною арміей. По опыту съ Львовымъ Щербачевъ попросилъ у Брусилова разрѣшенія ворваться въ крѣпость на плечахъ разбитыхъ австрійцевъ и для этого, подвелъ свои части къ фортамъ. Брусилловъ колебался и медлил рѣшеніемъ, чѣмъ далъ австрійцамъ время опомниться. Теперь изъ показаній быв-

шаго противника можно вынести убѣжденіе, что въ первые дни Перемышль не оказалъ бы серьезнаго сопротивленія. 5-го апрѣля 1915 г. Щербачевъ назначается командующимъ 11-ой арміей, стоявшей фронтомъ на Ужгородъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого весь русскій фронтъ на Дунайцѣ началъ отступленіе, что заставило и 11-ую армію отходить. Но и здѣсь Щербачевъ выдѣляется. Германскія войска, форсировавшія Днѣстръ у Жидачева и разбившія 22-ой армейскій корпусъ, атакуются имъ во флангъ и тылъ присланными на поддержку ген. Ивановымъ 3-ей гвардейской и 82 дивизіями. Цѣлый германскій гв. полкъ попадаетъ въ плѣнь. За эту побѣду во время отступленія Щербачевъ награждается Георгіемъ 3-ей степени изъ рукъ Государя. Къ этому періоду относится историческая фраза Щербачева: «не могу дальше держаться, а потому перехожу въ наступленіе».

Въ октябрѣ 1915 года Щербачевъ назначается командующимъ 7-ой арміей, сформированной въ Одессѣ, съ цѣлью десанта въ Константинополь. Узнавъ о обстановкѣ и тѣмъ положеніемъ, въ которое могла бы попасть армія даже послѣ удачнаго захвата Константинополя, Щербачевъ докладываетъ Государю, что считаетъ оперцію авантюрой. Несмотря на то, что Императору Николаю II идея весьма нравилась, онъ уступаетъ. Щербачевъ не только не впадаетъ въ немилость, но назначается ген.-адъютантомъ, а VII армія перебрасывается согласно его предложенію въ Галицію, гдѣ лѣтомъ 1916 г. въ районѣ къ югу отъ Тарнополя одерживаетъ успѣхи.

Въ апрѣль 1917 г. Щербачевъ назначается Командующимъ Румынскимъ фронтомъ. Тутъ онъ оказываетъ неоцѣнимую услугу союзникамъ, въ частности Румыніи.

На совѣщаніи представителей Согласія въ Шантильи было принято рѣшеніе произвести общій ударъ весной 1917 г. Въ соответствии съ этимъ рѣшеніемъ и общими указаніями Ставки, Щербачевъ совмѣстно со своимъ Начальникомъ Штаба ген. И. Головинимъ, выработалъ планъ наступленія на румынскомъ фронтѣ. Главный ударъ былъ намѣченъ на нижнемъ теченіи рѣки Сереть въ районѣ теть-де-пона Немолоаза на востокъ отъ Фокшанъ. На фронтѣ въ 15 километровъ должна была быть сосредоточена огромная масса войскъ: вновь сформированная подъ руководствомъ французовъ 1-ая румынская армія, большая часть 6-ой русской арміи, $\frac{3}{4}$ всей тяжелой артиллеріи фронта, 2-ой кавказскій корпусъ и рум. кав. дивизія. Остальныя силы сжимались сильно къ югу. Послѣ прорыва фронта собранный кулакъ долженъ былъ направиться на западъ на Римникуль-Сарата-Фокшанъ съ охватомъ праваго фланга ген. Макензена. Одновременно 2-ая рум. армія ген. Авереско и 4-я русская армія должны были прорвать фронтъ противника въ районѣ Рекоаза, что въ случаѣ успѣха могло привести къ полному окруженію группы Макензена (записка ген. Геруа).

Чтобы отдать себѣ отчетъ о размѣрахъ подготовлявшейся операціи, достаточно указать, что на 40-километровомъ участкѣ фронта, общее протяженіе котораго было около 500 км., предполагалось сосредоточить 24 дивизіи со всей тяжелой артилле-

рїей, тогда какъ на остальныхъ 460 км. оставалось лишь около половины всѣхъ силъ фронта. Для париреванія возможныхъ неожиданностей со стороны противника на растянутомъ сѣверномъ участкѣ большая часть 9-ой арміи выводилась въ общій резервъ фронта.

Мы видимъ тутъ стратегію, не уступающую по размаху наиболѣе отважнымъ кампаніямъ исторіи войны.

Этотъ планъ былъ встрѣченъ румынами несочувственно. Государственные люди во главѣ съ Братиано, считали его рискованнымъ въ виду пошатнушагося, послѣ революціи, духа русскихъ войскъ. Командующій 2-ой рум. арміей ген. Авереско считалъ необходимымъ главный ударъ нанести на фронтъ его арміи. Братиано настоялъ на созывѣ Короннаго Совѣта. Въ убѣдительной рѣчи Щербачевъ указалъ на то, что всѣ свои бывшія операціи онъ считалъ рискованными, однако, онѣ увѣнчались успѣхомъ. Планъ былъ одобренъ.

Для отвлеченія вниманія нѣмцевъ отъ района главнаго удара, 2-я рум. армія ген. Авереско должна была начать наступленіе на два дня раньше атаки главной группы. Начатое 11 іюля, оно увѣнчалось успѣхомъ. Главная ударная масса приступила къ артиллерійской подготовкѣ и заканчивала послѣднія передвиженія, чтобы со своей стороны прорвать фронтъ противника, когда 12 іюля, наканунѣ атаки, прибыла телеграмма Керенскаго, предписывающая, отъ имени Правительства, отмѣнить атаку, въ виду общаго отступленія войскъ на Юго-Зап. фронтъ (Тарнополь-Калущь).

Произведенное сосредоточеніе войскъ на южномъ участкѣ, однако, не только не прошло даромъ, но оказалось роковымъ для противника въ предпринятой имъ атакѣ румынскаго фронта. Дѣло въ томъ, что, считаясь съ угрозой, нависшей надъ правымъ флангомъ фронта въ виду событіи на юго-зап. фронтѣ, Щербачевъ началъ перегруппировку войскъ къ сѣверу, предполагая замѣнить часть русскихъ войскъ на югѣ дивизіями 1-ой румынской арміи. Фельдмаршалъ Макензенъ, сообразно съ успѣхомъ, достигнутымъ на юго-зап. фронтѣ, рѣшилъ нанести сокрушительный ударъ румынскому фронту. Къ району его атаки направлялись въ этотъ моментъ части 1-ой рум. арміи. 24 іюля завязалось большое сраженіе въ районѣ Маранесити, въ которомъ приняли участіе войска 4-ой и 6-ой русской и 1-ой румынской арміи, которое закончилось для противника неудачей 6 августа. Если въ началѣ германской атаки часть русскихъ войскъ сдала, не оказавъ достаточнаго сопротивленія, то въ дальнѣйшемъ русскія дивизіи имѣли успѣхъ. Румынскія войска выдержали этотъ серьезный экзаменъ послѣ печальныхъ результатовъ перваго періода войны. Румынскіи солдаты показали, что, будучи обучены, вооружены, снабжены всѣмъ необходимымъ и подъ хорошимъ руководствомъ, онъ является отличнымъ боевымъ элементомъ (записки ген. А. Геруа).

Фельдмаршалъ Макензенъ отказался отъ дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій. Еслибъ планъ его удался, Германія могла бы диктовать свою волю, если не противникамъ, то своимъ союзникамъ. Развалъ ихъ не могъ бы имѣть мѣсто.

Все теченіе событіи на востокѣ Европы приняло бы иное направленіе.

Противникъ остался прикованнымъ къ мѣсту. Имя Щербачева стало въ Румыніи чрезвычайно популярнымъ. Государственные люди Румыніи воспрянули духомъ, получивъ доказательство, что они могутъ уже рассчитывать на собственныя силы. Среди русскихъ генераловъ нашелся полководецъ, который сумѣлъ, почти полгода послѣ приказа № 1, организовать сопротивление натиску Макензена.

Дабы обезпечить правый флангъ фронта отъ возможныхъ наступательныхъ попытокъ противника, Щербачевъ въ концѣ августа, несмотря на продолжавшееся ухудшеніе духа русскихъ войскъ, сосредотачиваетъ въ районѣ 18-го армейскаго корпуса, нѣсколько корпусовъ 9-ой арміи для удара на фронтъ отъ Серета до Сольки. Наступленіе началось удачной атакой частей 18 корпуса ген. Геруа, но развитіе успѣхъ оказалось невозможнымъ, въ виду распространенія на войска 9-ой арміи пагубнаго вліянія со стороны сосѣднихъ войскъ юго-зап. арміи (защески ген. А. Геруа).

Боевая роль ген. Щербачева, какъ Главнокомандующаго войсками фронта, была закончена.

Глава 3-я.

Еще до окончательнаго разрыва съ центральной совѣтской властью Щербачевъ находился въ сложной обстановкѣ. На немъ лежала задача сглаживать тренія, неизбежно возникающія при совмѣстныхъ съ

другой державой дѣйствіяхъ. Расположеніе арміи на территоріи другого государства чревато послѣдствіями. Цѣль всякой войны побѣда. Но интересы союзниковъ не совпадаютъ. Зачастую возникаютъ разногласія и въ выборѣ путей къ достиженію конечной общей цѣли. Руководители сувереннаго государства весьма неохотно мирятся съ необходимостью уступить иностранцамъ главную роль въ ихъ странѣ, хотя бы дѣло и шло лишь о военныхъ операціяхъ. Противъ иностранца, на котораго выпадаетъ эта роль, образовывается враждебная партія. Достаточно вспомнить о тѣхъ затрудненіяхъ, которые выпали на долю Веллингтона на Иберійскомъ полуостровѣ въ его борьбѣ противъ наполеоновскихъ войскъ.

Рѣдко удается согласовать работу военного командованія съ воззрѣніями дипломатическихъ представителей, находившихся раньше въ странѣ.

Въ Иссахъ положеніе усложнилось еще тѣмъ, что при Королѣ состояли, кромѣ дипломатическихъ, еще и военные представители союзниковъ, которые требовали дѣйствій, когда это было желательно для ихъ государствъ.

Въ противоположность своимъ предшественникамъ Щербачевъ въ кратчайшій срокъ наладилъ всѣ отношенія. Онъ сталъ близкимъ человѣкомъ для Румынскаго Короля. Командующій румынской арміей ген. Презантъ сталъ его другомъ. Установились нормальныя отношенія съ русскимъ посломъ въ Румыніи Иодлевскимъ-Козель и съ военными представителями, а въ частности съ ген. Бертело, на-

чальникомъ французской миссиі, руководившимъ реорганизаціей румынской арміи.

Одновременно съ этой дипломатической дѣятельностью, ничего общаго съ прямой работой по военнымъ операціямъ не имѣющей, Щербачеву приходилось удерживать армію и тылъ отъ революціоннаго разложенія. Авторитетъ строевого начальства былъ подорванъ установившейся при вр. правительствѣ системой. Распоряженія центральной власти стали передаваться дежурнымъ генераломъ при Ставкѣ черезъ начальниковъ политическихъ отдѣловъ фронта и арміи прямо въ войска, минуя строевое начальство. Еще чаще правительство обращалось радиограммами непосредственно къ войсковымъ комитетамъ. Этимъ въ свою очередь воспользовался противникъ: установивъ выходъ въ Петроградъ какаго-либо разлагающаго постановленія, онъ передавалъ его русскимъ войскамъ радиограммами.

Послѣ переворота 26 октября было разослано объявленіе «вся власть у большевиковъ», т.-е. ше у строевого начальства. Командиры частей получали подобныя распоряженія, а одновременно съ ними и требованія Щербачева о дисциплинѣ и стойкости на фронтѣ. Въ самомъ штабѣ фронта находился политическій отдѣлъ подъ начальствомъ ген. Сытина, работавшій въ противоположномъ Щербачеву направленіи.

Не всѣ лица команднаго состава вели себя одинаково при вновь смѣнившейся обстановкѣ. Командующій 6-ой арміей ген. Пуриковъ и его начальникъ штаба ген. Радусъ-Зеньковичъ придерживались линии поведенія, настолько разнящейся отъ взглядовъ

Щербачева, что послѣдній въ частной бесѣдѣ на вопросъ объ ихъ достоинствахъ, взвѣсивъ свои слова, отвѣтить, «это совершенные негодяи». Между тѣмъ смѣна старшихъ начальниковъ стала фактически неосуществимой. Деникинъ пишетъ и Щербачевъ согласился предоставить Каледицу 6 армію вмѣсто Цурикова, окончательно запутавшагося въ демагогіи. Но по требованію комитетовъ Цуриковъ былъ оставленъ. (Оч. рус. смуты II стр. 163).

Нѣсколько обстоятельствъ помогли Щербачеву задержать темпъ распада армій: ему удалось добиться того, что фронтовой комитетъ 30 октября 1917 г. принялъ рѣшеніе о непризнаніи совѣтской власти. Позднѣе ему помогло то, что на фронтѣ стояли румынскія войска, близость коихъ удерживала солдатъ отъ порывистаго проявленія свободъ. Наконецъ, между центральной властью и румынскимъ фронтомъ выросла петлюровская Украина. Франція признала ее 18 дек. 1917 г., Англія и Германія въ началѣ 1918 года. Будучи убѣжденнымъ противникомъ расчлененія Россіи, Щербачевъ все же учелъ этотъ факторъ. Онъ командировалъ въ Кіевъ командира 18-го армейскаго корпуса ген. Геруа съ цѣлью выяснить возможность соглашенія съ директоріей. 3 декабря 1917 г. генеральный секретаріатъ Украинской Народной Республики объявилъ приказъ, въ коемъ указывалось, что петроградское правительство народныхъ комиссаровъ безцельно устроить жизнь изстрадавшихся народовъ Россіи и справиться съ разрухой, царящей въ арміи. Не желая быть безучастнымъ свидѣтелемъ происходящаго, Генеральный Секретаріатъ постановилъ поэтому

объединить юго-западный и румынский фронты въ одинъ общій украинскій. Верховнымъ Главнокомандующимъ быть призналъ Щербачевъ. Предложеніе перенести Ставку въ Житомиръ Щербачевъ, однако, отклонилъ, указавъ на важность дипломатическихъ связей въ Яссахъ. Начальникомъ своего штаба стъ вопреки желаніямъ Рады назначилъ ген. А. Геруа, возвратившагося изъ Кіева во второй половинѣ декабря 1917 г.

Еще раньше этого во второй половинѣ октября передъ захватомъ власти большевиками, Духонинъ предлагалъ Щербачеву принять верховное командованіе надъ всею русскою арміею. Чувствуя, что стъ не можетъ справиться съ обстановкой, Духонинъ нѣсколько разъ вызывалъ Щербачева къ юзу, посвящалъ его въ обстановку и совѣщался о возможныхъ мѣропріятіяхъ. Эти разговоры стъ Щербачева описываетъ такъ: «Юзы Штаба находились въ полудисциплиномномъ помѣщеніи штаба. Въ 9 часовъ вечера большинство аппаратовъ не работало. Въ помѣщеніи горѣла лампочка надъ юзомъ Ставки. Въ полной тишинѣ было слышно только шипѣніе аппаратовъ. Присутствовали при разговорахъ, кромѣ паны, лишь телеграфистъ и я». Примерно въ это время въ штабъ фронта заѣхалъ полк. Одинцовъ. Щербачевъ, отпуская его обратно въ Ставку, поручилъ ему подробно освѣтить обстановку. Когда въ Ставкѣ стали извѣстны намѣренія Крыленки, Духонинъ сообщилъ Щербачеву, что стъ не уступитъ и останется на своемъ посту до конца. Последній посовѣтывалъ ему перенести Ставку въ Кіевъ, гдѣ ручался за ея сохранность. Духонинъ возвра-

зиль, что это можетъ имѣть видъ бѣгства. Щербачевъ настаивалъ. На слѣдующій день Духонинъ просилъ Щербачева, если что случится, принять верховное командованіе. Завѣщаніе его было принято Щербачевымъ съ повтореніемъ совѣта переѣхать. Еще день и Одинцовъ, якобы отъ имени Духонина телеграфирсвалъ, чтобы Щербачевъ немедленно выѣхалъ въ Ставку (*). Однако, послѣ передачи этой телеграммы было получено частное извѣщеніе, что Духонинъ убитъ и что Щербачева въ случаѣ его прибытія въ Ставку ожидаетъ та же участь.

Украинскимъ верховнымъ главнокомандующимъ Щербачевъ оставался недолго. 12 января 1918 г. Украина объявила 4-ый универсалъ съ рѣшеніемъ заключить миръ. Щербачевъ отказался отъ подчиненія Украинѣ. Директорія предала его (на бумагѣ) суду. Осложнили положеніе выпущенный приказъ о демобилизаціи, переданный и со стороны противника непосредственно въ расположеніи войскъ. Солдаты съ фронта стали уходить. Въ тылу, которой служилъ не только русской, но и румынской арміи, воцарилась анархія.

Иностранные представители рѣшили, что единственнымъ исходомъ изъ положенія является созданіе независимой Бессарабіи. Отъ ихъ имени графъ СентъОлеръ предложилъ Щербачеву объявить себя самостоятельнымъ правителемъ Бессарабіи. Послѣтвовавшись со своимъ начальникомъ штаба ген.

(*) Исходила ли эта телеграмма дѣйствительно отъ Одинцова, поступившаго одновременно съ этимъ на службу къ советскому правительству, или нѣтъ, осталось невыясненнымъ.

Геруа, Щербачевъ, не имѣя никакихъ средствъ воздѣйствія на тылъ, отказался. Румынское правительство заняло Бессарабію своими войсками, послѣ захвата революціонерами Кишинева, перерыва желѣзнодорожнаго и телеграфнаго сообщенія фронта съ тыломъ и послѣ того, какъ посланный Щербачевымъ для усмиренія ген. Некрасовъ, не доѣхавъ до Кишинева, былъ убитъ. Впослѣдствіи, когда русскій фронтъ пересталъ существовать, образовавшаяся въ тылу директорія «Сфатуль Церіи» обратилась къ румынскому правительству съ просьбой о присоединеніи Бессарабіи къ Румыніи, что привело къ акту 28 марта 1918 г. Щербачевъ согласился на первое введеніе войскъ въ Бессарабію подъ условіемъ деклараціи, что румынское правительство выведетъ войска лишь только порядокъ будетъ возстановленъ.

При такой общей обстановкѣ Щербачевъ удержалъ свой фронтъ съ хвоста. При содѣйствіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, румынскихъ войскъ ему удалось воспрепятствовать массовому уходу войсковыхъ частей съ фронта, что позволяло поддерживать относительный порядокъ и въ тылу. Препятствовать же просачиванію въ тылъ безоружныхъ было невозможно, фронтъ таялъ. Чтобы создать устойчивыя войсковыя единицы, было пристушено къ формированію національныхъ частей, которыя намѣчено было свести въ 5 корпусовъ: 2-хъ польскихъ Довборъ-Мусницкаго и Галлера, 1-го мусульманскаго Судькевича и 2-хъ украинскихъ. 6-ой корпусъ предполагалось составить изъ добровольцевъ подъ начальствомъ ген. Кельчевскаго.

Одновременно съ этимъ, по соглашенію съ румынскимъ командоваіемъ, на фронтъ выводились всѣ румынскія дивизіи. Щербачевъ полагаеъ, что 18 румынскихъ дивизіи, укомплектованныхъ полностью, обученныхъ и отлично снабженныхъ необходимымъ, могли вмѣстѣ съ оставшимися еще на фронтѣ русскими войсками удержатъ до 35-40 слабыхъ по численности дивизіи противника.

Имущество фронта зарегистрировывалось и ставалось подъ расписку румынамъ, поскольку оно необходимо было для новыхъ формированій. Насколько быстро фронтъ таялъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ концѣ ноября 1917 г. было 1.190.264 противъ штата 1.761.245 чел. (382.883 русскихъ и 129.555 румынскихъ штыковъ). Къ 5/18 января 1918 г. на фронтѣ оставалось немногимъ больше 50.000 русскихъ штыковъ. Приказъ о демобилизаціи былъ данъ лишь 25 марта 1918 г.

Между тѣмъ, германскія войска проникли въ Украину, обходя правый флангъ румынскаго фронта. Приглашенный директоріей (Голубовичемъ) ген. Эйхгорнъ занялъ 21/III Кіевъ, 4/IV Харьковъ, 7/V Ростовъ. Австріицы заняли 12/III Одессу.

При такомъ отчаянномъ положеніи Румынскій Король сбеуждалъ съ Щербачевымъ предложеніе, присланное Алексѣевымъ, отойти на новую оборонительную линію въ районъ Дона. Несмотря на рискъ и трудности, Король былъ склоненъ принять этотъ планъ, но правительство колебалось, событія же развивались: формированіе національныхъ частей не дало того, на что рассчитывало русское командоваіе.

Два українських корпуси розсыпались; одинъ, будучи еще во времена Рады посланъ на Украину, растаялъ подъ вліяніемъ проникшей въ его ряды пропаганды; другой былъ самовольно снятъ съ фронта и не безъ искусства уведень мимо румынскихъ частей въ тылъ временно командуюцимъ ген. Шильдбахомъ. По прибытіи на родину его постигла та же участь, какъ и перваго. Телеграмма № 65.786 дасть картину положенія на фронтѣ передъ его уходомъ: «Поглавкорум приказалъ объявить, что замѣнить части 23 (українскаго) корпуса на позиціи 10-мъ корпусомъ не можетъ, въ виду слабаго численнаго состава. Оставленіе 23-мъ корпусомъ позиціи безъ замѣны кѣмъ-либо равносильно измѣнѣ родниѣ и всякій, кто такой примѣръ подасть, будетъ считаться измѣнникомъ. Въ случаѣ движенія 23-го корпуса безъ приказанія съ фронта кнѣ будетъ согласно приказа № 01950 разоружень. Приказъ о движеніи 23-го и 16-го корпусовъ Поглавкорум отмѣняетъ, и приказалъ напомнить тяжелую отвѣтственность всѣхъ, кто беретъ на себя очищеніе фронта и увеличеніе развала арміи. Яссы, 28 декабря № 0,2224 Геруаз. На польскіе корпуса также не приходилось уже рассчитывать. Ихъ нельзя было увлечь въ обратномъ отъ ихъ родины направленіи. Они были отосланы въ Польшу, куда и прибыли послѣ всякихъ приключеній. Мусульманскій корпусъ Сулькевича, отосланный въ Крымъ, по дорогѣ, на Дибетръ, былъ окружень оккупаціонными войсками пѣмцевъ и лишень войскового имущества. Формированіе добровольческаго корпуса свелось къ

набору 600 человекъ подъ начальствомъ Дроздовскаго.

При такомъ положеніи на фронтъ Щербачевъ рѣшилъ взять на себя инициативу переговоровъ о перемиріи, давая Румынскому Королю сохранить лицо передъ союзниками. Румыны сохранили благодарность Щербачеву за этотъ актъ. Для переговоровъ о перемиріи былъ посланъ ген. Кельчевскій, который выговорилъ условіе, что противникъ не уведетъ съ фронта своихъ дивизій до заключенія мира. Перемиріе между русскимъ Главнокомандующимъ и фельдмаршаломъ Макензеномъ не было унижительнымъ для русскихъ.

Румынія заключила миръ. Германія согласилась на присоединеніе къ Румыніи Бессарабіи.

Въ условія мира было включено расформированіе, если понадобится силой, всѣхъ національныхъ и добровольческихъ русскихъ частей на румынской территоріи. Раньше чѣмъ это условіе было обнародовано, Дроздовская бригада исчезла изъ предѣловъ Румыніи.

18 апрѣля 1918 г. Щербачевъ сообщилъ союзнымъ миссіямъ, что передаетъ ликвидацію фронта ген. Перякхайло, и переѣхалъ частнымъ человекомъ въ Гдынцу, замокъ князя Богдана. По случаю ухода Щербачева союзные посланники въ Яссахъ обратились къ нему со слѣдующимъ коллективнымъ письмомъ:

Yassy 8 avril 1918.

Excellence

Par votre lettre du 7 avril N 113576, vous nous communiquez que vous vous demitez de vos fonctions de Commandant en Chef des Armées Russes du front Roumain et que le général Perjkhailo est nommé chef de la commission de démobilisation du front.

Au moment ou vous abandonnez votre poste, permettez nous de vous exprimer nos regrets de ne plus pouvoir travailler en commun et de vous confirmer toute l'estime que vous avez su vous gagner par votre fermeté et votre entière loyauté grâce auxquelles, dans les situations les plus pénibles, vous avez su soutenir dans la mesure du possible les interêts des Alliés.

Veillez agréer, Excellence, l'assurance de
notre complète estime.

Ambassadeurs	{	de Grande Brétagne	I. Barclay
		des Etats Unis d'Amérique	C. Vopica
		de France	St. Aulaire
		d'Italie	Faciotti

Ходатайство Щербачева о разрѣшеніи переѣхать въ Швейцарію осталось безъ отвѣта со стороны нѣмцевъ.

Въ это время Троцкій прислалъ члена Румгерода Брашевана съ предложеніемъ всему штабу Щербачева въ полномъ составѣ перейти на совѣтскую

службу въ качествѣ полевого штаба Красной арміи. Штабъ отказался.

Изъ общей массы изложенныхъ здѣсь фактовъ выдѣлимъ то, что относится къ темѣ. Въ изложенный періодъ Щербачевъ ведетъ борьбу со внѣшнимъ врагомъ и одновременно готовитъ вооруженныя дѣйствія одними русскими средствами, безъ иностранной помощи, противъ совѣтской власти. Онъ рассчитываетъ на отличающуюся отъ великороссовъ психологію инородцевъ. Кромѣ того, онъ надѣется набрать цѣлый корпусъ изъ русскихъ людей, настолько убѣжденныхъ въ необходимости борьбы съ большевиками, что они съ оружіемъ въ рукахъ последуютъ за нимъ на бой съ совѣтской властью. Расчетъ его не оправдывается. Малороссійскія войска отличаются отъ великорусскихъ лишь темъ — разложены. Національныя чувства поляковъ побуждаютъ ихъ идти на родину, а не на вмѣшательство во внутреннія дѣла бывшаго завоевателя. Татарскій корпусъ не выдерживаетъ испытанія. Добравшись до Крыма, татарскія части корпуса уходятъ при первыхъ признакахъ появленія противника.

Неточнымъ оказался и расчетъ на другую категорию борцовъ противъ совѣтовъ — добровольцевъ. Находясь на территоріи чужого государства, Щербачевъ могъ рассчитывать найти необходимые для этого элементы лишь въ войскахъ фронта. Между тѣмъ, солдатскій элементъ ухватился за вѣсть о мирѣ. Какъ можно было направить его на борьбу съ большевиками, которые позволяли ему немедленно вернуться домой и обѣщали всю власть передать въ

руки «народа»? Оставались офицеры, дравшіеся съ мужествомъ, а зачастую и героически противъ вѣшняго врага. Для нѣкоторыхъ оставшихся въ живыхъ теперь понятно почему имъ необходимо было бороться, хотя бы съ точки зрѣнія личной безопасности, не говоря о политическоіи идеи. Тогда же обстановка была для нихъ не ясна. Февральскій переворотъ и послѣдующая политика Временнаго Правительствавнесли политическій сумбуръ въ офицерскую среду. Эта среда была по своему составу къ концу 1917 г. далеко не тѣмъ, что въ мирное время.

Русское офицерство было въ корнѣ аполитично. По стандарту жизни русскихъ офицеровъ нельзя было причислить къ буржуазіи. Для многихъ изъ нихъ военная карьера являлась средствомъ къ существованію. Прерогативы классовъ не могли ни въ коемъ случаѣ увлечь ихъ на самопожертвованіе.

Выпущенные во время войны офицеры вели себя доблестно въ бояхъ, но имъ казалось, что они офицеры лишь на время войны, а съ переходомъ на мирное положеніе они становятся снова простыми гражданами, какими были раньше. Мысль о томъ, что какая-либо власть можетъ преслѣдовать ихъ за то, что они выполнили свой долгъ на фронтѣ съ офицерскими погонами, не приходила многимъ, первоначально, въ голову.

При формированіи добровольческихъ частей нельзя было апеллировать къ определенной государственной мысли, изъ опасенія, что любая формула найдетъ наряду съ приверженцами большое число противниковъ. Поэтому и Деникинъ пишетъ: «Мы

не предвѣшали будущаго государственнаго устройства, ни путей и способовъ, коими русскій народъ объявитъ свою волю.»

Нельзя не упомянуть и о фатализмѣ и его дѣтницѣ инертности. Чувство долга побѣждаетъ эту покорность судьбѣ, но когда долгъ не ясенъ и остается лишь личный вопросъ, средній русскій человекъ не склоненъ къ рѣшительному воздѣйствію на общій ходъ событій. Поговорка «одинъ въ полѣ не воинъ» не существуетъ ни на одномъ западно-европейскомъ языкѣ. Человѣку съ воинственнымъ эгоизмомъ она не понятна (5).

Такое странное явленіе можно однако объяснить и паденіемъ энергіи. Ллойдъ Джорджъ говоритъ: «Сложная вещь — человѣческая натура. Иногда люди неожиданно дѣлаютъ усиліе, грандіозность котораго всѣхъ изумляетъ. Такимъ усиліемъ была послѣдняя война. А иногда, въ случаяхъ, касаю-

(5) Въ концѣ декабря 1917 г. матросы захватили Ялту, послѣ чего организаторы этого дѣла съ такой-же цѣлью перѣѣхали на частномъ пароходѣ въ Одессу. Старшимъ начальникомъ въ Одессѣ былъ ген. Санниковъ. Наканунѣ ихъ прибытія не подчиненные ему украинскіе гайдамаки оставили городъ. Когда ген. Санникову доложили о всѣхъ подробностяхъ предпологавашагося на слѣдующій день выступленія, для котораго у матросовъ не могло быть въ началѣ выступленія болѣе 500 чел., онъ лишь развелъ руками. На указаніе, что въ Одессѣ насчитывалось около 10.000 чел. въ офицерскомъ союзѣ, возглавляемомъ ген. Леонтовичемъ, онъ съ грустью сдѣлалъ безнадежный жестъ. Горсть возставшихъ произвела переворотъ въ Одессѣ. Поставили заставы на выходахъ изъ города. Былъ объявленъ срокъ 24 часа для свободнаго ухода изъ города офицеровъ. Повѣрившихъ захватили на заставахъ, прочихъ розыскали по домамъ.

щихся ихъ ближайшимъ образомъ, они не предпринимаютъ рѣшительно ничего».

Между тѣмъ исторія показала, что и инертные люди такъ или иначе вынуждены были участвовать въ гражданской войнѣ. Не отдѣльный человѣкъ рѣшаетъ свое отношеніе къ событіямъ, а стихія. Фатализмъ наперекоръ логикѣ близокъ къ истинѣ. Разумъ—величина другого, чѣмъ истина, измѣренія. Объема нельзя измѣрить точкой. Черви вникаютъ основательнѣе въ окончательные результаты человѣческаго бытія, чѣмъ Кантъ со своимъ «чистымъ разумомъ» и «категорическимъ императивомъ». При данной обстановкѣ офицеры ни «категорическаго» ни вообще какого-либо «императива» не могли у себя обнаружить, и ихъ въ этомъ никто не можетъ винить.

Эти обстоятельства, а также неблагоприятно создававшая въ послѣдствіи обстановка, въ связи съ проникновеніемъ нѣмцевъ въ Малороссію и заключеніемъ мира Румыніей, воспрепятствовали закончить формированіе на румынскомъ фронтѣ добровольческаго корпуса. На подмогу добровольческой арміи, на югъ Россіи, отправилась лишь бригада ген. Дрездовскаго, пробившись туда черезъ оккупированную нѣмцами территорію. Кромѣ того, подъ начальствомъ полк. Ильина, былъ отправленъ въ Добровольческую армію пароходъ съ санитарнымъ имуществомъ, весьма пригодившимся добровольцамъ. Въ послѣдствіи была палажена отправка вооруженія и аммуниціи.

Неудача съ формированіемъ национальныхъ и добровольческихъ частей изъ войскъ румынскаго фронта, казалось, выбивала карты изъ рукъ Щерба-

чева. Въ дальнѣйшихъ главахъ мы увидимъ, однако, какіе у него нашлись еще неожиданные козыри.

Глава 4-ая.

Живя въ сторонѣ, въ замкѣ Гдыни, Щербачевъ обдумывалъ планы, могущіе при разныхъ обстоятельствахъ привести къ побѣдѣ надъ большевиками. Онъ велъ переписку съ начальниками добровольческихъ армій, гдѣ послѣ смерти Алексеѣва и въ особенности послѣ германской оккупации (Ф. Кверцера, имѣя 3 пѣх. дивизіи и 1 кав. дивизію, послѣ кровопролитнаго боя занялъ въ началѣ мая Батайскъ и стремился установить сношеніе съ казаками), пренебрегли непады между ген. Деникинымъ и атаманомъ Красновымъ. Первый обвинялъ второго въ германофильствѣ. Красновъ же указывалъ на свое непосредственное соприкосновеніе съ германскими оккупационными войсками и на необходимость сохраненія добрососѣдскихъ съ ними отношеній. Онъ получалъ отъ немцевъ снабженіе и, передавалъ такое и деникинской арміи.

Принятіе Щербачевымъ верховнаго командованія надъ всѣми антибольшевистскими арміями юга Красновъ считалъ единственнымъ средствомъ для устраненія дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Щербачевъ, однако, думалъ объ иныхъ путяхъ: онъ рассчитывалъ на побѣду надъ большевиками лишь съ помощью союзниковъ: всѣ его мысли шли къ тому, чтобы стать связующимъ звеномъ между верховнымъ совѣтомъ союзниковъ въ Парижѣ, и ар-

міями уже существующими, а также и тѣми, которыя онъ мечталъ создать съ ихъ помощью. Поэтому онъ отъ предложенія Краснова отказался и просилъ Краснова подчиниться Деникину.

Осенью 1918 г. Щербачевъ послалъ въ добровольческую армію полк. ген. штаба Мельчакова съ письмами командному составу для полученія отъ старшихъ начальниковъ ихъ соображеній по поводу его плановъ. Отвѣтъ совпалъ съ крушеніемъ южнаго фронта центральныхъ державъ.

Когда ген. Бертело во главѣ союзныхъ войскъ въѣхалъ черезъ Джорджию въ Букарестъ, Щербачевъ отпраздновалъ къ нему для приведенія своихъ намѣреній въ исполненіе. Ген. Бертело, передавъ ему отъ имени Франціи почетный легіонъ большого креста и обсудивъ съ нимъ обстановку, остановился на планѣ, о которомъ Щербачевъ въ тотъ же вечеръ, 15 ноября 1918 г., написалъ ген. Деникину слѣдующее:

«Милостивый Государь Антонъ Ивановичъ, какъ я писалъ Вамъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ, я посвѣтилъ ген. Бертело въ его главной квартирѣ въ Букарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ проѣздѣ въ Главную Квартиру Маршала Франшэ д'Эспре и далѣе въ Парижъ съ цѣлью ускорить прибытіе союзныхъ войскъ и средствъ войны въ Россію.

Въ Букарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли предположенія.

Путемъ непосредственнаго общенія и обмѣна мнѣній съ генераломъ Бертело, съ коимъ насъ свя-

звала и прежняя общность идей и дѣйствій, нынѣ удалось придать переговорамъ въ Бухарестѣ форму исчерпывающе рѣшительную настолько, что временно отпала надобность проѣзда въ Парижъ и къ Франшэ д'Эндре.

Генералъ Бертело, имѣющій личную и дѣйную сильную поддержку Г. Клемансо, Предсѣдателя союзныхъ версальскихъ совѣщаній, облеченъ полною мощью «Главкома» армій союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи» и въ качествѣ такого лица имѣетъ возможность проектировать и осуществлять все вопросы политическіе и военные, касающіеся юга Россіи и спасенія ея отъ анархіи. Нынѣ удалось подвинуть этотъ вопросъ впередъ настолько, что нынѣ едва ли останется желать въ этомъ отношеніи ничего сверхъ предполагаемаго на совѣщаніяхъ моихъ съ генераломъ Бертело.

Рѣшено же нижеслѣдующее:

1) Для оккупации Юга Россіи будетъ двинуто настолько быстро, насколько это только возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на сихъ же дняхъ.

2) Дивизіи будутъ французскія и греческія.

3) По предложенію союзниковъ и Бертело, я буду состоять при послѣднемъ и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.

4) База союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ теперь быстро.

5) Союзными войсками на югѣ Россіи первое время будетъ командовать корпусный генералъ д'Ансельмъ съ Главною Квартирой въ Одессѣ, гдѣ

буду находиться и я съ состоящими при мнѣ Вамъ извѣстными лицами.

6) Генераль Бертело, до времени, со своей Главною Квартирою остается въ Букарестѣ.

7) По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ, несомнѣнно, заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займутъ быстро Кіевъ, Харьковъ съ Криворожскимъ и Донецкимъ бассейнами, Донъ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской арміямъ прочнѣе сорганизоваться и быть свободными для болѣе широкихъ активныхъ операцій.

8) Подъ прикрытіемъ союзной оккупациіи необходимо немедленное формированіе русскихъ армій на югѣ Россіи во имя возрожденія Великой единой Россіи. Съ этой цѣлью теперь же долженъ быть рѣшенъ и разработанъ вопросъ о способахъ и районахъ формированій этихъ армій, по мѣрѣ продвиженія союзниковъ. Только при такомъ условіи будетъ обеспечено скорѣйшее наступленіе всѣхъ союзныхъ армій подъ единымъ командованіемъ на Москву.

9) Въ Одессу, какъ главную базу союзниковъ, прибудеть огромное количество всякаго рода средствъ, оружія, боевыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, аэроавтики, продовольствія и проч.

10) Боевые запасы бывшаго Румынскаго фронта и Украины, равно какъ и таковыя Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось дѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ конхъ обеспеченъ, такъ какъ онъ опирается на всемогущество союзниковъ.

11) Относительно финансовой поддержки намъ у союзниковъ вырабатывается особый специальный планъ.

Изъ изложенной схемы Вы видите широту достигнутого въ Букарестѣ. Подробности сообщу Вамъ лично, для чего прибуду въ Новороссійскъ на французскомъ военномъ кораблѣ въ самомъ непродолжительномъ времени. О выѣздѣ предупрежу Васъ особо.

Все сообщаемое — секретъ, частью неизвѣстный даже начальнику штаба генерала Бертело. Успѣхъ дѣла требуетъ, до времени, искуснаго храненія тайны.

Не откажите телеграфировать мнѣ о времени получения этого письма срочнымъ порядкомъ черезъ адмирала Ненюкова, по двумъ адресамъ: въ Яссы черезъ Русскаго Посланника и въ Одессу черезъ Адмирала Ненюкова.

Примите и проч.»

Выѣхавъ въ Яссы, Щербачевъ добавилъ къ этимъ свѣдѣніямъ подробности, о которыхъ узнаемъ изъ письма отъ 20 ноября 1918 г.

«Глубокоуважаемый Антонъ Ивановичъ, съ Капитаномъ Федоровымъ (ген. Штаба, посланецъ ген. Деникина, — А. Г.) я сообщилъ Вамъ общее положеніе и работу въ Яссахъ ко времени моей поѣздки къ генералу Бертело. Въ прилагаемомъ письмѣ, написанномъ въ Букарестѣ, (оно въ копіи у Васъ, — А. Г.) изложено все то, что мною тамъ сдѣлано. Вчера вечеромъ я вернулся въ Яссы и въ настоящее время хочу изложить свои впечатлѣнія и нѣкоторыя данныя для Вашего свѣдѣнія.

Все изложенное, какъ въ прилагаемомъ письмѣ, такъ и въ этомъ извѣстнѣ только посланнику По-клевскому и подполковникамъ Щербачеву и Мельчакову безъ права сообщенія кому-нибудь, такъ какъ ген. Бертелю просили все сохранить т. е. секретъ до нашего прибытія въ Одессу.

Кого найдете нужнымъ, не откажите посвятить, главнымъ образомъ, мнѣ кажется, С. Д. Сазонова.

По пріѣздѣ въ Бухарестъ 15 ноября, я узналъ, что къ вечеру прибудетъ туда генераль Бертело съ Штабомъ (пока неофициально до торжественнаго въѣзда Короля 19 ноября).

Тотчасъ по пріѣздѣ вечеромъ я былъ у ген. Бертело и вторично 16 утромъ съ генераломъ Геруа и былъ приглашенъ французскій генераль д'Ансельмъ, который будетъ командовать первыми высадившимися войсками въ Одессу.

Генераль Бертело, съ которымъ я работалъ почти годъ въ Румыніи, проявилъ выдающуюся любезность и твердо заявилъ, что союзниками рѣшено оказать серьезную помощь Россіи, въ видахъ восстановленія порядка и единой Россіи: не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла, дать возможность скорѣе организовать Всероссійское Правительство. Изъ разговора съ нимъ ясно было отрицательное отношеніе ко всѣмъ, кто работалъ съ вѣмцами, и самое доброжелательное отношеніе къ Добровольческой Арміи и къ Вамъ лично и готовность оказать полное содѣйствіе.

Будучи назначенъ Версальскимъ совѣщаніемъ Главнокомандующимъ Союзными войсками въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи, широко по-

зная это и получивъ широкія полномочія и права, онъ стъ имени союзниковъ и себя предложилъ мнѣ состоять при немъ, указавъ, что ничего не будетъ предпринято безъ моего согласія и добавилъ, что моя поѣздка въ Парижъ, теперь была бы излишней, такъ какъ все вопросы могутъ быть рѣшены съ нимъ.

Руководствуясь данными мнѣ полномочіями состоять при высшемъ союзномъ командованіи, я съчелъ себя вынужденъ дать согласіе и переговорить по всемъ главнымъ вопросамъ съ генераломъ Бертело. Думаю, что при этихъ условіяхъ и постоянно поддерживая связь съ Вами, легче будетъ координировать дѣйствіе нашихъ войскъ и союзниковъ и содѣйствовать выполненію принятаго Вами плана.

Какъ я писалъ, всего будетъ назначено 12 французскихъ и греческихъ дивизій и кромѣ того одна или двѣ англійскихъ направлено со стороны Каспійскаго моря. Румыны официально не принимаютъ участія, но въ виду недостатка французскихъ войскъ, будутъ добавлены румыны. примѣрно по батальону на полкъ, причемъ все командованіе будетъ французское и, быть можетъ, даже французская форма одежды.

Главная Квартира Бертело пока остается въ Букарестъ, а для поѣздокъ у него будетъ поѣздъ.

Первыми высаживающимися войсками будетъ командовать генераль д'Ансельмъ, имѣя Главную Квартиру въ Одессѣ, куда меня просилъ также пріѣхать генераль Бертело, а для выясненія съ Вами всѣхъ вопросовъ и установленія общаго плана дѣйствій, онъ придастъ большое значеніе скорѣйшему моему личному свиданію съ Вами, обѣщавъ предо-

ставить мнѣ для этого французскіи крейсеръ. О времени выѣзда буду телеграфировать, надѣюсь около 30 ноября быть у Васъ.

Приняты мѣры по установленію прямой связи Одессы съ Букарестомъ и съ Вами и съ главными городами юга.

Независимо энергичныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій на югѣ, предположено наступленіе англичанъ на Петроградъ и высадка въ одномъ изъ портовъ Балтійскаго моря, наступленіе японцевъ и американскихъ войскъ въ Сибирь и содѣйствіе польскихъ войскъ на западѣ: такимъ образомъ большевизія будетъ окружена сплошнымъ кольцомъ, послѣ чего будетъ предьявленъ рѣшительный ультиматумъ большевикамъ.

Генералъ Бертело придаетъ большое значеніе скорѣйшему формированію русскихъ армій по мѣрѣ продвигенія союзниковъ для предстоящихъ активныхъ дѣйствій.

Мое личное мнѣніе, что надо имѣть 4—5 армій, — 1) Добровольческую. 2) 1—2 армій на Дону и 3) двѣ армій въ Малороссіи и Новороссіи, для чего теперь же долженъ быть разработанъ планъ формированія, призываетъ, при чемъ можно использовать кадры и подготовку, сдѣланную въ Украинскомъ Штабѣ.

При этомъ придется сформировать штабъ Главнокомандующаго войсками Южной Россіи, который, вѣроятно, будетъ выдѣленъ изъ штаба Добровольческой Арміи и два Штаба армій въ Малороссіи и Новороссіи. Намѣтивъ Командующихъ этими арміями, можно на нихъ возложить формированія. Со своей стороны могъ бы указать на генераловъ Кельчевскаго

и Перяхайло, бывшихъ командующихъ 9-й и 6-й арміи, до послѣдней минуты выказавшихъ себя съ лучшей стороны.

Генераль Перяхайло въ Кіевѣ и имѣеть подготовленныхъ нѣсколько личныхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба и знакомъ съ обстановкой. Оба всегда были строго русскаго направленія и пользовались довѣріемъ союзниковъ.

По указаннымъ вопросамъ ко времени моего пріѣзда къ Вамъ желательно получить Ваше рѣшеніе.

Генераль Бертело высказалъ, что до сформированія Всероссійскаго Правительства и назначенія соответствующихъ административныхъ лицъ, лучше предоставить продолжать работу существующей администрации, кромѣ лицъ враждебныхъ союзникамъ. Въ виду же особаго значенія, которое получаетъ Одесса, казалось бы, здѣсь нужно лицо энергичное, твердое и строго общерусскаго направленія, чему генераль Раухъ, думаю, не отвѣчаетъ.

Все лица, состоящія при мнѣ, будутъ работать съ французскимъ штабомъ, и все наши усилія будутъ направлены для достиженія русскихъ интересовъ. По прибытіи, надѣюсь, подробно ознакомить съ общей обстановкой и получить рѣшеніе по всеѣмъ возникающимъ вопросамъ. Генераль Геруа останется при генераль д'Ансельмѣ на случай возникновенія какихъ-либо вопросовъ, и я прибуду съ 1—2 лицами и надѣюсь въ 2 дня удасться все переговорить.

Примите и проч.».

Разрабатывая схему дальнѣйшихъ дѣйствій, Щербачевъ ждалъ въ Яссахъ прибытія генерала Бертело, пославшаго весь планъ на утвержденіе Клемансо и маршала Франшэ д'Эспре. Окончательныя дѣйствія должны были быть установлены на совѣщаніи въ Яссахъ по полученіи соотвѣтствующихъ отъ Клемансо указаній.

Къ частичному осуществленію плана было, однако, приступлено сразу же. Началась переброска въ Одессу, въ видѣ авангарда намѣченной къ развертыванію на югъ Россіи союзной арміи, частей генерала д'Ансельма.

Не получивъ извѣстій отъ ген. Бертело, Щербачевъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его прибытія въ Яссы. Прошло болѣе двухъ недѣль и нетерпѣніе начало переходить въ безпокойство. Между тѣмъ съ самаго начала выполненія плана начались тренія. Такъ, ген. д'Ансельмъ назначилъ начальнику Штаба фронта генералу Геруа, который долженъ былъ состоять при немъ, мѣсто на одномъ изъ судовъ, везшихъ его обозъ, подчеркнувъ этимъ насколько онъ собирался съ нимъ считаться. Поэтому вмѣсто ген. Геруа былъ назначенъ полковникъ Кропочевъ.

Наконецъ ген. Бертело пріѣхалъ въ Яссы на похороны французскаго ген. Лафона и сообщить, что планъ не прошелъ одобренія верховнаго совѣта союзниковъ. Клемансо его отмѣнилъ и предложилъ рядъ другихъ мѣръ. Во что все вылилось, видно изъ письма Щербачева В. А. Маклакову отъ 1—14 декабря.

«Милостивый Государь, Василій Алексѣевичъ. Обстановка вновь измѣнилась, а слѣдовательно и планъ дѣйствій.

Генераль Бертело заявилъ, что эти дни имѣлъ рядъ сношеній съ г. Клемансо и, по соглашенію съ союзниками, призналъ рискованнымъ дѣйствовать утомленными войсками, не имѣя притомъ возможности снабдить и обезпечить ихъ всѣмъ необходимымъ. Вслѣдствіе этого рѣшено сформировать новыя французскія дивизіи и сегодня одинъ полкъ французовъ высаживается въ Одессѣ, другой въ Севастополѣ, а третій двинуть изъ Яссъ въ Тирасполь: я предложилъ занять Раздѣльную и Николаевъ. Одновременно предъявлено требованіе нѣмецкимъ войскамъ содѣйствовать поддержанію порядка на Украинѣ, а Винниченко и Петлюрѣ заявлено, что въ случаѣ, если они будутъ способствовать нарушенію порядка, то они будутъ лично отвѣтственны. Относительно дѣйствій на сѣверѣ англичанъ и на востокѣ американцевъ переговоры продолжаются. Принимая во вниманіе изложенное, я вмѣстѣ съ однимъ французскимъ офицеромъ послѣзавтра ѣду въ Бухарестъ и оттуда черезъ Констанцу въ Новороссійскъ и Екатеринодаръ для переговоровъ съ ген. Деникинымъ. Это важно, какъ въ виду установленія дальнѣйшаго плана дѣйствій, такъ и по возможности, чтобы постараться сгладить тренія, возникшія между ген. Деникинымъ и Атаманомъ Красновымъ...»

Итоги всего предиріятія опредѣляетъ Н. Кукуринъ въ книгѣ «Какъ сражалась революція» изд. 1926 г. томъ II.

«Въ половинѣ февраля 1919 г. въ Одесской оккупационной зонѣ было сосредоточено: дивизія французовъ (ген. Деникинъ считаетъ 1½ дивизіи), около 6.000 чел., 2.000 (2 дивизіи) грековъ. (Начальникомъ греческаго корпуса въ Одессѣ былъ генераль-Негреспитусъ, (зап. ген. Геруа), около 4.000 (1 бригада) поляковъ и до 1.500 добровольцевъ (5.000 добровольчesk. бригада ген. Тимановскаго): всего 12.000 чел. Въ началѣ апрѣля во Франціи нало министерство Клемансо, дѣятельнаго сторонника активной интервенціи, и первыми шагами его преемника было отозваніе союзнаго десанта изъ предѣловъ совѣтской территоріи.

Франко-греческія войска получили приказаніе очистить территорію Одессы въ 3-дневный срокъ, но они успѣли очистить территорію города и порта въ сутки съ небольшимъ, войдя въ переговоры о различныхъ подробностяхъ своего ухода съ мѣстнымъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и передавъ ему всю власть въ городѣ.

Войска атамана Григорьева 6 апрѣля заняли городъ Одессу. 17 апрѣля части красной арміи вступили въ Севастополь.

На этомъ и окончилась попытка активной интервенціи Франціи».

Если изложенная въ предшествующей главѣ первая попытка Щербачева свергнуть большевиковъ одними російскими средствами въ корнѣ таила элементы неудачи, то грандіозный планъ, выработанный съ генераломъ Бертело, не удался лишь благодаря стеченія ряда неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

Самостоятельный и убѣжденный въ правильности своихъ дѣйствій и рѣшеній энергичный начальникъ, облеченный полною властью, могъ выслать впередъ всѣ 12 дивизіи одновременно. Онѣ въ кратчайшій срокъ вѣроятно безъ сопротивленія заняли бы линію Кіевъ-Харьковъ. Иностранной арміи, отлично снабженной всѣми техническими средствами, большевики и дальше не могли бы оказать серьезнаго сопротивленія. Никакой прочной организаціи въ этотъ періодъ у нихъ еще не было, а съ голыми руками противъ танковъ и аэроплановъ сражаться было немислимо. Народныя массы съ полной апатіей покорялись чужеземной власти, какъ мы видѣли повсемѣстно при германской оккупациі, Бертело могъ поставить союзниковъ передъ совершившимся фактомъ, всегда оправдываемымъ необходимостью обезпечить себя со стороны большевиковъ и установить связь съ Польшей. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ оказалось и то, что для выполненія плана предназначались первоначально французскіе войска, а не войска другихъ союзниковъ, коихъ не пришлось бы отзывать по мѣняющемуся настроенію французскаго кабинета или парламента. Во главѣ авангардныхъ группъ, французскій начальникъ и начальникъ его штаба оказались мало подходящими для выполненія возложенной на нихъ задачи.

Не будь этихъ факторовъ, то кромѣ немедленнаго продвиженія на линіи Кіевъ-Харьковъ, которое уже само по себѣ сыграло бы моральную роль, размѣръ коей учесть трудно, въ тылу за этой линіей началось бы формированіе войска отчасти изъ французскихъ кадровъ, въ кои должны были вливаться русскія, а

также греческія, а можетъ быть и румынскія силы (6).

Всѣ войска могли быть снабжены съ избыткомъ изъ военнаго имущества бывшаго румынскаго фронта, сданныаго Румыніи, и использованіе котораго не встрѣчало бы серьезныхъ препятствій. Наконецъ, денежныя средства даже еще 18 февраля — 5 марта были весьма значительны и, при успѣхѣ, въ нихъ не было бы отказано.

Планъ быть принятъ ген. Бертело 15/28 ноября, а отозваніе войска изъ Одессы произошло въ началѣ апрѣля. За 4 мѣсяца войска съ линіи Кіевь-Харьковъ могли дойти до Москвы. Если же они ограничлись бы выдвигеніемъ на эту линію, то за этотъ срокъ новыя формированія, т. е. цѣлыя арміи до 500.000 чел., уже независимыя отъ политическихъ

(6) Одинъ изъ позднѣйшихъ проектовъ формированія такихъ бригадъ, коимъ при послѣдующей, иной уже обстановкѣ ген. Шварцъ въ Одессѣ долженъ былъ заняться, упоминается въ письмѣ ген. Геруа ген. Деникину, отъ 18/II — 5 марта 1919 г. № 255, Букарестъ.

«По поводу бригадъ «mixtes» генераль Бертело, видимо, желалъ бы быть понятымъ и, ища сближенія мысли насчетъ организаціи будущей вооруженной силы въ районѣ Одесскаго плацдарма, чѣмъ онъ очень озабоченъ, выразился такъ: «Я думаю оказать пользу общему дѣлу, привлекая русскихъ и французовъ къ созданію общихъ войсковыхъ единицъ, обеспеченныхъ значительнымъ содержаніемъ. Конечно, я рассчитывалъ впоследствии, когда это дѣло окрѣпло бы, передать эти войсковыя части русской власти.» Повидимому, генералу Бертело въ бесѣдѣ со мною хотѣлось разсѣять сомнѣнія многихъ русскихъ въ цѣляхъ созданія бригадъ «mixtes». И мигъ показалось, что это усиліе генерала Бертело убѣдить меня, имѣло совершенно чистосердечное происхожденіе...»

теченіи во Франціи, оказались бы достаточнымъ средствомъ для достиженія конечныхъ цѣлей Щербачева.

Советская власть должна была пасть; случайное стеченіе обстоятельствъ ее спасло.

Наступило бы послѣ этого всеобщее умиротвореніе?

Въ своемъ письмѣ Щербачеву, написанномъ наканунѣ смерти, Алексѣевъ высказываетъ опредѣленное убѣжденіе, что Россія не созрѣла для монархической идеи. Періодъ мартъ-октябрь 1917 г. оставилъ слишкомъ глубокіе слѣды; антимонархическіе элементы усилились и организовались при временномъ правительствѣ.

Добровольческое движеніе не имѣло успѣха въ числѣ многихъ причинъ и изъ-за отсутствія привлекательнаго и убѣдительнаго лозунга. Попытка прикрыть зияющую пропасть между разнородными груп-

«Проектъ объ этихъ бригадахъ, сообщаетъ въ своей запискѣ ген. Геруа, разрабатывался въ Одессѣ въ штабѣ ген. Д'Анселыма. Ген. Щербачевъ, на своемъ обратномъ пути изъ Добровольческой арміи въ Румынію заѣхалъ въ Одессу и тамъ по этому поводу говорилъ съ ген. Шварцемъ, бывшимъ Ивангородскимъ Комендантомъ, привлеченнымъ французами къ работамъ по этому проекту. Въ результатъ этого собесѣдованія ген. Щербачевъ остался увѣреннымъ въ пользѣ подобнаго формировація, снабженнаго, къ тому же, большими денежными и техническими возможностями. Его не смущала предположенная перемѣна формы, одежды и даже офицерскихъ погоны, какъ это имѣло мѣсто въ Добровольческой арміи, настаивавшей на сохраненіи старыхъ образцовъ.

Соображенія о томъ, что утомленные французскія войска не могли бы дать необходимыхъ кадровъ для этихъ формированій, также нельзя признать правильными.

нами, ополчившихся против коммунизма, не могла увѣнчаться успѣхомъ. Лозунги были связаны съ мыслью о неизбежныхъ разногласіяхъ, а не съ идеей о всеобщемъ успокоеніи. Неопредѣленное не побѣждаетъ опредѣленнаго (7).

Администрація въ тылу Добровольческихъ армій была въ рукахъ представителей лѣвыхъ партій, а передовые борцы были почти все правыми. Одни не знали точно, для кого дерутся, другіе не вѣрили тѣмъ, кто добивался власти. Не считаться съ этимъ не могъ ни одинъ изъ высшихъ военныхъ начальниковъ. А что думало населеніе? Удалось ли бы Щербачеву, въ данномъ случаѣ, привести къ одному знаменателю политическія партіи, противоположными путями ищущія счастье?

Кромѣ нихъ полтораго мильіона оставалось еще неопрошенными.

Правда, эта масса отличалась рѣдкой покорностью и инертностью, какъ теперь такъ и въ прои-

(7) Ген. Деникинъ придерживался много убѣжденія: онъ пишетъ на стр. 210, томъ IV. Очерки Русской Смуты: «Борьба съ большевиками до конца». «Великая Единая Нераздѣльная», «Автономія и самоуправленіе», «Политическія свободы». Вся эта цѣнная кладь, могла быть погружена на государственный возъ, при общемъ или почти общемъ (кромѣ федералистовъ и самостійниковъ) сочувствіи. Казалось, что съ одной этой кладью подъ трехцвѣтнымъ національнымъ флагомъ можно будетъ довести его до Москвы, а если тамъ при разгрузкѣ произошло бы столкновеніе разномыслящихъ элементовъ, даже кровавое, то оно было бы во всякомъ случаѣ менѣе длительнымъ и изнурительнымъ для страны, чѣмъ большевицкая неволя... но и идти дальше этого (лозунга) было уже труднѣе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось бы вскрывать развѣдавшееся частъ разногласіе.

домъ. и выдерживала цѣлыми столѣтїями порядки варяговъ, татарское иго, и чуждый народному характеру режимъ табели ранговъ, о которыхъ Жанъ Жакъ Руссо сказалъ: Les russes ne seront jamais policés; parcequ' ils l' ont été trop tôt. Pierre avait le genie imitatif: il a voulu civiliser son peuple quand il ne fallait que l' aguerrir. Il a d' abord voulu faire des allemands, des anglais, quand il fallait commencer par faire des russes; il a empêché ses sujets de devenir ce qu' ils pourraient être en leur persuadant qu' ils étaient, ce qu' ils ne sont pas “

Прародитель русской общины бар. Гакстраузенъ, съ другой стороны, высказываетъ задолго до появленїя дѣтница западной цивилизаціи — соціальной теорїи Карла Маркса слѣдующую мысль: Les russes ne sont pas des barbares, mais une race noble, fraîche, pleine de force et d' esprit, dévouée aux sentiments religieux, aux bonnes mœurs; mais des que leur sang est infecté du poison de la civilisation moderne, leurs vertus nationales disparaissent et il ne reste que l' animal, qui est au fond de chaque homme. Alors le russe parait encore plus dégradé que les membres des nations occidentales qui supportent mieux le poison de la civilisation parceque ce poison s' est depuis longtemps assimilé à leurs mœurs (Mœurs et caractères des peuples, Cortembert.)

Интересно, что «ядъ» дѣйствительно разнo по-дѣйствоваль на національности, благодаря чему образовались буржуазныя окраинныя государства. Вопросъ въ 1918 году сводился къ тому, успѣлъ ли ядъ цивилизаціи уже ассимилироваться или на это нужны были еще поколѣнія.

Но мнѣнію другихъ, возможно было еще примѣненіе противоядія, иные считали, что необходимо стать оперативный ножъ.

Эти вопросы снова приводятъ насъ къ загадкѣ объ упомянутомъ общемъ знаменателѣ, получаемомъ легко при дѣленіи и умноженіи; дѣйствительность показываетъ, что не отвлеченная справедливость порождаетъ его; его выдавливаетъ механическій прессъ.

Такъ какъ приходъ союзниковъ на Югъ Россіи тѣсно связанъ съ инициативой Щербачева, то приходится упомянуть и о неожиданныхъ послѣдствіяхъ Французской интервенціи и оккупации и о связанныхъ съ ними до извѣстной степени дѣйствіяхъ англичанъ.

При Украинской директоріи, т. е. до прихода 28 апрѣля 1918 г. къ власти гетмана Скоропадскаго, въ Кіевѣ состоялъ представителемъ Франціи г. Энно, переѣхавшій послѣ гетманскаго переворота въ Кишиневъ. 30 октября Энно, поддержанный Шульгинимъ, собралъ въ Яссахъ совѣщаніе русскихъ общественныхъ дѣятелей. Почетнымъ членомъ его былъ избранъ и Щербачевъ. Въ засѣданіяхъ приняли участіе и иностранные послы. Это Яесское совѣщаніе представило союзнымъ представителямъ 13 ноября меморандумъ, среди пунктовъ котораго былъ упомянуть принципъ «Единой Недѣлимой» и требованіе немедленной широкой помощи съ замѣною германскихъ гарнизоновъ въ Малороссіи и Новороссіи вооруженными силами русскихъ и союзниковъ. Предполагалось объединеніе командованія

въ рукахъ русскаго начальника, на котораго возлагалось бы и формированіе антибольшевистской арміи.

Эти пожеланія раздѣлялись первоначально и представителями союзниковъ. Но на практикѣ пункты не были примѣнены.

Энно, вернувшись на Украину, призывалъ население къ порядку и къ поддержанію власти сначала гетманской, потомъ директоріи, которая въ этомъ узрѣла свое признаніе и использовала это въ переговорахъ съ германскими оккупаціонными властями.

Послѣ отреченія гетмана, Кіевъ былъ, съ согласія пѣмцевъ, 14 декабря занятъ войсками директоріи, что ставится въ связь съ дѣятельностью бывшаго подчиненнаго Энно — француза Мулена. Впоследствии и ген. Бертелю, заявившій, что Украина — австро-германское изобрѣтеніе, и ген. д'Ансельмъ вступали въ переговоры съ директоріей. Въ Парижѣ, гдѣ украинцы вели пропаганду, предсѣдатель парламентской комиссіи по иностраннымъ дѣламъ Франклинъ-Буйонъ продолжалъ говорить о предпологавшейся помощи директоріи. Кромѣ такого моральнаго, вопреки принципу «Единой Недѣлимой», полупризнанія, французы передали директоріи, не смотря на горячій протестъ Деникина, громадныя склады бывшаго румынскаго фронта, оставшіеся въ его тылу.

Вопросъ о командованіи также вылился въ другія формы, чѣмъ предполагалось въ Яссахъ. 3 января 1919 года капитанъ Фуке съ имени ген. Франшэ д'Эсире обѣщаль атаману Краснову помощь лишь при условіи безпрекословнаго подчиненія Краснова

Деникину и обшихъ — Франше д'Эспре (были и экономическія требованія). Деникинъ рѣзко протестовалъ — Фуке убрали.

Франція и Англія провели демаркаціонную линію Босфоръ-Донъ-Царицинь, предполагая подчинить мѣстности къ западу отъ нея французскому главному командованію, а къ востоку отъ нея — англійскому, съ чѣмъ Деникину сообщили французскій представитель полк. Корбейль. Французы предполагали установить на этой линіи свои паспортныя бюро. Ген. Деникинъ заявилъ категорическій протестъ. Ген. Бертело отдалъ въ Одессѣ приказъ о подчиненіи мѣстной власти ген. д'Ансельму. Приказомъ послѣдняго, отъ 14 марта, вопреки протесту ген. Деникина, Одесса была подчинена французамъ. Это привело къ серіозному конфликту. Ген. Деникинъ писалъ ген. Санникову въ Одессу (съ копіей ген. д'Ансельму: «...я совершенно не допускаю установленія никакой гражданской власти, кромѣ назначенной мною... По поводу дѣйствій ген. д'Ансельма дѣлается сношеніе съ франц. правительствомъ 18 марта № 359» (Очер. Рус. См., т. V, стр. 46). Съ своей стороны, ген. Франше д'Эспре издалъ 20 марта приказъ, согласно которому онъ принималъ командованіе союзными войсками на югѣ Россіи (Бертело сохранилъ командованіе на Балканахъ). Одесса подчинялась окончательно д'Ансельму, представители ген. Деникина, ген. Санниковъ и ген. Гришинъ-Алмазовъ выслались изъ города, а русскій ген. Шварцъ былъ назначенъ Одесскимъ генераль-губернаторомъ. Ген. Деникинъ генерала Шварца не призналъ. Встрѣтивъ при этой рѣши-

тельной борьбѣ за престижъ русской верховной власти оппозицію и со стороны русскихъ. ген. Деникинъ, «принявъ во вниманіе совѣты управ. отд. инстр. дѣль о необходимости величайшей выдержки», послалъ протестъ въ смягченной формѣ и предложилъ ген. Франше встрѣтиться для обсужденія, (Оч. Рус. См., т. V, стр. 50). Но ген. Франше уклонился, какъ и ген. Бертело въ предшествующій періодъ. Въ разговорѣ съ ген. Боровскимъ ген. Франше д'Эспре пояснилъ свои дѣйствія: «нѣтъ никакой добр. арміи или сибирской арміи, а есть одна русская армія, какъ рѣшило образовавшееся въ Парижѣ Русское правительство въ составѣ Сазонова, Львова, Маклакова и ген. Щербачева! (тамъ-же, стр. 50).

Когда зашла рѣчь о переходѣ ставки Деникина въ Севастополь, ген. Франше д'Эспре увѣдомилъ его черезъ миссію: «нахожу, что ген. Деникинъ долженъ быть при добр. арміи, а не въ Севастополь, гдѣ стоятъ французскія войска, которыми сънь не командуетъ». Ген. Деникинъ отвѣтилъ, что эти вопросы входятъ въ его компетенцію, и послалъ протестъ черезъ Сазонова съ тѣмъ, чтобы «было обращено вниманіе французскаго правительства на недопустимость ни по существу, ни по тону подобнаго обращенія французскаго генерала» (тамъ-же, стр. 61).

Съ своей стороны ген. Франше д'Эспре написалъ, что отношенія къ французамъ совершенно недопустимы.

Послѣ оставленія французами Одессы и Севастополя, французскій капитанъ 2-го ранга Бенетъ, командующій отрядомъ судовъ для обороны Керчен-

скаго полуострова, написалъ командующему Крымскою группой ген. Боровскому: «... передвиженія добр. арміи могутъ быть допущены только по письменному распоряженію, подписанному ген. Деникинымъ и мной. Въ противномъ случаѣ я буду противодѣйствовать силой. Ген. Деникинъ потребовалъ, чтобы кап. Бенетъ былъ немедленно отозванъ, т. к. «исполненіе имъ своихъ угрозъ можетъ вынудить начальника добров. войскъ къ дѣйствию артиллеріи противъ французскихъ судовъ» (тамъ-же, стр. 66).

17 апрѣля англо-французскимъ комитетомъ въ Парижѣ, безъ участія представителя Деникина, были выработаны положенія о взаимоотношеніяхъ союзныхъ и русскихъ начальниковъ. На присланный протестъ ген. Деникинъ отвѣтилъ, что «недоумѣваетъ, какъ можно провести его въ жизнь, принимая во вниманіе 1) что на территоріи вооруж. силъ Юга онъ Верховный ком. арміей, а на территоріи, занятой добров. арміей — и Верховный Правитель, 2) что въ операціяхъ русскихъ арміи не предположено участіе французскихъ войскъ». На вторичный запросъ уже англичанъ, ген. Деникинъ отвѣтилъ: «... право распоряженія русскими войсками остается въ полной мѣрѣ за русскимъ главнокомандующимъ» (тамъ-же, стр. 63).

Ген. Деникинъ считалъ Францію обязанной оказывать помощь. Французы считали, что обязываютъ русскихъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ. При такихъ условіяхъ французскіе начальники разныхъ степеней считали себя въ правѣ распоряжаться въ качествѣ высшей инстан-

ціи. Каждый, вѣроятно, имѣлъ основанія считать себя правымъ. . .

Обращаетъ на себя вниманіе то взаимоотношеніе, которое предполагалось инициаторами всего дѣла ген. Бертело и Щербачевымъ. Первый, близко знакомый съ дѣятельностью Щербачева при Румынскомъ королѣ, имѣлъ въ виду съ нимъ работать на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ это и высказано въ планѣ (см. письмо Щербачева Деникину на стр. 34—37) фактически распоряженія исходили бы, какъ это было на румынскомъ фронтѣ, отъ русскаго начальства, официально же они исходили бы отъ фиктивного иностраннаго главнокомандующаго. Для ген. Бертело возникновеніе другого положенія было неожиданностью, генераль же Франше д'Эспрэ далъ волю своему раздраженію.

Не менѣ разошлись ожиданія и предположенія о военной помощи съ тѣмъ, что фактически было сдѣлано въ этой области Франціей.

Въ первый періодъ консулъ Эино, предвидя неизбежность безпорядковъ съ уходомъ оккупационныхъ частей нѣмцевъ, требовалъ, кричалъ, телеграфировалъ о немедленной смѣнѣ ихъ войсками союзниковъ во избежаніе анархій. Неисполненіе его настояній было роковымъ. Причины неизвѣстны. Между тѣмъ, украинская директорія, ведя войну на два фронта — противъ большевиковъ и добровольческой арміи, потерпѣла полное пораженіе. 5 января большевики заняли Кіевъ. Деникинъ обратился къ Франше д'Эспрэ съ просьбою выдвинуть 2 дивизіи союзныхъ войскъ въ районъ Харьковъ-Екатеринославъ, но безрезультатно.

Еще 23 марта ген. Бертело говорилъ русскому послу о предполагавшемся развертываніи: польской дивизіи съвериге Черисвиць и семи румынскихъ дивизіи по Диѣстру, а также о высылкѣ въ ближайшіе дни 9 бат., волонтеровъ и слѣдующихъ за ними 18 б. б. цвѣтныхъ войскъ. Но и это не было осуществлено.

Предполагалось формированіе бригадъ-микстъ. По приказанію Бертело, ген. д'Ансельмъ выработалъ слѣдующій проектъ: 1) офицеры избираются преимущественно изъ мѣстныхъ уроженцевъ. 2) солдаты — по вольному найму, отъ 200 до 300 руб. въ мѣсяць илюсь продовольствіе. 3) форма французскаго образца, 4) въ каждомъ полку небольшое число французскихъ офицеровъ и уитеръ-офицеровъ, 5) эти части въ командномъ отношеніи добровольческой арміи не подчиняются. Когда ген. Санниковъ сказалъ ген. Бертело, что объ этомъ его желаніи сообщить ген. Деникину, Бертело ему отвѣтилъ: *«ce n'est pas mon désir, c'est mon ordre»*. Въ отвѣтъ на это ген. Деникинъ заявилъ Санникову: «категорически воспреещаю дѣлать эксперименты съ русскими войсками по чужой указкѣ. Передайте, что я, главнокомандующій, не допускаю ничего вмѣшательства въ вопросы формироваія Русской арміи. Если бы кто-либо позволилъ себѣ сдѣлать это, объявите, что исполнившіе незаконное распоряженіе будутъ мною преданы суду» (тамъ-же, стр. 40).

Мы видимъ, что и въ этомъ вопросѣ взгляды Щербачева, совпадавшіе съ изложеннымъ (стр. 46 примѣч. 6) генераломъ Геруа мнѣніемъ, кореннымъ образомъ, расходились съ отношеніемъ къ нему ген.

Деникина. Слѣдуетъ отмѣтить, что Щербачевъ судить на основаніи блестящихъ результатовъ, на его глазахъ достигнутыхъ въ Румыніи французской организаціей. Въ 1920 г. столь же дѣйствительной оказалась такая же работа французовъ въ Польшѣ.

Въ отношеніи матеріальной помощи добров. армія получила отъ Франціи всего 5—6 пароходовъ.

Какъ упоминалось выше, склады Румынскаго фронта были переданы украинской директоріи.

При передачѣ уходившими пѣмцами французамъ морского имущества произошло слѣдующее: на просьбу адм. Герасимова дать 2—3 миноносца въ распоряженіе добров. арміи адм. Леже отвѣтилъ отказомъ. По его приказу, топили и взрывали боевые припасы, хранившіеся въ Севастопольскихъ складахъ, рубили топорами аккумуляторы и баки подводныхъ лодокъ, разрушали приборы управленія и увозили замки орудій. Адм. Леже объясняетъ такія дѣйствія тѣмъ, что все это было временно въ распоряженіи пѣмцевъ (Оч. Рус. Смуты).

Раздраженный всѣми этими явленіями, ген. Деникинъ написалъ въ концѣ апрѣля письмо адм. Колчаку: «... Въ данное время получаемъ широкую помощь снабженіемъ отъ Англіи и широкое противо-дѣйствіе со стороны французовъ». Письмо это было отправлено съ ген. Гришинымъ-Алмазовымъ, который, понавѣ въ руки большевиковъ, застрѣлился. Большевики опубликовали письмо и о его содержаніи узналъ Клемансо.

Какъ бы эти недоразумѣнія ни были нецрїятны для обѣихъ сторонъ, все-же въ нихъ не отражалось

принципіальної злої волі, а лише різне розуміння своїх прав і обов'язностей. Несомнісно, що Франція одна серед союзників не переслідувала еґоністических цілей і не спекулювала на гибелі Росії.

Къ сожалѣнію, французскіе начальники при евакуації Одесси и Севастополя проявили пренебреженіе къ вопросамъ челоуѣчности. Описаніе этихъ грустныхъ событийъ предоставляемъ другимъ. Укажемъ лишь на то, что виновники ихъ нанесли тяжелый ущербъ своей родинѣ. Подорвать престижъ не долго, но разувѣрить пострадавшихъ трудно.

Въ оправданіе виновныхъ сошлемся на то, что французы пришли убѣжденные въ несеріозности большевистскаго вооруженнаго сопротивленія. Ихъ войска оказались, однако, въ бояхъ на Одесскомъ плацдармѣ, несмотря на огромное превъсходство въ техническихъ средствахъ, менѣе устойчивыми, чѣмъ противникъ. Французскіе солдаты, воспріимчивые къ большевистскоі пропагандѣ, не хотѣли проливать своей крови для непонятной имъ ціли. Между тѣмъ греческія войска сражались рядомъ съ ними съ большимъ самоотверженіемъ. Обращаетъ на себя вниманіе то, что въ Севастополѣ, въ которомъ подъ конецъ набралось 7.000 французовъ при 8 орудіяхъ (изъ нихъ 4.000 алжирескихъ стрѣлковъ и синегальцевъ) и одинъ полкъ грековъ, старшіе начальники — сперва полк. Рюэ, а потомъ полк. Труссонъ, выслали въ бой на помощь русскимъ частямъ всего 2 роты грековъ и ни одного француза. Этими дѣйствіями подъ Одессой и Севастополемъ и ограничилась фактическая интервенція.

Дѣйствія англичанъ на югѣ Россіи, не связаны непосредственно съ дѣятельностью Щербачева. О нихъ будетъ сказано въ 8-ой главѣ въ связи съ ролью Англии вообще.

Глава 5-ая.

Щербачевъ уже раньше считавшій, что вопросъ о поддержкѣ бѣлымъ арміямъ можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно лишь въ Парижѣ, рѣшилъ послѣ ясно обозначившихся признаковъ крушенія своего плана, лично воздѣйствовать на верховный совѣтъ союзниковъ. Съ этой цѣлью онъ предварительно отправился къ ген. Деникину и атаману Краснову, чтобы явиться въ Парижѣ признаннымъ ими представителемъ военныхъ силъ юга Россіи. Онъ выѣхалъ 26 декабря 1918 г. изъ Брандובה на французскомъ минисотцѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе. Путь его шелъ черезъ Галацъ, Севастополь въ Новороссійскъ, гдѣ его встрѣтилъ ген. Кутепъ; 30 декабря онъ прибылъ въ Екатеринодаръ, тутъ были и Сазоновъ.

А. Д. Щербачевъ, сопровождавшій отца, сообщаетъ, будто ген. Деникинъ ожидалъ, что Щербачевъ пріѣхалъ взять въ свои руки верховное командованіе надъ нимъ и донскимъ атаманомъ Красновымъ и что Деникинъ лично ничего противъ этого не имѣлъ (*), но лица, его окружавшія, были встрево-

(*) Надо полагать, что Деникину уже былъ извѣстенъ результатъ миссіи ген. Сазонова, Янова и Карасевича, послан-

жены, опасаясь потерять свое вліяніе; когда же стало извѣстно о настоящей цѣли прїѣзда его отца, то отношенія быстро наладились.

Деникинъ и состоявшее при немъ правительство, носившее названіе «Особое совѣщаніе», избрали Сазонова и Щербачева представителями Россіи на Мирной Конференціи; послѣдняго по вопросамъ военнымъ. (Адм. Колчакъ впослѣдствіи назначилъ для этой цѣли 5 лицъ: Кн. Львова, Сазонова, Маклакова, Гирса и Чайковскаго). Въ отношеніи Добровольческой Арміи, Щербачевъ получилъ званіе: «Военнаго Представителя русскихъ арміи при союзныхъ правительствахъ и союзномъ верховномъ командованіи».

Одновременно съ этимъ Щербачевъ установилъ условія, на которыхъ Деникинъ соглашался сговориться съ атаманомъ Красновымъ. 3 января Щербачевъ былъ встрѣченъ чрезвычайно радушно Красновымъ и безъ усилія добился цѣли, такъ какъ англійскій генералъ Нуль писалъ Краснову, а 26 декабря въ Кущевкѣ и лично указывалъ, что подчиненіе его Деникину является сущей необходимостью. 18 января состоялось соглашеніе между Деникинымъ и Красновымъ. Донской и Кубанскій атаманы отдали приказъ о своемъ подчиненіи Деникину, а послѣдній объявилъ о своемъ вступленіи въ общекандованіе всѣми войсками юга Россіи, обязуясь

пой 19 ноября Красновымъ въ Бухарестъ къ ген. Бертелю, чтобы уговорить Щербачева принять верховное командованіе. Щербачевъ уже тогда опредѣленно отказался.

не трогать конституцій Дона и Кубани. Въ командование Добровольческой арміей вступилъ ген. бар. Врангель.

Установивъ такимъ образомъ единство на югѣ, Щербачевъ выѣхалъ на англійскомъ миноносцѣ черезъ Констанцу и 12 декабря вернулся въ Букарестъ.

Взявъ съ собою больного ген. Головина, Щербачевъ сѣлъ въ Букарестъ 22 января 1919 г. на сербскій мониторъ и по Дунаю доѣхалъ въ Бѣлградъ, гдѣ былъ чрезвычайно радушно принятъ принцемъ-регентомъ Александромъ. Послѣдній предоставилъ ему свой вагонъ до Фіумэ. Отсюда англійскій миноносецъ доставилъ Щербачева въ Венецію. По Италиі его сопровождалъ итальянскій офицеръ. Послѣ путешествія съ такими почестями черезъ территоріи другихъ союзниковъ, Щербачевъ по прибытіи во Францію не былъ никѣмъ встрѣченъ.

Моментъ выполненія рѣшенной имъ на себя задачи былъ исключительно неблагопріятенъ. Заключение большевиками Брестъ-Литовскаго сепаратнаго мира въ предшествовавшемъ 1918 г. привело во Франціи къ огульному обвиненію въ измѣнѣ не только совѣтскаго правительства, но всѣхъ русскихъ вообще. Выходомъ изъ войны Россія дала противнику возможность снять войска съ восточнаго фронта и перебросить ихъ противъ союзниковъ. Мало разбираясь въ положеніи и партіяхъ заграницей, французы не были въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ усиліяхъ и жертвахъ, которыя были принесены противниками большевиковъ во имя продолженія войны до конца. Какъ извѣстно, во французскихъ

школахъ дѣти обучаются, главнымъ образомъ, исторіи и географіи своей страны, которую они должны знать чрезвычайно основательно; познанія же о другихъ государствахъ, а въ частности въ ихъ исторіи, хромають. Понятія, относящіяся къ событіямъ своей родины при такомъ положеніи, естественно, переносились и на оцѣнку явленій за границей. Слова «контр-революціонеръ» и «эмигрантъ» въ Франціи имѣють опредѣленный смыслъ, соответствующій съ отношеніемъ французской школы къ революціи 1789 г. Паденіе монархіи въ Россіи, т. е. удаленіе императора Николая II, столь жертвенно вѣрнаго союзника, было встрѣчено съ ликованіями. Политическое положеніе въ Россіи послѣ этого было для французовъ неясно. все же симпатіи ихъ были на сторонѣ тѣхъ, кто оказался у власти взамѣнъ монарха. Стремленіе измѣнить это положеніе встрѣчало споръ. Руководители внѣшней политики, освѣдомленные въ положеніи въ Россіи, въ январѣ и февралѣ предшествующаго 1918 г. стали колебаться въ смыслѣ дальнѣйшаго своего отношенія къ Россіи. Послѣ перемирія съ нѣмцами, большевики сначала отказались принять требованія Германіи. Оставшіеся въ Россіи представители союзниковъ, въ особенности глава американскаго Краснаго Креста Раймондъ Робинсъ и начальникъ англійской миссіи при большевикахъ Локартъ доносили, что отъ русской буржуазіи союзникамъ ничего не приходится ждать — она мечтаетъ, лишь о мирѣ большевиковъ съ Германіей, надѣясь, что та возстановитъ ее въ правахъ и вернетъ ей имущество, въ то время какъ Третьей можетъ

быть, согласился бы содѣйствовать союзникамъ и возобновить военныя дѣйствія (Записки Локарта).

Къ этому періоду относился и фактъ, сообщаемый А. Д. Щербачевымъ (сыномъ генерала). Французскій посоль въ Румыніи графъ Сентъ-Олеръ сказалъ ген. Щербачеву, упомянувъ предварительно о возможности совмѣстныхъ дѣйствій союзниковъ съ большевиками: «Намъ все равно, кто и что будетъ въ Россіи, намъ важно только, чтобы продолжалась война съ нѣмцами». Это тогда вызвало протестъ со стороны Щербачева.

Причинъ къ сомнѣніямъ, какъ относиться къ бѣлому движенію, у французовъ было много. Добровольческія части были крайне недовольны недостаточной помощью. До французскаго правительства доходили заявленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ ген. Теруа сообщаетъ въ своемъ письмѣ Деникину отъ 19/5 марта 1919 г. № 255: «Считаю необходимымъ доложить о неосторожности въ разговорахъ съ пріѣзжающими на югъ Россіи французскими курьерами тѣхъ лицъ, мнѣніе которыхъ имѣетъ значительный вѣсъ. Возвратившійся, напримѣръ, на дняхъ кап. Бертелло, доложилъ ген. Бертелло, что Астровъ и Родзянко въ разговорѣ съ нимъ, прямо указали, что, если помощь согласія не оправдаетъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагаются, то они пойдутъ съ нѣмцами». Происходившія между французскими и русскими тренія, описанныя въ предыдущей главѣ, естественно находили откликъ и въ Парижѣ.

А. А. Вадинъ сообщаетъ, а сынъ Щербачева А. Д. Щ. подтверждаетъ, будто Клемансо заявилъ, что

не может довѣрять бывшему министру Русскаго Императорскаго правительства Сазонову и бывшему Генералъ-Адъютанту Щербачеву. Для того, чтобы добиваться отъ французскаго правительства помощи, «Димитрій Григорьевичъ и Сазоновъ пригласили къ себѣ 13 февраля 1919 г. Савинкова и съ тѣхъ поръ Савинковъ служилъ для переговоровъ съ Клемансо; къ чести Савинкова нужно добавить, что онъ проявилъ неподдѣльный патріотизмъ. На упрекъ Миллюкова, сдѣланный ему во время политическаго совѣщанія, что онъ дружно работаетъ съ монархистами, онъ отвѣтилъ: когда я увижу, что монархисты могутъ помочь Россіи, тогда я стану монархистомъ»⁽⁹⁾.

(9) Такую оцѣнку двухъ свидѣтелей трудно согласовать съ описаніемъ встрѣчи Савинкова въ 1918 г. съ Доктаромъ, пишущимъ: «разговоръ его свелся почти исключительно къ нападкамъ на союзниковъ и русскихъ контръ-революціонеровъ, въ рядахъ которыхъ и самъ номинально числился».

Выбравшись съ Дона въ Москву, Б. Савинковъ основалъ въ 1918 году «Союзъ защиты Родины и Свободы», причѣмъ привлекъ пять съ половиною тысячъ офицеровъ, прикрывшись именемъ ген. Алексѣева, который въ самой рѣзкой формѣ опубликовалъ опроверженіе и отмежевался отъ Савинкова. Последний организовалъ въ ночь съ 18 на 19 іюля 1918 г. возстаніе въ Ярославлѣ, Муромѣ, Рыбинскѣ, Владимірѣ и Калугѣ, что привело къ кровавой репрессіи.

Возникаетъ еще больше сомнѣній, если вспомнить, что партія социаль-революціонеровъ на конференціи 19—20 февраля 1919 года постановила:

«Конференція рѣшительно отвергаетъ попытку сверженія совѣтской власти путемъ вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократіи и все растущей контръ-революціи служитъ только на пользу послѣдней».

Не лучше обстояли шансы Щербачева среди собравшагося въ Парижѣ русскаго политическаго совѣщанія подъ предѣдательствомъ кн. Львова, которое рѣшало все русскіе вопросы, превозвивъ себя «самодѣляющее значеніе, которому не можетъ сослуживать правительство», какъ писалъ 27 марта 1919 г. Колчакъ. Большинство членовъ этого совѣщанія стояло на другой, чѣмъ Щербачевъ, политической платформѣ и было его противниками въ вопросѣ объ иностранной интервенціи ⁽¹⁰⁾.

Наконецъ, и въ вопросахъ военныхъ Щербачевъ встрѣтилъ препятствіе въ лицѣ гр. Игнатьева, ставшаго большевикомъ. Будучи официальнымъ военнымъ агентомъ, гр. Игнатьевъ сохранилъ и фактически свое положеніе въ силу большого вѣса, кото-

используется реакціонными группами въ дѣлахъ реставраціи» (Очерки Рус. Смуты).

Не было ли это «содѣйствіе» со стороны Савинкова лишь мистификаціей? Какъ бы то ни было, но непосредственныя сношенія съ французскимъ предѣдателемъ совѣта министровъ были невозможны и велись черезъ Савинкова.

⁽¹⁰⁾ Списокъ, составленный А. Θ. Шебунинымъ.

Политическое совѣщаніе въ Парижѣ 1918—1923 г.

Кн. Г. Е. Львовъ — Предѣдатель.

С. Д. Сазоновъ — Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Замѣститель Предѣдателя.

Совѣтъ
русскіе, послы:

{	М. Н. Гирсъ — Посолъ въ Римѣ, жившій въ Парижѣ.
	З. А. Маклаковъ — Посолъ въ Парижѣ.
	Б. А. Бахметьевъ — Посолъ въ Вашингтонѣ, на- ѣздами 1—2 раза въ годъ въ Парижѣ.
{	Е. В. Саблинъ — Повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ.

В. В. Вырубовъ — Правитель Дѣлъ Совѣщанія.

Бар. М. Ф. Шиллингъ.

рымъ онъ пользовался во время войны. Онъ былъ знакомъ съ команднымъ составомъ и чинами министерствъ. У Щербачева, являвшагося представителемъ лицъ, никѣмъ тогда еще официально не признанныхъ за правителей Россіи, не было распространенной на Францію власти смѣстить генерала, назначеннаго еще царскимъ правительствомъ. Гр. Игнатьевъ сталъ дѣйствовать противъ Щербачева съ напряженной энергіей тотчасъ послѣ прибытія Щербачева въ Парижъ.

О самомъ же непреодолимомъ препятствіи, встрѣченномъ Щербачевымъ, будетъ подробно сказано въ 7-ой главѣ.

Дипломатическія дарованія Щербачева одолѣли, однако, всѣ эти препятствія. Онъ сталъ сразу же въ то положеніе, которое намѣревался занять. Личная дружба его съ маршаломъ Фошемъ, использо-

Н. А. Базили.

Ген. Ф. Ф. Палицынъ, замѣненный всторѣ ген. Д. Г. Щербачевымъ.

В. П. Дмитріевъ, Морской агентъ.

Контъ-Адм. А. Д. Бубновъ.

Министры временнаго правительства. {
 А. И. Гучковъ
 С. И. Третьяковъ
 А. И. Коноваловъ

Н. В. Чайковскій — Предсѣдатель Архангельскаго правительства.

С. А. Ивановъ — шлиссельбуржецъ.

Б. Савинковъ.

В. Н. Штрайдманъ — Начальникъ канцеляріи до апрѣля 1919 г.

А. Ф. Шебуинъ — Начальникъ канцеляріи отъ апрѣля 1919 г.

Кн. Е. Гагаринъ — Казначей.

ванная имъ съ достоинствомъ, закрѣпила за нимъ официальное мѣсто представителя русскихъ арміи при союзныхъ правительствахъ и верховномъ союзномъ командованіи. Адмиралъ Колчакъ не замедлил со своей стороны прислать ему свои полномочія.

Сербскій принцъ-регентъ, пріѣхавшій въ февралѣ 1918 г. въ Парижъ, представилъ Щербачева президенту республики Пуанкаре и старался послѣдняго заинтересовать его планами.

При Щербачевѣ образовались управленія, которыя 31 августа были сведены въ 4 отдѣла (11).

Черезъ эти учрежденія прошла, между прочими дѣлами, значительная часть громаднхъ поставокъ союзниковъ, направленныхъ на помощь бѣлымъ арміямъ въ Европѣ. Сибирскій фронтъ получалъ снабженіе черезъ генераловъ Нокса и Жанена.

Общее объединеніе всего бѣлаго движенія было необходимо не столько для военныхъ операцій, сколько для разрѣшенія вопросовъ политическаго, а въ особенности финансоваго характера. Щербачевъ, неустанно работавшій въ этомъ направленіи, до-

(11) I) Отдѣлъ генераль-квартирмейстера, образованный изъ существовавшаго до того времени штаба военного представителя подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Г. Д. Щербачева.

II) Отдѣлъ строевой, инструкторскій и хозяйственный, образовавшійся изъ управленія по дѣламъ о военныхъ и военно-плѣнныхъ. Нач. полк. Нарбутъ.

III) Управленіе заграничныхъ снабженій; нач. ген. Гермоіусъ.

IV) Историческій и статистическій комитетъ, ген. Палицынъ.

бился того, что Парижское политическое совѣщаніе приняло рѣшеніе признать адмирала Колчака верховнымъ правителемъ, которому должны были подчиниться все прочіе начальники бѣлыхъ армій. Это рѣшеніе было доложено Клемансо, который его поддержать. Заставить, однако, Деникина признать себя подчиненнымъ адмиралу Колчаку у политическаго совѣщанія не было средствъ. Щербачевъ предложилъ лично поѣхать и уговорить Деникина. Для разговоровъ съ правительствомъ Деникина — «Особымъ Совѣщаніемъ», ему были приданы Аджемовъ и В. В. Вырубовъ. Щербачевъ выѣхалъ 27 мая 1919 г. изъ Парижа черезъ Таренто, гдѣ ему были предоставлены англійскій истребитель. Переговоривъ въ Константинополь съ ген. Франшэ д'Эспре и англійскимъ главнокомандующимъ Лордомъ Мильномъ, Щербачевъ пріѣхалъ 8 іюня въ Екатеринодаръ въ Ставку.

Изъ статьи Н. Чебышева («Екатеринодаръ», глава 3-я), мы узнаемъ по поводу признанія Колчака слѣдующее: «Основаніемъ для возникновенія такого вопроса было обращеніе Клемансо къ адмиралу Колчаку отъ 1 іюня. Обѣщалась матеріальная поддержка державъ ему и тѣмъ, кто къ нему примыкаетъ, на условіяхъ политическаго характера, вполне пріемлемыхъ. Въ Екатеринодаръ прибыла изъ Парижа делеганія въ лицѣ ген. Щербачева, Аджемова и Вырубова, имѣвшая задачей доказать необходимость подчиненія Деникина Колчаку. Главнокомандующій спросилъ мнѣнія Особаго Совѣщанія. Мы два вечера обсуждали со всехъ сторонъ этотъ

вопросъ. Сидѣли до поздней ночи. Происходили засѣданія 9 и 10 іюня». (Далѣе слѣдуетъ отрицательное отношеніе Н. Чебышева къ возбужденному вопросу, который рѣшено было отложить). «...12 іюня — иинеть онъ дальше —, должны были состояться пресъ ды англійскаго ген. Бриггса въ большой столовой Кубанскаго войскового собранія. Деникинъ имѣлъ по правую руку чествуемаго Бриггса, по лѣвую его замѣстителя. Деникинъ сидѣлъ и что-то быстро писалъ. Потомъ поднялся и прочиталъ свой извѣстный приказъ, начинавшійся словами «Безмѣрными подвигами Добровольческихъ армій...» Онъ оканчивался: «Я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ верховному правителю русскаго государства и верховному главнокомандующему Русскихъ армій. Да благословить Господь его крестный путь и да даруетъ спасеніе Россіи.»

Деникина, какъ всякаго дѣятеля, оцѣнивають весьма разио, но, каково бы ни было отношеніе къ нему, надо признать, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, что въ исторіи мало примѣровъ, когда человекъ отказывается съ верховной власти въ пользу другого, въ особенности въ періодъ успѣховъ. Онъ былъ ближе къ цѣли и къ центру страны, его арміи были болѣе устойчивы. Къ сему надо добавить, что люди, его окружающіе, естественно, предполагали занять первенствующее мѣсто. Этимъ актомъ они лишились, хотя бы иллюзіонной, перспективы. Кромѣ того адм. Колчакъ 14 октября 1918 г. ранѣе писалъ еще ген. Алексѣеву: «Съ цѣлью поступить въ Ваше распоряженіе въ качествѣ Вашего подчиненнаго...»

Вы, Ваше Превосходительство, являетесь все это время для меня единственным посетителем верховной власти и высшего военного командования, для меня бесспорной и авторитетной». (Очерки Русско-Смуты). Это письмо еще болѣе затрудняло рѣшеніе Деникина.

Отдавая должное безкорыстію Деникина, мы напомнимъ о роли, сыгранной Щербачевымъ, какъ иниціаторомъ этого вопроса, принявшимъ потомъ на себя во имя пользы дѣла столь щекотливое порученіе.

Небезинтересно отмѣтить, что Аджемовъ и Вырубовъ, которые старались себя держать сначала независимо отъ Щербачева, вернулись горячими его поклонниками.

Глава 6-ая.

Въ рамки настоящей работы не входитъ разсмотрѣніе вопросовъ о пользѣ борьбы партіи между собой, и о допустимости участія въ ней иностранцевъ. Взвѣсивая лишь шансы на успѣхъ плановъ Щербачева, мы обращаемся къ исторіи, чтобы установить, достигало ли когда-либо въ такихъ случаяхъ примѣненіе чужеземцевъ или инородцевъ своей цѣли и не таилъ ли въ себѣ такой пріемъ для тѣхъ, кто имъ воспользовался, невозможность удержатъ потомъ власть въ своихъ рукахъ. Примѣровъ мы находимъ множество, въ особенности въ послѣдній періодъ римской исторіи, когда внутренніе вопросы постоян-

но рѣшались съ помощью меча варваровъ. Часто въ спорахъ нынѣ приводится реставрація Бурбоновъ, потерявшая въ окончательномъ итогѣ неудачу; но причины къ тому было и много другихъ, кромѣ вмѣшательства тогдашнихъ союзниковъ. Укажемъ съ другой стороны на удачное покореніе Англии Вильгельмомъ Оранскимъ послѣ революціи XVII вѣка: лишь сотня англичанъ составляла его головной отрядъ: всѣ же прочія войска состояли изъ наемныхъ войскъ разныхъ чужихъ національностей (см. *Histoire d'Angleterre depuis l'avènement de Jaques I, Macauley* p. 40).

Въ принципѣ надо признать возможность удачи подобнаго дѣйствія въ странѣ, въ которой послѣ революціи еще не установленъ прочный порядокъ.

Немедленно послѣ прибытія въ Парижъ, Щербачевъ посвятилъ себя работѣ по организаціи противъ совѣтской власти арміи изъ славянскихъ народовъ съ привлеченіемъ русскихъ добровольцевъ и военнопленныхъ изъ германскихъ концентраціонныхъ лагерей.

Сынъ Щербачева А. Д. Щ. пишетъ: «Въ серединѣ февраля 1919 г. въ Парижъ пріѣхалъ Сербскій Принцъ Регентъ. Онъ имѣлъ рядъ продолжительныхъ совѣщаній съ моимъ отцомъ относительно Россіи. Судя по замѣчаніямъ нѣсколькихъ делегатовъ Версальской мирной конференціи, Регенту послѣ этого почти удалось измѣнить отношеніе конференціи въ пользу русскаго вопроса. Въ это время Сазоновъ съ одной и большевики съ другой стороны дали

отвѣтъ о конференціи на Принкино (12). На частномъ совѣщаніи 14 февраля 1919 г. президентъ Вильсонъ заявилъ, что отвѣтъ большевиковъ — издѣвательство надъ прочими государствами, что вопроса о Принкино отнынѣ не существуетъ, и что онъ поэтому принялъ «другой планъ». Въ это время конференція должна была заняться русскимъ вопросомъ (безъ участія русскихъ) и принцъ-регентъ вновь заступился за Россію. «Другой планъ», о которомъ говорилъ Вильсонъ, намъ не извѣстенъ, но есть основаніе думать, что онъ говорилъ о планѣ который былъ предложенъ ему Принцемъ. Основываясь это предположеніе на моихъ разговорахъ съ американцами. Въ февраль мы вошли въ сношеніе съ генеральнымъ штабомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ частности съ американскимъ генераломъ Черчилемъ и капитанами Стюартъ-Монгомери и Пти. Они не скрывали, что были въ тѣсной связи съ лѣвыми, въ особенности съ французскимъ большевикомъ Лонгэ. Они восхищались Савинковымъ и обратили наше вниманіе на вліяніе, которое послѣдній могъ оказать на ходъ событій. Послѣ этого мой отецъ совѣщался съ Регентомъ 19 и 20 февраля, а 21 февраля онъ у него завтракалъ. Въ этотъ день мой отецъ мнѣ впервые рассказалъ о планѣ. Принцъ предлагалъ организовать экспедиціонный корпусъ въ Румынію или Сербію (около Дуная или Чернаго моря, чтобы

(12) Союзники пригласили къ 28 февраля 1919 г. по 3 представителя отъ каждой политической группы на Принцева острова въ Мраморномъ морѣ. Туда же должны были прибыть и представители союзниковъ, а также делегаты Финляндіи и Польши.

«облегчить перевозку») съ цѣлью поддержать бѣлыя войска и имѣть дать спокойно организовать въ тылу. Оня согласился дать 30.000 сербскихъ добровольцевъ, но деньги и все войсковое имущество должны были дать союзники. 1 марта Регентъ уѣхалъ изъ Парижа. На вокзалѣ оня еще разъ поговорилъ съ моимъ отцомъ, и я присутствовалъ при томъ, какъ Принцъ напомнилъ Президенту Пуанкаре о «вопросѣ, о которомъ они говорили». Нахожу у себя откътку отъ 25 февраля 1919 г.: «письмо моего отца Пиншону по вопросу о сербскомъ экспедиціонномъ корпусѣ».

Подробности объ этомъ планѣ мы узнаемъ изъ телеграммы Сазонова адмиралу Колчаку.

Парижъ, 27 марта 1919 г. № 552.

Князь Львовъ просить передать соображенія генерала Щербачева: положеніе юга Россіи критическое. Военное снабженіе, транспортъ, и санитарное состояніе требуютъ нестложныхъ мѣръ. Фермированіе у генераловъ Юденича и Миллера крайне необходимо для общей борьбы съ большевиками. Принимая во вниманіе указанія о всемѣрномъ сокращеніи расходовъ и вновь обсудивъ необходимые и неотложные кредиты въ иностранной валютѣ, при безнадёжности мобилизаціи на югѣ, пока не будетъ реальнаго успѣха, является необходимымъ: 1) фермированіе 40.000-аго корпуса въ Сербіи, на что имѣется принципиальное согласіе Регента Сербіи, при условіи отпуска союзниками одежды, снаряженія, оружія и техническихъ средствъ безъ уплаты денегъ теперь, но открытіе кредитовъ на содержаніе

на 10 мѣсяцевъ; 2) отдѣльнаго корпуса въ Прагѣ изъ чехословаковъ и русскихъ плѣнныхъ тоже 40.000 на тѣхъ же основаніяхъ при условіи постепеннаго формированія и подготовки кадровъ офицеровъ и солдатъ.

По допесенію Леонтьева, командированнаго въ Прагу, французскій генераль Пеллэ идетъ навстрѣчу, какъ и члены чешскаго правительства.

Країнія необходимость помощи военноплѣннымъ, срочная отправка офицеровъ и выбранныхъ солдатъ на пополненіе южныхъ и сѣверныхъ армій требуетъ немедленнаго кредита хотя бы въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Германіи находится 1.300 офицеровъ, эвакуированныхъ изъ Кіева послѣ взятія его петлюровцами, полуодѣтыхъ, безъ денегъ и безъ содержанія.

Въ виду изложеннаго необходимъ кредитъ въ иностранной валютѣ во франкахъ:

1) На формированіе, содержаніе и довольствіе въ теченіе 10 мѣсяцевъ корпуса, предположеннаго къ формированію въ Сербіи, — 75⁽¹³⁾ милліоновъ.

2) Также 75⁽¹³⁾ милліоновъ на формированіе, на тѣхъ же условіяхъ, у чехословаковъ.

3) Хотя приобрѣтеніе снаряженія и матеріальнаго имущества для всѣхъ русскихъ армій предположено безъ уплаты денегъ изъ запасовъ союзниковъ, на неизбѣжныя покупки — на наличный счетъ — расчетъ примѣрно на 50⁽¹³⁾ милліоновъ, что составляетъ примѣрно 5% всей стоимости снаряженія.

⁽¹³⁾ Въ Очеркахъ Рус. Смуты т. IV, стр. 265, сказано, что по смѣтѣ, представленной Рафаловичемъ французскому мин. финансовъ, требовалось 69½ мил. фр. въ мѣсяць на эти предпріятія.

4) На желѣзнодорожныя нужды юга Россіи, которыя только частью можно покрыть безъ денегъ, въ счетъ будущихъ расчетовъ—не менѣе 50 милліоновъ.

5) На военнопѣнныхъ офицеровъ и солдатъ, считая отправку въ теченіе 10 мѣсяцевъ 5.000 офицеровъ и 150.000 солдатъ, и на оказаніе помощи офицерамъ въ Германіи — всего 15 милліоновъ.

6) Непредвидѣнные расходы 5 милліоновъ.

Всего по 6-ти статьямъ 270 милл. франковъ, ассигнованіе которыхъ можетъ быть разсрочено на 10 мѣсяцевъ съ отпускомъ немедленно по телеграфу аванса 4 милліона франковъ. Затѣмъ въ первые 4 мѣсяця по 44 милліона и въ послѣдующіе 6 мѣсяцевъ по 15 милліоновъ.

Деньги будутъ расходоваться въ мѣрѣ дѣйствительной надобности съ установленіемъ соответствующаго контроля.

Представляя соображенія на Ваше одобреніе, добавляю, что сверхъ этихъ потребностей срочно необходимо на содержаніе центральнаго органа политическаго совѣщанія съ комиссіями и отдѣлами. Смѣту на что представляю особой телеграммой.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Капитанъ *Мариновичъ*.

На эту телеграмму послѣдовалъ отвѣтъ:

Омскъ, 14 апрѣля 1919 г. № 377.

Сосображенія генерала Щербачева были разсмотрѣны въ Совѣщаніи при верховномъ правительствѣ съ участіемъ военныхъ начальниковъ. По первымъ

3-мъ пунктамъ телеграммы признано, что формированіе воинскихъ частей въ Сербіи и Чехіи, будучи связано съ непосильнымъ для казны расходомъ въ иностранной валютѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ не дасть гарантіи, что сформированныя части будутъ представлять достаточно надежную боевую силу. Врядъ ли наши военнооплѣненные послѣ 4-лѣтняго пребыванія въ тяжелыхъ условіяхъ германскаго плѣна явятся хорошимъ матеріаломъ для войскъ и отличатся достаточной стойкостью, чтобы не разложиться и не подвергнуть нашихъ солдатъ заразѣ большевизма. Введенные въ рамки русской военной жизни, они, быть можетъ, и оказались бы полезной военной силой, но совмѣстныя дѣйствія ихъ съ чехами не обѣщаютъ дать благопріятныхъ результатовъ, какъ мы можемъ судить о томъ по собственному опыту. Условія формирования въ Сербіи считаются болѣе подходящими, но отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о тяжеломъ положеніи въ центральной Европѣ, даютъ основаніе сомнѣваться, чтобы и здѣсь могли быть достигнуты желаемые результаты. Во всякомъ случаѣ, такое формирование могло бы производиться лишь только на принципѣ добровольчества. Кромѣ того, географически не вполне ясно, какимъ образомъ послѣ венгерскаго возстанія и неопредѣленной судьбы Румыніи, сформированныя части смогутъ быть реально введены въ дѣйствіе. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній формированіе частей Сербіи и Чехіи признано нецѣлесообразнымъ и т. д. Правительство признаетъ необходимымъ всѣми силами поддерживать генераловъ Юденича и Миллера и, понимая трудность комплектованія ихъ войскъ,

считаетъ нужнымъ сдѣлать все возможное, чтобы обезпечить пополненіе таковыхъ изъ числа военно-плѣнныхъ и т. д.»

Обращаетъ на себя вниманіе сужденіе въ Омскѣ о боеспособности сербовъ и чеховъ и способа ихъ введенія въ дѣйствія,—въ Омскѣ, гдѣ согласно этой телеграммы имѣютъ лишь «отрывочныя свѣдѣнія» о тяжеломъ положеніи въ центральной Европѣ. Между тѣмъ, предложившій этотъ планъ, Щербачевъ находился въ центрѣ событій и сговорился съ правительствами на мѣстахъ формировація, коимъ обстановка была ясна передъ главами. О принудительномъ зачисленіи въ войска сербовъ и чеховъ ничего въ планѣ и не говорилось; неясно, что означаетъ эта фраза, содержащая условное согласіе, въ то время какъ слѣдуетъ безусловный отказъ. Лица, видѣвшія безиримѣрно храбрыя дѣйствія сербскаго корпуса, сформированнаго въ 1916 г. въ Одессѣ и введеннаго въ бѣи въ Дебруджѣ въ августѣ того же года, будутъ несказанно удивлены приведенною оцѣнкою Омска. Что же касается чеховъ, то непонятно, какъ вообще возможно сравненіе частей изъ военноплѣнныхъ съ добровольческимъ корпусомъ въ Чехіи.

Принимая во вниманіе то чрезвычайно тяжкое положеніе, въ которое попалъ совѣтское правительство въ 1919 г., формироваіе, предложенное Щербачевымъ, оказалось бы для Совѣтовъ гибельнымъ.

Раземотримъ вопросъ о непреодолимомъ препятствіи, которое создаетъ отсутствіе средствъ.

Мы узнаемъ изъ телеграммы: Омскъ, 30 января 1919 г. № 175, Сукнинъ-Послу.

«Министръ финансовъ сообщаетъ краткія данныя о финансовомъ положеніи. Большевики разрушили хозяйственный аппаратъ Сибири, вывезли 167 пудовъ золота, 500 пудовъ серебра и около 1 милліарда кредитокъ. Наличность государственнаго банка и казначейства къ 1 ноября 1918 г. была лишь 220 милліоновъ и т. д. Обращаясь къ факторамъ экономическаго и финансоваго возрожденія, слѣдуетъ отмѣтить во-первыхъ результаты правительственной дѣятельности по восстановленію нормальныхъ условій и т. д., во вторыхъ, громадныя естественныя богатства Сибири, кои и теперь при отсталыхъ способахъ эксплуатаціи служатъ источникомъ крупныхъ доходовъ. Наконецъ, въ качествѣ обезпеченія бумажнаго обращенія слѣдуетъ указать на металлическій запасъ кладовыхъ банка 40.000 пудовъ золота, 135.000 пудовъ серебра, не считая 1.000 пудовъ золота въ распоряженіи государства на территоріи Сибири и скупаемой правительствомъ платины. Указанныя обстоятельства позволяютъ разсчитывать въ будущемъ на возможность правильной постановки государственнаго хозяйства и проведенія широкихъ финансовыхъ реформъ и т. д.

Просьба передать настоящую телеграмму Рафаловичу. Министръ финансовъ Михайловъ».

Нельзя не признать, что бережное отношеніе къ деньгамъ свойство положительныхъ людей. Не

имѣя никакихъ другихъ данныхъ, которыя обосновали бы отрицательное сужденіе о лицахъ, рѣшавшихъ въ Омскѣ участь плана Щербачева, мы можемъ и должны предположить, что всѣ они были прекрасными людьми. Въ противоположность имъ мы укажемъ на отношенія Юлія Цезаря къ деньгамъ до момента окончательнаго захвата имъ власти. Это можетъ навести насъ на мысль, какъ бы подобныя ему люди съ пріемами, можетъ быть, предосудительными въ частной жизни могли бы поступить при данной обстановкѣ. Однако, и простые смертные въ рамкѣ общепринятой этики могли использовать положеніе. Мы наблюдаемъ, что средній человекъ и въ наше время легко поддается вліянію золота. Слѣдуетъ также отмѣтить склонность плохого игрока удваивать ставку послѣ проигрыша. Люди Западной Европы въ общей массѣ посредственные партнеры, судя по едѣлкамъ ихъ въ послѣднее время со своимъ восточнымъ сосѣдомъ. Наконецъ, вспомнимъ, что держатели русскихъ бумагъ густо населяли Европу и что нѣкоторыя національности неохотно теряютъ разъ пріобрѣтенное; бумагъ въ одной Франціи было размѣщено на 40 миллиардовъ нынѣшнихъ франковъ. Эти люди держали въ рукахъ демократическія учрежденія и свои правительства. Если Омскъ всегда хранилъ бы перечисленные богатства значительно ближе отъ друзей, чѣмъ отъ своихъ враговъ, такъ что первые были бы увѣрены въ ихъ сохранности, и воспользовался бы прожекторами европейской прессы, чтобы пустить лучи этихъ 40.000, 135.000, 1.000 пудовъ и платины въ сердца западныхъ европейцевъ (такой взглядъ высказыва-

ется и въ запискахъ финансоваго агента Рафаловича, составленныхъ на основаніи засѣданія финансово-экономическаго комитета отъ 30 апрѣля 1919 г.), то они возгорѣлись бы пламенной любовью къ правительству въ Сибири, а упомянутые игроки бросились бы удваивать свои ставки, надѣясь вернуть проигрышъ. Они вѣдь это дѣлаютъ въ настоящій моментъ при новыхъ сдѣлкахъ съ большевиками. Не только 80.000 сербовъ и чеховъ, да сомнительныхъ 150.000 военнопѣнныхъ могли бы быть двинуты на эти ставки, но возможно было бы набрать армію любыхъ размѣровъ. Чтобы спасти свои деньги, вложенныя въ русскія бумаги, Европа дала бы любия суммы.

Потомки ость и вестготовъ и прочіе могли бы броситься къ исходному положенію. Мы знаемъ по описаніямъ и видѣли въ кинематографахъ, что дѣлается, когда раздаются золотосные или алмазные участки (на которыхъ чаще всего нѣтъ ничего, кромѣ песка) и какъ въ 2 мѣсяца вырастаютъ многотысячные города. Съ другой стороны вся литература переполнена описаніемъ ужаса, который ожидалъ вернувшихся домой сыновъ отечества послѣ войны, нашедшихъ, что имъ нѣтъ больше мѣста во вновь сложившейся дома обстановкѣ. Съ сибирскими средствами можно было выбирать для голонтеровъ по своему усмотрѣнію, сколько и какія угодно силы для борьбы съ противниковъ. На основаніи факторовъ, весьма схожихъ съ только что приведенными, фактически и была сдѣлана попытка похода на Россію еще въ томъ-же 1919 году, но не со стороны побѣдителей, а

съ стороны побѣжденныхъ. Англія и Франція увидѣли въ этомъ огромную опасность не только для одного Совѣтскаго правительства (см. стр. 116 и 118).

Изрѣченіе Филиппа Македонскаго, что оселъ, нагруженный золотомъ, одолѣваетъ всякое препятствіе, остаралось въ силѣ и въ 1919 г., такъ какъ сердца людей сохранили воспріимчивость ко всему драгоцѣнному. Большевики, захватившіе Сибирь и часть богатствъ, давно усвоивъ правило Филиппа, не поняли благородства Михайлова; они рѣшили, что на ихъ счастье у противника заортачились осла.

Куда дѣлись эти массы драгоцѣнныхъ металловъ, установить не удалось (14).

Нѣкоторыя свѣдѣнія, полученные на запросы

(14) Ниже приводятся выдержки изъ письма графа Козовцова отъ 19 декабря 1934 г., какъ наиболѣе объективная оцѣнка этого событія:

«Думаю, что я могу правильно освѣтить часть этихъ событій, затрагиваемую Вашими вопросами и дать по нимъ исчерпывающее разъясненіе. Я оговорюсь только ирежде всего, что не имѣю свѣдѣній о томъ, какое количество золота, серебра и платины имѣлъ Адмиралъ при себѣ во время обратнаго движенія его на Востокъ, послѣ отступленія его подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятели. Его бывшій Министръ Финансовъ Михайловъ долженъ былъ хорошо знать объ этомъ и на его свидѣтельствѣ есть полная возможность строить правильные выводы.

На Вашъ первый вопросъ: «были ли металлы полностью вывезены своевременно, или они попали въ руки большевиковъ», я могу достовѣрно отвѣтить, что все цѣнное и въ частности драгоцѣнные металлы находились непосредственно при Адмиралѣ Колчакѣ при его отступленіи на Востокъ и болышею частью слѣдовали или въ прямой связи съ тѣмъ поѣздомъ, въ которомъ онъ самъ находился, или предшество-

фантастичны; ихъ приводитъ безъ того, чтобы обидѣть многихъ иностранцевъ, не представляется возможнымъ. Съ увѣренностью можно лишь установить, что широко задуманная финансовая реформа министра Михайлова не была приведена въ исполненіе.

330 милліоновъ золотыхъ рублей, переданныхъ большевиками по Брестъ-Литовскому миру иѣмцамъ, были у послѣднихъ отобраны и подѣлены между Англіей и Франціей.

Отказъ Омска въ средствахъ на формированіе сербскихъ и чешскихъ частей имѣлъ катастрофическія послѣдствія.

Когда арміи Деникина подходили къ Москвѣ, дойдя до Орла, крушеніе фронта произошло изъ-за обхода его большевиками съ обоихъ фланговъ. На восточномъ флангѣ вина ложится на Мамонтова; снѣ

вали ему, или находились въ непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ поѣздахъ.

Люди, критикующіе его дѣйствія, изъ числа участниковъ его компаніи, всегда ставятъ ему въ вину, что онъ слишкомъ ревниво охранялъ эти цѣнности и не принималъ мѣръ къ охранѣ самого себя и его спутниковъ, не желая разстаться съ золотомъ и монетою.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что никакая часть этихъ металловъ не была вывезена за границу и попала: въ большей ея долѣ въ руки большевиковъ, а то, что успѣло проскользнуть мимо Иркутска послѣ захвата самого Адмирала, было забрано по дорогѣ во Владивостокъ какъ атаманомъ Семеновымъ, такъ и всякими иными отрядами, хозяйничавшими по линіи желѣзной дороги. Думаю, что нѣкоторая часть золота попала въ руки и Восточно-Сибирскаго правительства и была израсходована имъ на цѣли управленія. За границу же никакая часть драгоценныхъ металловъ ни отъ

не исполнить возложенной на него задачи, а допустилъ всеобщій грабежъ: его части эскортировали повозки съ награбленнымъ имуществомъ, вытянувшіяся въ обозъ длиною въ 40 верстъ (см. Оч, Рус. См.), вмѣсто движенія во флангъ и тылъ противника. На лѣвомъ флангѣ катастрофа произошла потому, что Польша, заключивъ перемиріе съ большевиками, дала имъ возможность обойти Деникина съ запада.

Если бы на естественномъ пути движенія сербовъ и чеховъ, (а также болгаръ, которымъ союзники съ своей стороны запретили выставить контингенты), оказалась славянская армія, то исходъ окончательнаго сраженія былъ бы иной. Насколько въ сознаніе русскихъ на мѣстѣ вошло, что въ содѣйствіи Сербіи и Болгаріи послѣдняя надежда, видно изъ телеграммы отъ 13 января, полученной Деникинымъ отъ предсѣдателя правительства юга Россіи ген. Лукомекаго: она была составлена послѣ переговоровъ съ прибывшимъ на югъ членомъ Англійскаго

имени Колчака или по его распоряженію, ни отъ имени Сибирскаго правительства вывезена не была.

На второй Вашъ вопросъ: «возможно ли было увезти его, то есть металлъ, за границу» — я отвѣчаю просто, что этого нельзя было сдѣлать по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилась власть Адмирала Колчака во время его отступленія и позади его движенія, отправлять же его за границу во время его короткаго владычества онъ очевидно не рѣшался, да едва ли и могъ объ этомъ думать, такъ какъ его задачи заключались, до самаго его отступленія, исключительно въ охраненіи русской территоріи отъ власти большевиковъ и никакихъ плановъ объ эвакуаціи драгоценныхъ металловъ за границу у него не могло и быть, какъ не мыслить онъ и для себя самого возможнымъ уходить изъ Россіи...

парламента Макъ Киндеромъ. Эта телеграмма представляет собою величайшій интересъ, такъ какъ показываетъ, что правительство юга пришло къ убѣжденію, что вся предшествующая политика бѣлыхъ была не вѣрна. Мы въ ней находимъ фразу: «...единогласно признано принять полностью предложеніе Макъ Киндера, въ томъ числѣ признаніе Вами и правительствомъ самостоятельности существующихъ «крайнихъ правительствъ». Вместе съ тѣмъ Лукомскій пишетъ, что совѣщаніе «нашло необходимымъ потребовать отъ союзниковъ: ... 2) содѣйствія къ помощи живой силой со стороны Болгаріи и Сербіи, ... 4) крайне желательно заинтересовать Англію въ предпріятіяхъ Черноморской губ. и Крима путемъ предоставленія концессіи, что въ значительной мѣрѣ свяжетъ ея интересы съ нашими» (Оч. Рус. См., т. V, стр. 305). Пункты эти имѣютъ прямое отношеніе къ дальнѣйшему, являясь противоположностью рѣшеній и дѣйствій бѣлыхъ до катастрофы.

Въ запискѣ, представленной Врангелемъ Деникину отъ 7 января 1920 г., указано, что онъ считаетъ возможнымъ продолженіе борьбы, опираясь на содѣйствіе Польши, и «есть основаніе разсчитывать на помощь живой силой другихъ славянскихъ народовъ», т. е. Болгаріи и Сербіи (тамъ же, стр. 292).

Такія запоздалыя откровенія не могли уже исправить прежнихъ ошибокъ. Для содѣйствія сербовъ, болгаръ, чеховъ, поляковъ и всѣхъ окранныхъ время было безвозвратно пропущено и въ 1920 году по-

бѣда могла бы быть достигнута лишь новыми путями, на которые Щербачевъ и указалъ Врангелю. Ихъ изложенію посвящается 9-ая глава.

Глава 7-ая.

Одновременно съ разработкой плана наступленія сербовъ и чехословаковъ и дѣятельностью по снабженію арміи съ помощью союзниковъ, Щербачевъ слѣдилъ за положеніемъ и дѣйствіями тогда еще отдѣльных бѣлыхъ отрядовъ въ Прибалтикѣ.

Въ концѣ ноября 1918 г. ген. Юденичъ выбрался изъ Петербурга въ Финляндію и вступилъ въ переговоры съ мѣстными эмигрантскими организаціями. 9 декабря французскому и англійскому посламъ въ Стокгольмѣ была вручена записка за подписью Юденича и А. О. Трепова. Въ ней было изложено общее положеніе, которое представлялось какъ бы угрожающимъ и союзникамъ со стороны внутреннихъ и внешнихъ большевиковъ въ Прибалтикѣ; требовалась политическая и матеріальная помощь анти-совѣтскому движенію. Юденичъ 19 декабря встрѣтился въ Стокгольмѣ съ представителями регента Финляндіи, причемъ были выработаны условія возможныхъ совѣстныхъ дѣйствій противъ большевиковъ. Краеугольнымъ камнемъ ихъ было признаніе независимости Финляндіи, которое отклонялось въ Парижѣ какъ русскимъ политическимъ совѣщаніемъ, такъ и Сазоновымъ. Выбравшійся изъ своей очереди изъ совѣтской Россіи въ Финляндію Г.

Савинковъ, ознакомившись съ положеніемъ, взялся добиться уступокъ въ Парижѣ, вслѣдствіе чего онъ и появляется тамъ въ началѣ 1919 г. По этому же вопросу изъ Прибалтики въ Лондонъ прибыли Карташевъ и Струве. Однако, всѣ эти дѣйствія не привели къ практическимъ результатамъ, хотя адм. Кочачакъ и возложилъ на ген. Юденича весной 1919 года «руководство бѣлымъ движеніемъ въ Прибалтикѣ». Между тѣмъ шансы на поддержку Финляндіи падали. Фактически независимость Финляндіи осуществилась уже въ серединѣ предшествующаго 1918 года и она была признана Англіей 5-го мая 1919 г. Признаніе ея бѣлыми русскими де-юре теряло цѣнность по мѣрѣ того, какъ не только союзники, но и инородцы Прибалтики стряхивали съ себя обаяніе прежней русской власти и убѣждались, что дальше можно и не считаться съ возможностью возстановленія Россіи. Чего можно было легко добиться въ 1918 году, стало трудно достигъ въ іюнѣ и невозможно въ ноябрѣ 1919 года. Осенью 1918 года Финляндія выступила бы противъ совѣтской Россіи въ силу собственныхъ интересовъ; въ декабрѣ она поставила уже нѣкоторыя условія, въ мартѣ 1919 г. она потребовала на первые расходы арміи триста милліоновъ золотыхъ рублей, лѣтомъ, съ переходомъ власти къ новому республиканскому правительству — выступленіе стало почти невозможнымъ, а въ ноябрѣ финляндское правительство вообще отклонило всякіе переговоры, не интересуясь болѣе признаніемъ ея независимости русскими военачальниками и отдѣльными группами эмигрантовъ за границей. Лѣтомъ 1919 года въ свою очередь Латвія и

Эстонія придавали преувеличенное значеніе признанію ихъ представителями прежней Россіи. Признаніе это со стороны Сѣверо-Западнаго правительства и Юденича не могло ихъ удовлетворить, такъ какъ хорошо было извѣстно, почему Финляндія не выступила; географическое же ихъ положеніе помимо этого подсказывало, что въ будущемъ окрѣпшая Россія не примирится съ ихъ самостоятельностью и не признаетъ подписей Юденича. Не только внѣшнія политическія обстоятельства катились по наклонной плоскости, но и внутреннее положеніе въ молодыхъ республикахъ мѣнялось быстро въ отрицательномъ для бѣлыхъ смыслѣ. Лѣтомъ въ Финляндіи вмѣсто регента стали у власти социалисты, въ Латвіи латышскіе шовинисты и лѣвые одержали рѣшительную побѣду надъ уступчивымъ правительствомъ Нѣдры, а въ Эстоніи произошелъ сдвигъ влѣво. Въ такой-же мѣрѣ ухудшалось положеніе бѣлыхъ отрядовъ въ Прибалтикѣ.

Установивъ, что адм. Колчакъ согласенъ дать средства на поддержку Юденича, Щербачевъ сосредоточилъ свою энергію на оказаніе помощи Сѣв.-Зап. фронту. Занятіе Петербурга могло повліять на отношеніе Европы къ бѣлому движенію и нанести непоправимый вредъ совѣтской власти какъ за границей, такъ и внутри страны. Открывалась возможность въ кратчайшій срокъ достигъ наибольшихъ результатовъ. Ревель, какъ база дѣйствій, имѣлъ удобный портъ. По мѣрѣ продвиженія впередъ, тылъ можно было подтягивать съ помощью англійскаго флота до Кронштадта включительно.

Первымъ шагомъ Щербачева было обращеніе къ маршалу Фошу, который отнесся сочувственно къ идеѣ наступленія на Петербургъ. Онъ, однако, указалъ, что союзники поддержать этотъ планъ лишь при условіи, если создано будетъ не разрозненное, а крупное обще-понятное дѣло. Впрочемъ, добавилъ онъ, этотъ районъ входитъ въ сферу Англии, и Франціи придется ограничиться моральнымъ содѣйствіемъ. Постѣ этого Щербачевъ собралъ совѣтъ изъ компетентныхъ лицъ. Однимъ изъ участниковъ было указано на то, что прежнихъ начальниковъ, зачастую создавшихъ сами свои отряды при исключительныхъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ сохранить, а общее командованіе объединить въ рукахъ Родзянко, какъ командира наикрупнѣйшей части. Назначеніе генерала Юденича могло создать положеніе, при которомъ его штабъ имѣлъ бы въ непосредственномъ своемъ подчиненіи лишь одинъ штабъ Родзянко. Наконецъ, не было власти, которая могла заставить начальниковъ отрядовъ признать прибывшаго со стороны генерала Юденича. Щербачевъ, однако, рѣшилъ, что наиболѣе важнымъ факторомъ для содѣйствія союзниковъ является сосредоточеніе командованія въ рукахъ обще-извѣстнаго полководца, и герой кавказскаго фронта считался имъ наиболѣе подходящимъ для этой роли. Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ сообщилъ адм. Колчаку о результатахъ переговоровъ съ маршаломъ Фошемъ, и о желательности назначенія ген. Юденича командующимъ. Одновременно съ этимъ англичане обратились къ ген. В. Гурко, но тотъ поставилъ вопро-

сы (15), на которые отвѣтить оказалось для Англіи весьма неудобнымъ, какъ будетъ видно въ дальнѣйшемъ. Указомъ отъ 5 іюня 1919 г. Колчакъ утвердилъ Юденича въ этой должности. Щербачевъ обратился къ полк. Спиреу, представителю англійской арміи при маршаль Фонтъ, съ просьбой о высылкѣ на имя Юденича снаряженія и снабженія. Спиреу во всемъ пошелъ навстрѣчу и отослалъ списки необходимаго для исполненія въ Англійское военное министерство. Въ это время обратило на себя вниманіе странное явленіе: еще Юденичъ не былъ назначенъ, а въ англійской прессѣ уже появился рядъ статей о побѣдахъ его въ Прибалтикѣ, гдѣ никакихъ боевъ фактически не происходило. Самъ же Юденичъ продолжалъ проживать въ Гельсингфорсѣ. Щербачевъ рѣшилъ, что Англія ведетъ пропаганду, чтобы подготовить общественное мнѣніе въ пользу ассигнованій на поддержку Юденича. Такъ какъ вся фактическая помощь должна была исходить отъ Англіи, то центръ тяжести для снабженія Сѣверо-Западной арміи перешелъ изъ Парижа въ Лондонъ. Щербачевъ, не желая покинуть Парижа, командировалъ въ Лондонъ ген. Головина, который сталъ работать самостоятельно на пользу Сѣверо-Западной арміи. Его дѣятельность общаца имѣть тѣмъ большій успѣхъ, что англійскій военный министръ Черчилль отнесся

(15) Ген. В. Гурко спросилъ: 1. Какія полит. и экон. цѣли преслѣдуютъ союзники въ видѣ компенсаціи за помощь. 2. Какія средства денежныя и матеріальныя они готовы предоставить. 3. Будетъ ли русскій Главнокомандующій облеченъ полной властью (Очерки Рус. Смуты Деникинъ).

къ нему съ личной симпатіей и охотно выслушивалъ его соображенія и ходатайства. Черезъ короткое мя, однако, Головинъ уѣхалъ на Дальній Востокъ, а Юденичъ послать въ Лондонъ ген. Б. Геруа (брата ген. А. Геруа), который вновь сталъ работать въ тѣсномъ контактѣ съ Щербачевымъ. Между тѣмъ все болѣе ясно обозначалось противорѣчіе : съ одной стороны фактъ отправки требованій, посланныхъ полк. Спирсомъ, его опредѣленные обѣщанія, завѣренія англійскаго посла въ Парижѣ и Черчилля въ Лондонѣ, съ другой — жалобы изъ Ревеля, что никакого имущества не получено.

Еще въ маѣ ген. Юденичъ, видя, что союзники ничѣмъ ему не помогаютъ, что политическая обстановка на мѣстѣ ухудшается, и что положеніе Сѣвернаго корпуса можетъ стать критическимъ, заговорилъ о возможной переброскѣ морскимъ путемъ 6000 человекъ на фронтъ Деникина.

Щербачевъ рѣшилъ поставить вопросъ ребромъ: или Англія формально высказывается за помощь и опредѣляетъ ея размѣры, или всѣ бѣлые отряды изъ Прибалтики (численность конхъ онъ опредѣлялъ 30.000) должны быть увезены въ добровольческую армию Деникина.

Обращаться къ маршалу Фошу не имѣло смысла, такъ какъ онъ сносился съ Англіею черезъ полк. Спирса: послѣдній-же самъ недоумѣвалъ и негодовалъ. Нормальная-же дорога черезъ Сазонова и англійскаго посла Лорда Дерби была безнадежна. Поэтому Щербачевъ воспользовался поѣздкой въ Лондонъ своего бывшего генерала для порученій на румынскомъ фронтѣ и возложилъ на него задачу

отъ его имени переговорить съ Черчиллемъ. Онъ долженъ былъ выяснитъ, на какую помощь можно было рассчитывать съ увѣренностью. Щербачевъ предпочиталъ прямой отказъ дальнѣйшей неопредѣленности. Въ неблагоприятномъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ немедленно начать переброску войскъ на югъ. Генераль былъ принятъ помощникомъ Черчилля, который попросилъ его до пріема министра изложить письменно, какіе именно предметы военного снабженія и въ какомъ количествѣ требуетъ Щербачевъ. Опасаясь преуменьшить нормы и дать Англии возможность чрезмѣрно сократить испрашиваемое, генераль ограничился слѣдующей запиской: «Если англійское правительство считаетъ обезпеченіе дальнѣйшаго пребыванія Сѣверо-Западной арміи въ Эстоніи невозможнымъ, то необходимо теперь же начать перевозку ея на южный фронтъ, гдѣ она должна теперь же принять участіе въ борьбѣ съ большевиками. Ген. Щербачевъ поэтому проситъ военного министра срочно отвѣтить, можетъ ли посадка и перевозка 30.000 вооруженныхъ людей со всѣмъ принадлежащимъ арміи имуществомъ рассчитывать на содѣйствіе Англии и въ какой мѣрѣ. Если да, то я прошу мнѣ назначить сегодня часъ и лицо для обсужденія и начала работы». На это дѣйствительно послѣдовалъ немедленный отвѣтъ: «въ виду массы работы всенный министръ извиняется, что не можетъ принять посланнаго лично, но сообщаетъ, что отвѣтить на поставленный вопросъ виѣ его компетенціи, такъ какъ англійское правительство само

еще не опредѣлило своего отношенія къ затронутой проблемѣ».

Крайне встревоженный телеграммой, полученной изъ Лондона о результатѣ переговоровъ, Щербачевъ поѣхалъ къ Сазонову съ требованіемъ неотлагательно побудить англійское правительство принять то или иное рѣшеніе и ясно сформулировать его въ видѣ опредѣленнаго заявленія; отвѣтъ Черчилля былъ не совмѣстимъ съ полученными ранѣе обѣщаніями и увѣреніями, которыя не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ уже опредѣлившимся отношенія къ этому вопросу со стороны англійскаго правительства. Сазоновъ отвѣтилъ, что онъ удовлетворенъ прежними завѣреніями англійскаго посла въ Парижѣ и считаетъ нежелательнымъ вновь возбудить этотъ вопросъ, такъ какъ это могло бы имѣть видъ недовѣрія къ ранѣе полученнымъ обѣщаніямъ Англии. Между тѣмъ Юденичъ настоятельно требовалъ признать независимость Финляндіи до предстоящаго перехода власти (согласно финской конституціи 1772 года) отъ регента къ республиканскому правительству. Онъ бралъ на себя отвѣтственность и предполагалъ лишь своей подписью закрѣпить соглашеніе.

Щербачевъ, считаясь съ возрастающей вѣроятностью, что Англія въ недостаточной мѣрѣ или несвоевременно поддержитъ Сѣверо-Западную армію, настаивалъ на безоговорочномъ принятіи предложенныхъ Юденичемъ условій. По его мнѣнію 100.000-ая (нѣкоторые полагаютъ, что было не болѣе 45.000), прекрасно вооруженная

по сравненію съ большевиками финская армія съ 250 орудіями и 20 танками не только являлась единственнымъ спасеніемъ въ сомнительномъ положеніи, но и обезпечивала вѣрный успѣхъ. Филъ указалъ Сазонову на рискъ, сопряженный съ передачей участи всего вопроса въ руки иностраннаго правительства, отказавшагося открыто высказывать свои рѣшенія. Сазоновъ въ данномъ случаѣ рѣшилъ не вѣтоваться съ англійскимъ посломъ!

Выступленіе Финляндіи оказалось нежелательнымъ для Англии.

Получивъ вновь завѣреніе, что вмѣсто помощи Финляндіи Англія окажетъ Сѣв.-Зап. арміи содѣйствіе, Сазоновъ сказалъ, улыбаясь: «и безъ чухонъ обойдемся», и требованіе Юденича вновь было отклонено.

Вотъ, что написалъ Сазоновъ Колчаку: «Безусловное признаніе независимости Финляндіи противорѣчитъ жизненной необходимости обусловить это признаніе гарантіями безопасности для Россіи. Ссылка на 1864 годъ маловажна. Финны добиваются выхода къ Ледовитому океану въ смыслѣ присоединенія Печенги, что представляется мнѣ недопустимымъ. Самоопредѣленіе кареловъ скрываетъ притязаніе на части Олонецкой и Архангельской губерній. Взамѣнъ этихъ главныхъ уступокъ, которыхъ никто, кромѣ Учредительнаго Собранія не въ правѣ дѣлать, намъ обѣщается выступленіе финскихъ войскъ даже безъ обязательствъ (?) дѣйствительно достигнуть определенной цѣли».

На это послѣдовала телеграмма Колчака Юде-

ничу отъ 20 іюля 1919 года: «Не вступайте ни въ какія договорныя обязательства съ финляндскимъ правительствомъ. Условія соглашенія не пріемлемы и нѣтъ увѣренности въ активной помощи Финляндіи».

Уже 9 іюля Щербачевъ выслать курьера къ Юденичу, которому сообщалась общая оріентировка и свѣдѣнія объ обѣщанномъ при посредничествѣ полковника Спирса снабженіи. Курьеру поручено было выяснитъ положеніе на мѣстѣ и составить списокъ всего полученнаго изъ Англіи.

Курьеръ, однако, былъ задержанъ въ Лондонѣ и вернулся 25 іюля въ Парижъ, причемъ представилъ докладъ ⁽¹⁶⁾, и составленную имъ, ген. Геруа и ген.

(16) Докладъ отъ 27 іюля 1919 года, входящій № 1733, дѣло 12 развѣдка:

Д о к л а д ъ.

Одной изъ наиболее важныхъ задачъ командированнаго 9 іюля къ генералу Юденичу было дать весьма благоприятную для насъ оріентировку въ смыслѣ ожидаемаго матеріальнаго содѣйствія союзниковъ, Америки включительно, а въ частности особой поддержки Англіи. Пріѣхавъ въ Лондонъ, я нашелъ полную поддержку со стороны генерала Ермолова и Дьяконова, а также генерала Геруа, который уже до моего пріѣзда получилъ согласіе англійскаго военнаго министерства на движеніе курьеровъ между генераломъ Юденичемъ и нашими лондонскими представителями — поэтому, ознакомившись съ моей задачей, записалъ меня въ качествѣ перваго курьера. Пароходъ «Данія» съ грузомъ изъ Ревеля, прибывшій изъ Гавра, долженъ былъ первоначально отбыть 14 іюля изъ Лондона; я явился 11 іюля въ Англійское военное министерство къ майору Скейфу, который вѣдаетъ всѣми отправками офицеровъ и который былъ предшественъ генераломъ Спирсомъ изъ Парижа о моей коман-

Дьяконовымъ (помощникомъ военного агента, въ распоряженіи котораго были органы агентуры и необходимыя свѣдѣнія) таблицу. Последняя имѣла 3 графы: Русскія части, Эстонская армія и Латвійская армія. Въ ней были перечислены всѣ отбывшіе изъ Англіи пароходы съ снабженіемъ, которое было распредѣлено по упомянутымъ графамъ. Въ русскую графу оказался записаннымъ лишь одинъ пароходъ, который, по заявленію военного министер-

ствомъ: послѣдній сказалъ мнѣ, что министерство сдѣлаетъ все, что нужно для моего отъѣзда. На ежедневное напоминаніе генерала Ермолова Скейфъ отвѣчалъ, что отвѣтъ о подробностяхъ будетъ данъ «завтра». Такъ тянулось время до 24 іюля, когда неожиданно мощная организація «Тред-Юніона», объединяющая почти весь рабочій классъ Англіи, объявила о своемъ присоединеніи къ требованіямъ забастовавшихъ угольщиковъ (одно изъ требованій — немедленное прекращеніе содѣйствія русскимъ). Это привело въ полное замѣшательство англійское правительство и вызвало временное приостановленіе всѣхъ отправокъ въ Россію. 25 іюля Скейфъ сообщилъ генералу Ермолову, что моя командировка откладывается на неопредѣленное время. Въ виду изложеннаго, я выѣхалъ съ докладомъ въ Парижъ и тутъ 26 получилъ телеграмму генерала Ермолова, что мой отъѣздъ въ Гельсингфорсъ назначенъ на 9 августа.

Невольная задержка въ Лондонѣ дала мнѣ возможность ознакомиться съ весьма существенными обстоятельствами, еще не извѣстными при моей отправкѣ изъ Парижа, и могущими измѣнить посланную генералу Юденичу ориентировку, а именно:

1) Никакихъ фактическихъ отправокъ непосредственно для нашихъ русскихъ отрядовъ съ самаго начала ихъ формированій до мгновенія моего отъѣзда изъ Англіи не было произведено. Ушедшій съ грузомъ изъ Англіи одинъ пароходъ до мѣста назначенія не дошелъ (по словамъ генерала Дьяконова «потонулъ») (!!)

ства, «затонуль» по дорогѣ. Слѣдующія графы показывали, какое количество всего было доставлено въ національныя войска Эстоніи и Латвіи. Цифры эти показывали, что Англійское правительство было заинтересовано въ созданіи вооруженной силы въ Прибалтикѣ, но не русской, и что работа для ея созданія была энергична и планомѣрна.

Эти свѣдѣнія заставили Щербачева поѣхать къ Сазонову и указать на всю серьезность положенія.

2) Между тѣмъ поступившіе запросы отъ англійскаго военнаго министерства съ предложеніемъ подробно исчислить нужды съ обѣщаніемъ немедленнаго исполненія вызвали твердое убѣжденіе въ Парижѣ, что часть всего этого уже получена на мѣстѣ, а прочее въ пути, что влекло за собою точную при моей отправкѣ оцѣнку положенія.

3) Между тѣмъ отложившіяся отъ Россіи прибрежныя области фактически получили огромную помощь со стороны Англій, которая не отразилась благопріятно на нашихъ русскихъ отрядахъ, вызвавъ въ этихъ новыхъ гоеударствахъ не точное понятіе о политикѣ союзниковъ къ нимъ по сравненію съ Россіей.

4) Политика этихъ областей, за предѣлы допустимыхъ для интересовъ Россіи, не находила со стороны англійскаго правительства сдерживающаго вліянія, что объясняется оцѣнкой положенія представителей Англій на мѣстахъ и ихъ освѣщеніемъ фактовъ безъ широкаго взгляда на неизбѣжныя будущія отношенія Россіи къ своимъ выходамъ къ морю, что объясняется общечеловѣческой чертой видѣть подлибе всего то, что передъ глазами, и въ зависимости отъ непосредственнаго впечатлѣнія находится подъ вліяніемъ мѣстной обстановки, переоцѣнивая ея значеніе. Англичане весьма увлекаются высокою идеей освобожденія народовъ отъ чужеземнаго ига и въ этомъ отношеніи заходятъ очень далеко.

5) Въ парижской прессѣ, перенечатывающей главнымъ образомъ англійскія свѣдѣнія о Россіи, уже продолжительное время велась усиленная агитація въ пользу Юденича, заста-

Онъ объяснилъ Сазонову, что всеъ данныя сводились къ тому, что англійская политика направлена на созданіе шпорядческихъ армій, а стало быть и соответствующихъ новыхъ государствъ; при этомъ русскія части намѣренно оставлялись безъ снабженія, чтобы онѣ не могли воспринять расчлененію Россіи, того самаго расчлененія, противъ котораго цѣной величайшаго риска возставали Сазоновъ, не соглашавшійся даже на признаніе самостоятельности Финляндіи. Для подробнаго объясненія цифръ курьеръ самъ на слѣдующій день изложилъ Сазонову всеъ данныя таблицы. Выслушавъ его, Сазо-

вившая нась предполагать, что фронтъ Юденича прикованъ къ себѣ особый интересъ англійскихъ извѣстныхъ круговъ. При этомъ замѣчалось усиленное подчеркиваніе усѣховъ Юденича и часто ему приписывались дѣйствія, достигнутыя финнами и эстами, а также сдѣльными отрядами, фактически не руководимыми директивами Юденича; казалось, что англійское правительство или нѣкоторыя группы англійскаго парламента въ этомъ смыслѣ готовятъ общественное мнѣніе для энергичнаго содѣйствія Юденичу. Такъ какъ это не подтверждалось фактической помощью, я нестарался собрать свѣдѣнія о дѣйствительныхъ источникахъ этой газетной кампаніи, которая, какъ оказалось, велась совершенно иными элементами: а) въ правыхъ газетахъ патріотически настроенными группами русскихъ дѣятелей въ Англии, б) въ органахъ центра объединенной группы русскихъ капиталистовъ еврейскаго происхожденія во главѣ съ Милюковымъ, заинтересованныхъ въ спасеніи своихъ капиталовъ, и надѣющихся возстановить въ Россіи режимъ Керенскаго, в) наконецъ значительное число статей въ этомъ смыслѣ было выпущено дѣльцами разныхъ національностей, тратившими значительныя суммы на пропаганду съ цѣлью использования результатовъ для личныхъ выгодъ; среди таковыхъ можетъ считаться на первомъ мѣстѣ нѣкій ЛИЧЪ (Личъ хотѣлъ получить вмѣстѣ съ банкиромъ Рубинштейномъ концессию на

повъ, взволнованный, заявилъ, что принисываетъ сборъ подобнаго матеріала враждебному отношенію къ Англійи самого курьера: въ послѣднемъ отношеніи Сажновъ заблуждался. 11 августа К. Д. Набоковъ писалъ Колчаку. . . «Петроградъ гибнетъ, а на сѣверѣ грозитъ катастрофа. Выходъ одинъ — безусловное признаніе независимости Финляндіи и соглашеніе съ Антантой. Между тѣмъ 20 августа Деникинъ писалъ Колчаку: «Еще въ декабрѣ прошлаго года по полученіи первыхъ извѣстій о предлагавшемся походѣ

эмиссіонный банкъ въ освобожденномъ Петербургѣ съ устраненіемъ всѣхъ другихъ банковъ), англійскій дѣлецъ выѣхавшій изъ Финляндіи; нѣкоторые подобныя предпріятія получаютъ прямая свѣдѣнія изъ Финляндіи и имѣютъ даже своихъ военныхъ корреспондентовъ среди нашего генералитета. Фактически за русское дѣло въ Англійи стоитъ группа англійскихъ дѣятелей во главѣ съ Черчиллемъ, сдѣлавшая то, что пока достигнуто. Но инертность въ этомъ отношеніи всѣхъ прочихъ дѣятелей, крайняя агитація рабочей партіи.— тероризирующая морально большинство умовъ, парализуетъ очень многое, а въ частности, по отношенію къ фронту генерала Юденича на основаніи особой политики, причины коей я изложу только что, приводитъ къ задержкамъ. Я считаю, что само англійское правительство не выработало опредѣленной линіи въ отношеніи Юденича. Въ этомъ отношеніи характерно сопоставить даже мелочные факты: согласіе на сношеніе генерала Геруа и генерала Юденича курьерами, предложеніе майора Скейфа генералу Дьяконову, чтобы курьеръ обратился за визой къ Эстонскому представителю, хотя Эстонія не признана официально за независимое государство; въ мигновеніе грозныхъ событій отказъ выслать курьера съ первымъ пароходомъ подъ предлогомъ, что мѣста всѣ заняты, тогда какъ для оставленія мѣста были сдѣланы всѣ шаги еще до прибытія парохода въ Англію, требованія, чтобы за проѣздъ курьеровъ въ Финляндію и обратно было

Маннергейма на Петроградъ я поручилъ высказать союзнымъ представителямъ въ Екатеринодарѣ слѣдующую точку зрѣнія: «въ силу особыхъ отношений, существующихъ между Россіей и Финляндіей, русскій народъ не можетъ допустить вооруженнаго вмѣшательства финновъ въ свои внутреннія дѣла. Территорія Россіи можетъ и должна быть освобождена исключительно русскими-же преедѣйствіемъ союзныхъ державъ». Объ изложенномъ доношу въ виду полученныхъ мною свѣдѣній о де-

узнано 1.200 франковъ какъ частнымъ лицомъ и проч. - все это указываетъ на наличие какихъ-то противорѣчій. Сопоставляя это съ фактомъ, что до сего времени ни одинъ русскій офицеръ не былъ пропущенъ отъ Юденича въ отряды по ту сторону Финскаго залива, ни отъ Юденича къ русскимъ представителямъ въ союзныхъ государствахъ, можно подумать, что это не есть случайный фактъ. Между тѣмъ лейтенантъ Станкевичъ, прѣхавшій въ Парижъ изъ отряда генерала Родзянко, доложилъ мнѣ, что офицеры, высланные или приглашенные генераломъ Родзянко, вѣхавшіе черезъ Ревель, тутъ подъ предлогомъ политическаго карантина задерживались, хотя, казалось, фактъ ихъ приглашенія или посланки ставилъ этотъ вопросъ внѣ компетенціи мѣстныхъ властей.

Дѣлая общее заключеніе по всему изложенному, приходится высказать слѣдующее:

Несмотря на поддержку, оказанную намъ союзниками, а въ частности Англіей на югѣ, необходимо теперь же выяснить и вложить въ опредѣленные рамки политику союзниковъ, а въ частности Англій въ отношеніи операціи Юденича: неясность можетъ быть чревата неожиданными послѣдствіями не только для насъ, но и для самихъ англичанъ, которые, повидимому, недостаточно широко ориентированы на мѣстахъ. Ожидаемая перемѣны въ финляндской внутренней политикѣ и возможность перемѣнъ въ другихъ новыхъ государствахъ, должны намѣренія союзниковъ сдѣлать условными, но совер-

говорѣ, заключенномъ, недавно генераломъ Юденичемъ и генераломъ Маннергеймомъ. Всецѣло раздѣляя оцѣнку этого акта, данную Сазоновымъ, считаю долгомъ совѣсти представить Вамъ, что этотъ договоръ, нарушающій важные интересы русскаго государства, является на мой взглядъ не допустимымъ и не имѣющимъ юридической силы». Въ Очеркахъ Русской Смуты (т. IV, стр. 18), Деникинъ пишетъ: «я въ началѣ не исключалъ возможности содѣйствія финляндской арміи, но, подъ впечатлѣніемъ финляндскихъ требованій, гоненій тамъ на русскихъ людей и болѣе, чѣмъ двусмысленной политики Державъ Согласія къ концу 1918 г., я сталъ окончательно на точку зрѣнія, что помощь Финляндіи была бы куплена нами слишкомъ дорогою

ненно необходимо заранѣе условиться, какъ союзники будутъ реагировать на тѣ или иные событія, для того, чтобы предупредить то, чему я былъ зрителемъ при весенней эвакуаціи юга Россіи. Такая ясность будетъ выгодна не только для Англіи и прочихъ союзниковъ съ одной, а Россіи съ другой стороны. — но безусловно предохранитъ отъ разочарованій тѣ области, которыя по политической молодости мало учитываютъ историческія необходимости. Если поэтому имѣются средства побудить англійское правительство зафиксировать свои намѣренія, предусматривая ту или иную политическую обстановку, то это необходимо сдѣлать сейчасъ-же, такъ какъ если даже намъ при этомъ не все будетъ пріятно, все-же наши расчеты будутъ построены на положительныхъ данныхъ, а не на догадкахъ, которыя парализуютъ энергію организатора, а на фронтѣ порождаютъ деморализацію и почву для самыхъ разнообразныхъ вліяній. Такое требованіе заставитъ союзниковъ принять рѣшеніе, которое ими самими до сего времени опредѣленно не принято.

цѣной и что поэтому выступленіе финляндскихъ войскъ на русской территоріи не допустимо». Далѣе, на стр. 39 того-же тома, мы читаемъ: «Сохраненіе Русской Государственности являлось символомъ ортодоксальнымъ, не допускающимъ ни сомнѣній, ни колебаній, ни компромиссовъ». На стр. 240: «Эфемерныя государственныя образованія, пріобрѣтшія мнимую независимость, не могутъ принимать участія въ процессѣ освобожденія и объединенія Россіи, пока они не откажутся отъ своихъ притязаній на отдѣльное существованіе. Они не должны претендовать на стдѣльное національное представительство». На страницѣ 138, тома V: «Мы были ригористичны не только въ духѣ, но и въ формахъ опредѣленія государственной связи, считая, что юридическій элементъ федераціи, сговоръ и двустороннее октроированіе нарушатъ — самую идею національнаго единства. Но при этомъ мы упустили изъ виду три важныхъ обстоятельства: что отрывъ окраинъ съ теченіемъ времени становился все рѣзче, углубляясь «давностью», государственной практикой и международными отношеніями; что форма «федерации» не предрѣшала еще внутренняго содержанія ея, которое могло стать вполне разумнымъ и справедливымъ, не нарушая государственныхъ интересовъ Россіи; что, наконецъ, временныя россійскія правительства Юга и Востока, лишеныя преемственности власти и исторической традиціи, не могли рассчитывать на скорое, безболѣзненное и всеобщее признаніе... Этотъ новый курсъ — скорѣе ложь во спасеніе... Государственная связь Россіи съ ея окраинами предрѣшена».

Этотъ какъ бы второстепенный вопросъ пріобрѣтъ къ концѣ концовъ рѣшающее для бѣлаго движенія значеніе. Къ концу 1919 года, окраинныя государства, фактически ставшія самостоятельными, не были признаны бѣлыми вождями — (признанію Юденичемъ и С. З. правительствомъ не придавалось вѣса). Изъ этого для союзниковъ и лимитрофовъ были ясно, что если эти вожди захватили бы въ Россіи власть, послѣдняя явилась бы угрозой независимымъ молодымъ республикамъ. Эти опасенія были не только высказаны окраинными правительствами великимъ державамъ, но и энергично поддержаны представителями послѣднихъ на мѣстахъ... Державы не могли оказать дальнѣйшей поддержки бѣлымъ, если бы даже къ тому были другія «реальныя» основанія. Отношеніе вождей бѣлаго движенія къ иностранцамъ привело въ окончательномъ результатѣ къ отказу въ содѣйствіи союзниковъ, ставшихъ покровителями местныхъ государствъ, т. е. врагами продолженія бѣлаго движенія. Они не были намѣрены собственными руками создать себѣ же опасныя осложненія при опеке новыхъ мелкихъ союзниковъ. Лозунгъ «Единая Недѣлимая» оказался роковымъ, несмотря на его привлекательность. Не будучи привлечены къ участию при его осуществленіи, иностранцы стали его врагами, потянувъ за собой Европу.

Руководители бѣлаго движенія разсуждали о починкѣ общей крыши на рухнувшемъ зданіи, когда лишь можно было думать о поддержкѣ и быстрѣйшемъ исправленіи уцѣлѣвшихъ отдѣльныхъ стѣнъ.

Они не ходили не отъ настоящаго, дѣйствительнаго, а отъ мечты, отъ пропалаго, рухнуващаго. Они руководствовались не расчетомъ, а личными чувствами, среди которыхъ сознание своего достоинства, превосходства надъ прежними подвластными пародами, сохраненіе бывшаго авторитета въ отношеніи союзниковъ сыграли роковую роль. Съ ничтожными фактическими средствами они вели борьбу не только съ разрушительными силами, опрокинувшими прежнюю власть, милліонами корней державшуюся, но и съ отряхнувшими власть большевиковъ инородческими скраинами, которыхъ съ ихъ многомилліоннымъ населеніемъ, могучая Россія лишь столѣтними усиліями могла покорить, и съ одноплеменной Польшей, казаками, малороссами. Одновременно они вели войну съ Германіей, враждовали съ Румыніей, и внушительно разговаривали, какъ мы видѣли въ предшествующей главѣ, съ Франціей.

Виолнѣ понятно, что храбрѣйшіи солдаты Деникинъ, увлеченный непрестанной непосильной борьбой, не могъ услѣдить въ полной мѣрѣ за совершившимся сдвигомъ всего свѣта. За то мы остановимся на Сазоновѣ, который сталъ поперекъ дороги Щербачева и который, въ сущности, самостоятельно руководить внѣшнею политикой. Если Колчакъ, Деникинъ и Врангель были далеки отъ міроваго пульса, то Сазоновъ находился въ центрѣ всѣхъ событій; на его глазахъ разыгрывалась и конкуренція иностранныхъ державъ послѣ мира, и смертельная борьба за самостоятельность окраинъ,

и дикая схватка между собою эмигрантских группъ. Какую ничтожною силою должны были для него обрисовываться тѣ нѣсколько десятковъ тысячъ борцовъ — разединенные громадными пространствами, находящіеся въ полной зависимости, денежной и по снабженію, отъ разсчитливой Англійи, и единодушные между собою (казаки и добровольцы) отряды, которые боролись за цѣли, не ясныя имъ, но явно противоположныя желаніямъ засѣдавшаго въ это время въ Парижѣ Верховнаго Совѣта союзниковъ, отъ одного слова котораго зависѣло, быть или не быть общему движенію. Маклаковъ писалъ: «Если кто-нибудь сталъ бы говорить, что Россія будетъ унитарна... то на него стали бы смотрѣть, какъ на чудака». (Оч. Рус. См., т. V, стр. 245).

Спрашивается, чѣмъ руководствовался Сазоновъ? На это даетъ свѣтъ его предшествующая дѣятельность, сдѣлавшая его безсмертнымъ какъ Герострата, хотя и благороднаго.

Испанскій посоль въ Петербургѣ графъ Картагена въ своей книгѣ «Воспоминаніе о моемъ посольскомъ времени въ 1914 году», (17), характеризуетъ Сазонова яркими красками. По его мнѣнію, Сазоновъ въ личныхъ отношеніяхъ какъ и въ политикѣ зналъ только либо любовь, или ненависть. Мы

(17) Мы читаемъ у него парадоксальную фразу — «Россія была страна драконовскихъ законовъ, которые смягчались тѣмъ, что они никогда не примѣнялись». Больше гуманнаго законодательства, чѣмъ въ Россіи, нигдѣ не было, ужъ не говоря о пригородахъ. Предлагается сравненіе съ законами теперешними.

выше простѣдвали за размѣрами первой по отноше-
нію къ Англіи. Необычайную его прямолинейность,
которой онъ не менѣе поражалъ графа Картагена,
мы устанавливаемъ въ допущеніи имъ, какъ ми-
нистромъ иностранныхъ дѣлъ, возбужденія еще до
окончанія войны вопроса о Константинополѣ (18).
Постѣ засѣданія Совѣта Министръ въ въ концѣ

(18) 17-го марта 1915 года Сазоновъ отправилъ посланъ въ
Лондонъ и Парижъ нижеслѣдующую телеграмму: Ходъ по-
слѣднихъ событій приведетъ Е. В. Императора Николая II-го къ
убѣжденію, что вопросъ о Константинополѣ и проливахъ дол-
женъ быть окончательно рѣшенъ въ смыслѣ вѣковыхъ стре-
мленій Россіи. Всякое его разрѣшеніе, которое не включало
бы въ составъ русской Имперіи города Константинополя, за-
паднаго берега Босфора, Мраморнаго моря, Дарданелль, а
равно и южной Фракіи по черту Эносъ-Мидія, было бы неудо-
звѣствительно. Подобнымъ же образомъ по стратегиче-
скимъ соображеніямъ часть Азіатскаго побережья, заключаю-
щагося между Босфоромъ и рѣкой Сакарією и между пунк-
томъ, подлежащимъ опредѣленію на берегу Памфидскаго за-
лива, острова Имбросъ и Тенедосъ, должны быть присоеди-
нены къ Имперіи (стр. 315. «Воспоминанія»).

Изложенный проектъ былъ положенъ въ основаніе со-
глашенія, достигнутаго Россіей. Въ Малой Азіи по соглаше-
нію въ апрѣлѣ 1916 года, къ Россіи должны были перейти:
Эрзерумъ, Трапезундъ, Ванъ, Битлисъ, и. т. д.

Узнавъ впервые о проектахъ, Царь (подобно Извольскому
въ день объявленія войны), сказалъ Сазонову: «Я Вамъ обя-
занъ самымъ радостнымъ днемъ моей жизни (см. стр. 308
«Воспоминанія Сазонова»). Всѣ дальновидные враги Россіи
могли бы присоединиться къ подобной оцѣнкѣ лицъ, съ за-
крытыми глазами руководившихъ судьбами Россіи.

Мемуары часто ничто иное, какъ попытка оправданія: по
числу страницъ о какомъ-нибудь фактѣ можно судить о есте-
ственности виновности автора въ данномъ вопросѣ. «Воспоминанія»
Сазонова на половину посвящены его балканской поли-
тикѣ, которая дорога каждому русскому. Мы узнаемъ, ка-

1915 года, на которомъ объ этомъ было сообщено присутствующимъ, государственный контролеръ Харитоновъ сказалъ Управл. Дѣлами Сов. Министровъ Лодыженскому и его помощнику Яхонтову: «мы проиграли войну». (Со словъ Ар. Ник. Яхонтова).

кля пренятствія онъ встрѣчалъ при ея осуществленіи, не только со стороны противниковъ, но и со стороны союзниковъ. Франція откровенно высказывалась противъ нихъ. Англія-же была сдержана: Съ 1909-го года Германія выступила опредѣленно въ пользу Австріи, и Англіи было выгодно располагать противобѣсомъ въ видѣ Россіи. Такое же отношеніе сопротивленія Сазоновъ встрѣтилъ и въ 1915 г. при возбужденіи вопроса о проливахъ и Константинополѣ. Англія, зорко слѣдившая за ходомъ революціоннаго движенія въ Россіи, легко согласилась на требованіе Сазонова, мастерски составивъ формулу признанія за Россіей правъ на часть владѣній Турціи. Она вставила неожиданно фразу: «при условіи доведенія Россіей войны до побѣдоноснаго конца». Англія съ чистой совѣстью могла обѣщаннаго не дать Россіи, стоило только устранить Россію отъ участія при окончаніи войны. Стр. 319 «Воспоминаній» содержитъ настолько чистосердечное признаніе дальновидности Англіи, что нельзя отказать Сазонову въ симпатіи къ его довѣрчивости и неспособности видѣть, что то, что для Россіи было весьма желательнымъ, казалось союзникамъ нарушающимъ ихъ жизненные интересы.

При описаніи вѣпшыки войны много страницъ посвящено 30 іюля 1914 г. Послѣ полученія ложнаго сообщенія о мобилизаціи въ Локальбанцейгерѣ, Сазоновъ поѣхалъ къ Сухомлинову и Янушкевичу. (*) На основаніи разговора съ

(*) Пагубная для Россіи роль Сухомлинова общезвѣстна. За то мало кто знаетъ какую благоприятную для революціи почву создалъ Янушкевичъ своей политикой. Лицамъ интересующимся вопросами о причинахъ гибели Россіи, рекомендуется ознакомиться съ «Секретными засѣданіями Совѣта Министровъ 16 іюля — 2 сентября 1915 г. А. Н. Яхонтова раскрывающими ошеломляющія послѣдствія дѣятельности Янушкевича (см. Архивъ Русской Революціи XVIII).

При его искренности Англіи было также извѣстно о мечтѣ Сазонова сѣединить славянскіе народы. Въ связи съ этимъ вспомнимъ часто приводимыя слова лорда Биконфильда: «великая, все растущая, принимающая колоссальные размѣры Россія, какъ ледникъ, надвигающаяся на Персію, на Афганистанъ, на Индію, представляетъ собою самую странную опасность, которая когда либо грозила Британіи»

ними онъ въ 3 час. дня вынудить независимаго монарха принять роковое рѣшеніе, — разговоръ носитъ именно этотъ характеръ.

Между тѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ былъ знать, что войну въ 1914 г. надо было избѣгать любой цѣной. Россія находилась въ періодѣ неслыханнаго по темпу развитія. Исторія цивилизаціи не знаетъ другихъ примѣровъ подобной профессіи статистическихъ цифръ. Данныхъ эти, вѣдь, виѣ споровъ. Черезъ 4—5 лѣтъ одного слова Россіи было бы достаточно, чтобы Европа безпрекословно исполнила ея указанія. Сербія въ 1918 г. оказалась бы свободной безъ мировой войны.

Сазоновъ ни слова не упоминаетъ о совѣтахъ Императору его противника, предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина, отвѣтственнаго за внутреннее положеніе страны въ связи съ принимаемымъ рѣшеніемъ. Мы узнаемъ объ отчаянной борьбѣ, которую велъ Сазоновъ съ «овустившимся въ кресло предсѣдателя совѣта министровъ дряхлымъ и полуживымъ старикомъ», старческію глаза котораго ясенѣе оцѣнили общее положеніе, чѣмъ пылкій, страстный взоръ Сазонова, не говоря уже о зрѣніи безпечнаго кавалерійскаго генерала, который съ Суворовскимъ лозунгомъ «пуля (и снаряды) — дура, штыкъ — молодець», рвался въ бой. Этимъ конечно затрагивается лишь сотая доля вопроса о причинахъ войны, гдѣ Австрія должна фигурировать на первомъ мѣстѣ. Сазоновъ весьма мѣтко отмѣчаетъ, что Англія, если сразу заявила бы о своей солидарности, удержала бы Германію.

ской Имперіи. Это изреченіе было повторено Ллойд-Джорджемъ 30-го ноября 1919 г. въ англійскомъ Парламентѣ. Перспектива увидѣть этотъ ледникъ дошедшимъ до Эгейскаго, Адриатическаго и Мраморнаго морей была должнымъ образомъ оценена Англіей.

Сазоновъ, сочувствуя либеральнымъ и прогрессивнымъ партіямъ, не симпатизировалъ формѣ правленія въ Россіи. Когда обозначалось предстоящее столкновеніе народовъ, то одновременно намѣчалась и борьба въ мировомъ масштабѣ между монархическимъ и демократическимъ принципами. По существу своему форма правленія не имѣетъ значенія для благополучія народовъ; мы безъ труда устанавливаемъ въ исторіи періоды расцвѣта при всякаго рода структурахъ власти: но переходы отъ одной формы къ другой сопряжены всегда съ болѣзью народа. Сазоновъ и тутъ руководствуется своими чувствами, не задумываясь надъ грознымъ противорѣчіемъ, содержащемся въ назначеніе для состязанія дня кризиса болѣзни борца.

Онъ предпочитаетъ ей дать долю вины, чѣмъ признать за ней строгую логичность дѣйствій. При чтеніи этихъ страницъ бросается въ глаза, что оба императора въ послѣднее многоліе переступаютъ черезъ Рубиконъ не изъ желанія помѣриться силами, а изъ страха опоздать: въ этомъ страхѣ, использованномъ подчиненными, и крестяся доля рѣшеній 30-го и 31-го іюля съ обѣихъ сторонъ. «Кто ѣдетъ верхомъ на тигрѣ не можетъ сойти, когда захочетъ», говоритъ китайская пословица. Этотъ парадоксъ стоилъ жизни милліонамъ людей, что мелочь по сравненію съ послѣдствіями для 2-хъ милліардовъ пострадавшихъ обитателей земного шара.

или въ рѣшѣ, постѣ прививки: это можно было скомбинировать иначе, — (1^а) времени для того, вѣдь, у Сазонова было достаточно. Легче было вызвать кризисъ и дать переболѣть организму до бѣрѣбы, разъборецъ отъ этой операціи долженъ окрѣпнуть. Мы здѣсь устанавливаемъ лишь фактъ.

При неустанной работѣ Сазонова создается такое положеніе, при которомъ монархъ ударяетъ кулакомъ въ 10. милліоновъ солдатскихъ

(2^а) Постѣдовавшія событія какъ будто отвѣчаютъ на вопросъ, какъ возможно было это сдѣлать. Прежде всего надо было быть уравновѣженнымъ государственнымъ дѣятелемъ, а не страстнымъ игрокомъ. Экономическое наступленіе иѣмцевъ на Багдадъ должно было привести соперницъ Россіи на ближнемъ востоку — Англію и Германію къ неизбежному столкновенію, помимо безконечнаго числа другихъ къ тому же причинъ. Разумно было выждать результатовъ этой борьбы, т.-е. поступить въ отношеніи 2-хъ соперницъ такъ, какъ поступила Англія въ отношеніи одной Россіи. Событія показали полную несостоятельность способа спасенія Сербіи вооруженнымъ вмѣшателствомъ всей Европы въ войну ея съ Австро-Венгеріей. Испытанныя ею несчастія были въ стократъ хуже, чѣмъ то, что могло причинить ей одними своими силами Австрія. Возможно, что Австрія и вовсе не смогла бы справиться въ горахъ съ легендарно храбрымъ народомъ. Если же Австрія заняла бы всю территорию Сербіи, то этимъ ослабила бы себя еще больше, обкушавшись славянами, и обрекла бы себя на распаденіе при первомъ неминуемомъ столкновеніи Англіи съ Германіей: этимъ открылась бы возможность осуществленія великосербской идеи. Въ такой извѣстной безопасной періодъ и могли бы совершиться перемѣны къ лучшему въ Россіи въ предѣлахъ энергичной эволюціи государственнаго аппарата, если это

силъ и по врагамъ и по собственному монархическому принципу. Въ образовавшуюся трещину не трудно было свалить монарха, но туда-же провалился и весь слой, созданный монаршею властью Петра Великаго и сдѣланный съ прежнимъ режимомъ больше, чѣмъ съ народомъ, какъ то недвусмысленно показали послѣдовавшія событія. Во время войны, предвидя возможность близкой перемены, Сазоновъ откровенно дѣлится своими мыслями съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ Бьюкененомъ, который не менѣе сочувствовалъ измѣненію

подсказывалось бы необходимою. Возраженіе, что теперь разсуждать легко, не выдерживаетъ въ этихъ 2-хъ вопросахъ критики. Всеобщая война не могла предохранить Сербію, окруженную противникомъ, отъ бѣды — это было и тогда абсурдомъ. Что же касается расшатыванія власти, то слѣпой до конца къ своей роли Сазоновъ, самъ нишетъ съ поражающей откровенностью: Пока я пишу эти строки, передо мной встаетъ величавый въ своей силѣ и простотѣ образъ Столынина и мнѣ припоминаются неоднократно слышанныя отъ него слова: для успѣха русской революціи необходима война, безъ нея она безсильна (см. стр. 282 его «Воспоминаній»). Его пылкая натура не удерживается памятью объ этихъ словахъ. Мы читаемъ, какъ онъ возвращался постоянно на своихъ докладахъ Государю къ неизбежной замѣлкѣ министровъ, сперва 4-хъ, а потомъ онъ является инициаторомъ собранія 21-го августа 1916 года (стр. 364), на которомъ министры не только рѣшаются обратиться къ Царю съ разумной просьбой оставить на мѣстѣ главнокомандующаго, но и одновременно требуютъ смѣны главы правительства, что имѣетъ послѣдствіемъ увольненіе еще 6-ти министровъ. Итакъ, памятуя слова Столынина, онъ, несмотря «на господствующее вездѣ миролюбіе» (стр. 235), допускаетъ вспышку гонимы подъ предлогомъ спасенія Сербіи, которую этимъ под-

опасной структуры дружественно подвигающегося ледника. Английскій генералъ Вотерсъ въ своей поучительной для русскихъ объемистой книгѣ «Секреты» и конфиденціально описываетъ свое посѣщеніе ставки въ 1916 году. Императоръ Николай II за обѣдомъ упомянулъ о данной имъ Сазонову отставкѣ: это обратило на себя вниманіе Вотерса, такъ какъ по официальной версіи причина ухода Сазонова была другая. Послѣ обѣда Императоръ, пригласивъ Вотерса въ свой кабинетъ и оставшись съ нимъ вдвоемъ, вновь упомянулъ о Сазоновѣ, и сказалъ примѣрно (текста нѣтъ подъ рукою): «Эти люди полагаютъ, что могли-бы лучше меня управлять Россіей, но они забываютъ, что волна унесетъ и ихъ, а въ странѣ наступитъ хаосъ». Когда послѣ желаннаго, но нѣсколько рано наступившаго переворота, упомянутая Императоромъ

вергаетъ максимуму несчастій, и одновременно участвуетъ въ «созданіи» атмосферы въ Совѣтѣ Министровъ, которая стала невыносимой.» «Раздоры среди правительства не могли укрыться отъ общественнаго мнѣнія и обаяніе власти стало стремительно падать». «Обаяніе, безъ котораго не можетъ держаться никакая государственная организація (стр. 282)».

Роль Сазонова въ міровыхъ несчастіяхъ пока не дооцѣнена: по мѣрѣ того, что будутъ забыты имена Вивіани, Грея, Гертхольда, Бетманъ Гольвега, все ярче выдѣлится имя Сазонова.

Въ отношеніи внутренняго положенія Россіи, онъ угодился человѣку, почувавшему подозрительный запахъ дыма и разбившему, для улучшенія воздуха, окна, чѣмъ и далъ пожару разгорѣться. Въ описываемый нами теперь періодъ, онъ мѣшаетъ попыткамъ спасти остатки имущества послѣ пожара, требуя его обратно лишь въ цѣльномъ видѣ, несмотря на то, что передъ нимъ лежатъ огарки.

волна унесла Сазонова въ 1919 году въ Парижъ, англичане иначе распредѣлили карту Европы, чѣмъ снѣ объ этомъ ихъ предупредилъ: они считались лишь съ этой волной и Сазонова къ участию въ мирной конференціи не допустили.

Опасность, предусмотрѣнная лордомъ Биконсфильдомъ, была устранена.

Мы и въ этотъ періодъ еще устанавливаемъ неколебимую вѣру Сазонова въ благодарность Англии за все оказанныя имъ этой странѣ услуги. Онъ на основаніи любви но не логики рассчитывалъ на то, что во имя этого чувства, она въ 1919 году вновь создастъ сама ледникъ, надъ разрушеніемъ котораго она съ такимъ страхомъ, и съ такой неустанной энергіей работала цѣлое столѣтіе. Мы упоминаемъ и о заслугахъ Сазонова по отношенію къ Польнѣ, о его искренней любви и къ ней. Возрожденіе этой страны несомнѣнно должно вызвать всеобщее сочувствіе. Она многіе годы замѣняла Франціи прежнюю союзницу Россію. Въ 1920 году вопросъ о цѣлесообразности или вредѣ дальнѣйшей поддержки бѣлаго движенія былъ рѣшенъ безъ затрудненія: возрожденіе бѣлой Россіи могло грозить безопасности и независимости новой союзницы.

Мы привели тутъ факты, относящіеся къ бѣлому движенію; но и вся прочая дѣятельность Сазонова показываетъ его намъ какъ горячаго патріота, не допускающаго мысли объ умаленіи Россіи. Онъ былъ полонъ благородныхъ чувствъ любви, дружбы, вѣрности, постоянства. Будучи въ изгнаніи, онъ продолжаетъ неизмѣнно прежнюю великодержавную

политику, такъ какъ онъ, самъ не теряя, вѣры въ
моище Россіи, съ близкимъ возрожденіемъ которой не
могли по его убѣжденію не считаться иностранныя
державы и имперіи. Будучи самъ искреннимъ
человѣкомъ и неподдѣльнымъ другомъ, онъ предпо-
лагалъ не только такую-же искренность прежнихъ
друзей къ себѣ, но и переносилъ эти ихъ чувства на
обществовреннюю имъ и стоящую за нимъ страну.
Итакъ Сазоновъ, оставшись одинъ въ прошломъ,
къ да весь міръ успѣлъ далеко пойти впередъ,
стоитъ лично виѣ всякихъ утѣхъ. Однако его
добрѣтели относятся къ этимъ отдѣльнаго чело-
вѣка. Жизнь-же народовъ, какъ единицъ высшаго
разряда, управляется иными законами и другою
моралью.

Ясно одно, что руководить судьбами народовъ
можно лишь отренившись отъ личныхъ, человѣческихъ
чувствъ.

Даже такой по некомпетентной людской оцѣнкѣ
виртуозъ, играть на струнахъ народной души какъ
Наполеонъ I, потерпѣлъ окончательную неудачу:
Онъ натянулъ на ряду съ народными и индиви-
дуально-человѣческую струну любви къ своимъ
сыну, женѣ и роду. Въ мартѣ 1814 года, Наполеонъ
написалъ любовную записку Маріи Луизѣ изъ Бар-
сюроба, которая была перехвачена казаками, узнав-
шими изъ нея, что дорога изъ Париза была свобод-
на. На основаніи этого Блюхеръ могъ соединиться
съ Шварценбергомъ и обезпечить побѣду коалиціи.

Зависимость крушенія отъ несяжданной лирики
Наполеона подмѣтилъ и Эмиль Людвигъ.

Кромѣ того Наполеонъ далъ безбожно фальши-
вить рядомъ съ собой Талейрану

Если желѣзный Бонапартъ оказался слишкомъ «человѣкомъ», чтобы быть идеальнымъ руководителемъ народа, можно ли упрекать мягкаго и страстнаго Сазонова? Могъ ли онъ увѣровать въ теорію Наполеона. «что людьми двигаетъ лишь два основныхъ фактора: страхъ и эгоизмъ». Это предохранило бы бѣлыхъ отъ многихъ бѣдъ.

Возвращаясь къ положенію, уже ясно обозначившемуся въ концѣ іюля 1919 года, мы устанавливаемъ, что Щербачевъ встрѣтилъ въ Сазоновѣ непреодолимое препятствіе не только въ смелѣ оказанія помощи Сѣверо-Западной арміи, но и для ея спасенія посредствомъ перевозки ея на югъ. Такъ какъ Сазоновъ считалъ, что Англія непременно окажетъ свесременно помощь и введетъ въ дѣло свой флотъ, то объ увозѣ бѣлыхъ на другой театръ не могло быть рѣчи.

Дальше произошло то, что не могло не произойти.

Интересно отмѣтить, что англійское правительство отравило значительный грузъ, какъ только Юденичъ одержалъ успѣхъ. Этотъ грузъ прибылъ, когда Сѣверо-Западной арміи уже не существовало. На мгновеніе всталъ призракъ «ледника», съ которымъ осторожность подсказывала считаться. Столь же неожиданна была перемена взгляда Сазонова на независимость Финляндіи, когда стало извѣстно, что Сѣверо-Западная армія разбита и отступаетъ. Онъ обратился къ финляндскому правительству за помощію «на прежнихъ основаніяхъ». Но уже никто его не сталъ слушать.

Постараемся рассмотреть объективно обстановку въ Прибалтикѣ въ 1919 году, такъ какъ свѣдѣнія о ней до насъ зачастую доходили, отразившись въ кривомъ зеркалѣ узко-націоналистической оцѣнки того или иного лагера.

На небольшомъ пространствѣ прежнихъ трехъ балтійскихъ губерній въ 1918 и 1919 г.г. бушевали страсти людей восьми разныхъ національностей или толковъ. Лишь одно мгновеніе, а именно для перваго шага противъ большевиковъ, они дѣйствовали совместно, а потомъ они преслѣдовали лишь свои частныя цѣли.

Распредѣляя ихъ по значенію и силѣ, мы составимъ для наглядности нижеслѣдующую таблицу, основываясь на числѣ морскихъ и сухопутныхъ орудій. Мы предоставляемъ читателю переводить нумерацію согласно его симпатіямъ, если онъ внесетъ свой личный коэффициентъ.

1. Англія со своимъ могучимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ.

2. Графъ ф. д. Гольцъ съ 28.000-ымъ, прекрасно вооруженнымъ германскимъ войскомъ (по другимъ даннымъ 42.000) на границѣ Прибалтики. Въ составъ его войскъ входила желѣзная дивизія, 6-ой рез. к-съ.

3. Франція со своимъ политическимъ вѣсомъ, своими представителями и флотомъ.

4. Армія Эстонской республики (примѣрно 25.000).

5. Бѣлые русскіе отряды: А) Корпусъ Родзинки (10-12.000 ч.) на Нарвскомъ направленіи (имъ до него командовалъ генералъ Вандамъ, потомъ полк. Нефъ и Дорожниковскій), Б) отрядъ разбойника Булакъ-Балаховича, потомъ поступившаго на эстонскую службу въ районѣ Пекова, В.) «Корпусъ графа Келлера» подъ начальствомъ князя Ливена въ Латвіи; послѣдній состоялъ изъ 3-хъ отрядовъ: а) отряда, составленнаго лично княземъ Ливеномъ, сначала лишь 400 чел., потомъ 3.000 чел., б) отряда Бермонта, в) отряда Вырболлча. Оба послѣднихъ были сформированы по соглашенію съ союзниками, изъ русскихъ военно-плѣнныхъ, набранныхъ въ германскихъ лагеряхъ. Численность ихъ мѣнялась, такъ какъ въ эти отряды стали поступать потомъ нѣ-

мецкіе солдаты. У Вермонта была дивизія пластуновъ. въ коей одинъ полкъ имѣлъ численность въ 1.000 чел., другой въ 200 чел., въ прочихъ двухъ полкахъ были лишь кадры. Численность корпуса Родзянко такъ же сильно колебалась (см. стр. 123).

6. Національная латышская армія, возникшая сначала въ районѣ, занятомъ эстонцами.

7. Балтійскій ландесверъ изъ элементовъ мѣстнаго балтійскаго меньшинства (2-3.000 чел.). (Съ ними работалъ временно латышскій полкъ Болондиса въ 2.000 чел.).

8. Германское социалистическое правительство въ Берлинѣ.

Бывшіе въ походѣ на Петербургъ будутъ удивлены увидѣть себя лично на 5-мъ мѣстѣ.

Каждый изъ этихъ 8 участниковъ имѣлъ свою опредѣленную цѣль: отчего они соединились въ группы, станетъ понятно, когда ознакомится съ ихъ задачами.

1. Англія желала обезпечить свое положеніе въ Балтійскомъ морѣ, а для этого создать дружественныя ей, независимыя отъ постороннихъ вліяній, республики. Она не могла допустить усиленія Россіи и вліянія Германіи.

2. Графъ ф.-д. Гольцъ стремился къ созданію самостоятельнаго, независимаго отъ Берлина плацдарма, на которомъ онъ хотѣлъ сосредоточить все, что осталось отъ прежней германской арміи на востокѣ и гдѣ могли бы собраться враги социалистическаго германскаго центрального правительства, а также всѣ германскіе нѣмцы, желающіе колонизовать западную Россію, Прибалтику включительно. (Въ этомъ вопросѣ 11 января 1919 г. состоялось соглашеніе между латвійскимъ правительствомъ и нѣмецкимъ совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ 8-ой герм. арміи, въ результатъ котораго и была создана желѣзная дивизія Бишофа).

3. Франція желала уничтожить графа ф.-д. Гольца и всекое нѣмецкое вліяніе въ Прибалтикѣ.

4 и 6. Національныя арміи Эстоніи и Латвіи, успѣвшія къ юлію 1919 года оттѣснить большевиковъ за этнографическіе предѣлы своихъ странъ, стремились къ освобожденію отъ чужеземцевъ и вліянія балтійскаго меньшинства.

5. Русскія добровольческія части хотѣли, послѣ побѣды надъ большевиками, вернуть Россіи ея прежнее положеніе. Эти стремленія были въ явномъ противорѣчіи съ цѣлями Эстонскихъ и латышскихъ войскъ и съ тѣми задачами, къ осуществленію которыхъ въ этомъ районѣ стремилась Англія.

7. Балтійскій ландесверъ, взявшій вмѣстѣ съ русскими добровольческими отрядами князя Ливена 22 мая 1919 г. Ригу (попавшую 3 января 1919 г. въ руки большевиковъ, несмотря на присутствіе англ. флота адм. Сеймура), боролся за узко-мѣстные интересы: онъ поддерживалъ буржуазное Латвійское правительство Нѣдры, стремился обезпечить страну отъ мѣстныхъ и русскихъ большевиковъ, то-есть боролся за такое положеніе, при которомъ балтійское меньшинство принимало бы участіе въ управленіи страной и сохранило бы земельную собственность. Графъ Ф.-д. Гольцъ въ своей книгѣ «*Meine Sendung in Finland und im Baltikum*» категорически отмежевывается отъ балтійцевъ, указывая на то, что онъ никогда не вѣлъ «баронской политики»: онъ это высказывалъ и въ Рейхстагѣ.

8. Германское правительство и Рейхстагъ боролись противъ графа Ф.-д. Гольца, видя въ немъ такую же для себя угрозу, какую Совѣтское правительство видѣло въ арміяхъ Деникина и Колчака. Одновременно оно дѣйствовало и противъ балтійскаго меньшинства, какъ своихъ социальныхъ враговъ. Президентъ Германскаго Рейхстага Лебе, будучи виссѣдствіи въ Ревелѣ, подчеркнул на обѣдѣ это отношеніе къ балтійцамъ, поздравивъ Эстонское правительство съ націонализацией земель меньшинства и заявивъ, что Германіи слѣдовало бы у себя послѣдовать его примѣру.

Англія, Франція, войска вновь созданныхъ республикъ и центральное Германское правительство могли временно идти вмѣстѣ, но графъ Ф.-д. Гольцъ никакъ не могъ согласовать своихъ дѣйствій съ ними, а посему, послѣ отхода изъ края большевиковъ, главнымъ врагомъ первой группы сталъ онъ.

Если столь опредѣленно обозначилась противоположность цѣлей главныхъ участниковъ, то совѣмъ иначе обстояло дѣло съ аграрными второстепенное значеніе отрядами русскихъ и балтійцевъ. Какъ тѣ и такъ и другіе зависѣли въ Латвіи

отъ графа ф.-д. Гольца. Согласно докладной записки курьера, (см. стр. 122), русскіе чины, напримѣръ, получали отъ нѣмцевъ жалованіе на 10 дней впередъ и имѣли лишь послыльный на себѣ запасъ патроновъ, то есть ничего не могли дѣлать самостоятельно. Въ Эстоніи въ значительную зависимость отъ англичанъ и отчасти эстонцевъ попалъ самъ Юденичъ и корпусъ Родзянко. Какъ англичане, такъ и нѣмцы использовали эти отряды для своихъ цѣлей. Англичане желали уничтожить всякое постороннее вліяніе и потому были заинтересованы въ томъ, чтобы Сѣверо-Западная армія, очистивъ Эстонію отъ большевиковъ, сама послѣ этого исчезла. Графъ ф.-д. Гольцъ, напротивъ, желая продвигаться все болѣе на востокъ, вопреки берлинскому правительству, прикрывалъ свои цѣли, участвуя въ междоусобной борьбѣ бѣлыхъ и красныхъ.

Англичане, эстонцы и часть русскихъ и балтійцевъ съ одной стороны, Латвійское правительство Нѣдры, — другая часть русскихъ, балтійцевъ и нѣмцевъ графа ф.-д. Гольца, съ другой, преслѣдуя большевиковъ, первые съ сѣвера на югъ, вторые съ юга на сѣверъ, легко могли встрѣтиться другъ съ другомъ. Дѣйствительно, часть эстонской арміи, перейдя черезъ этнографическія границы въ направленіи на югъ, стала на латвійскую территорію. Къ ней присоединились латвійскія національныя войска, т.-е. противники правительства Нѣдры. Нѣдра, съ своей стороны, къ тому-же времени выдвинулъ нѣмецкій отрядъ, въ составъ коего входилъ и балтійскій ландесверъ. Князь Ливенъ, предчувствуя недоброе, приказалъ капитану Болдыреву не участвовать въ этомъ движеніи. Представители союзниковъ, прибывшіе на мѣсто перваго столкновенія, постановили, что эстонская армія должна вернуться въ предѣлы Эстоніи. Съ этимъ не согласились латвійскіе военные начальники, входившіе въ составъ арміи Эстоніи, и началось наступленіе на отрядъ Нѣдры.

Такъ какъ балтійцамъ не было расчета драться противъ эстонцевъ и латышей, съ которыми надо было жить вмѣстѣ и въ будущемъ, то имъ было заявлено, что противъ нихъ дѣйствуютъ эстонскіе и латвійскіе большевики. 22 іюля 1919 года въ битвѣ подъ Венденомъ войска Нѣдры были разбиты и латвійскіе націоналисты, во главѣ съ Ульманисомъ образовали новое

правительство въ Ригѣ. Такимъ образомъ первымъ въ клещи попалъ ландсверъ, похоронивъ вмѣстѣ съ собою при- велигированное положеніе балтійскаго меньшинства⁽²⁰⁾.

Вторыми, при сложившейся обстановкѣ, должны были погибнуть бѣлые отряды русскихъ, случайно избѣжавшіе гибели въ первомъ столкновеніи. На сѣверѣ они почили между линій большевиковъ и Эстоніи, а на югѣ они были раздавлены въ борьбѣ англійскаго и французскаго флотовъ и датшей съ одной стороны, и вѣмцевъ—съ другой. И тѣ и другіе погибли безъ остатка. Произошло это такъ: ген. Юденичъ, назначенный Колчакомъ 5 іюля командующимъ Сѣверо-Западной арміей, прибылъ для непосредственнаго командованія арміей въ Ревель въ концѣ іюля. Начальникъ, особой британской военной миссіи, бывшій командующій англійской 5-ой арміей генераль Гофъ и его помощникъ генераль Мэрчъ, взявши въ свои руки общее руководство всѣми дѣйствіями въ Прибалтикѣ, послѣдовали за нимъ въ концѣ іюля. Каковы были данныя имъ инструкціи, мы не знаемъ, но, судя по ихъ дѣятельности, они пользовались самостоятельностью въ выборѣ средствъ. Юденичъ былъ лишенъ возможности что-либо дѣлать по своему усмотрѣнію и долженъ былъ исполнять ихъ указанія. Сѣверо-Западная армія жила и умерала по желанію генераловъ Гофа и Мэрча. Послѣдній собралъ русскихъ общественныхъ дѣятелей и приказалъ 10 августа 1919 года въ 40 минутъ безъ участія Юденича составить Сѣверо-Западное русское правительство, отъ котораго потребовалъ официальнаго признанія независимости Эстоніи, въ чемъ Сазоновъ въ Парижѣ, какъ извѣстно, отказалъ: «если, прибавилъ ген. Мэрчъ, правительство не будетъ образована къ 7 часамъ, то всякая помощь со стороны союзниковъ будетъ сейчасъ-же прекращена» (см. мемуары Карташева, Кузьмина-Каравяева и Суворова). Это было исполнено. Во главѣ правительства стала Дяконовъ. Юденичъ, съ своей стороны, призналъ независимость Эстоніи. Формально первая задача англичанъ была рѣшена. Оставалось удаленіе Сѣверо-Запад-

(²⁰) Этотъ бой, отчасти, послужилъ потомъ оправданіемъ къ отчужденію у меньшинства всей земельной собственности.

ной арміи. Въ отношеніи корпуса Родзянки это было простымъ дѣломъ, но ликвидировать отряды въ Латвіи казалось болѣе сложнымъ: кромѣ того, послѣдніе могли, согласно плану Юденича, дѣйствовать съ фланговаго своего положенія на Бологое, перерѣзавъ сообщеніе съ Москвой и выйти въ тылъ Петербургу; несмотря на свою малочисленность, они могли-бы произвести панику и этимъ вызвать случайное паденіе советскаго правительства. Ген. Гофъ приказалъ черезъ Юденича корпусу кн. Ливена съѣхать въ Либавѣ на суда и перерѣзать моремъ въ Гунгербургъ, гдѣ участвовать въ движеніи Родзянки въ лобъ на Петербургъ (см. «Заниски» начальника отряда кн. Ливена).

Это былъ смертный приговоръ всей операціи: послѣдній шансъ, послѣдняя, хотя уже и безъ того слабая, надежда на удачу одними своими силами, этимъ уничтожалась.

Этимъ приказомъ, исходящимъ отъ ген. Гофа ⁽²¹⁾, не преминули воспользоваться нѣмцы. Они указали русскимъ представителямъ въ Берлинѣ и въ Митавѣ и русскимъ войскамъ въ Латвіи на намѣреніе Гофа ихъ погубить. По слухамъ сенаторы Туфанъ-Барановскій, Бельгардъ, Римскій-Корсаковъ, а можетъ быть и другіе русскіе дѣятели поручили сенатору Нейдгарду поѣхать въ Ревель и уговорить Юденича вырваться изъ-подъ вліянія Гофа и остерегаться эстонцевъ. Аэропланъ Нейдгарда спустился въ расположеніе эстонской арміи. Документы попали въ руки эстонскаго правительства. Нейдгардъ былъ арестованъ. У эстонцевъ могло явиться опасеніе, что Юденичъ устранивъ Гофа и нападетъ на нихъ. Отъ подобныхъ неосуществимыхъ пасильственныхъ мѣръ и намѣреній никто не былъ дальше уравновѣшеннаго Юденича, однако, уже раньше крайне натянутыя отношенія между нимъ и республикой не могли отъ этого выиграть. Нельзя было расчи-

⁽²¹⁾ Утвержденіе нѣкоторыхъ изъ военныхъ, что Юденичъ самъ отъ себя отдалъ это распоряженіе въ виду того, что латыши будто не пропускали корпуса графа Келлера къ Северо-восточной границѣ, опровергается занисками кн. Ливена и протоколомъ, подписаннымъ латвійскимъ представителемъ полк. Кальнинымъ (см. стр. 121), гдѣ участокъ Вермонту назначенъ еще 20-го августа отъ Двинска на Великія Луки.

тивать на доверіе эстонцевъ къ обѣщаніямъ Юденича и Лянова, такъ какъ всѣмъ было извѣстно отношеніе Сазонова и политическаго совѣщанія въ Нарвѣ къ Финляндіи.

Между тѣмъ, уже 20 іюля та часть корпуса графа Келлера, которая была въ свое время сформирована самимъ княземъ Ливеномъ, а именно 2.000 штыковъ была перевезена изъ Либавы въ Ревель и Гунгербургъ. Бермонтъ-же, съ подчиненнымъ ему Выргодичемъ, отказался исполнить приказаніе, заявивъ, что англичане «изъфинники».

Маршъ 26 августа собрать начальниковъ всѣхъ анти-совѣтскихъ отрядовъ въ Ригѣ, гдѣ и быть составленъ извѣстѣющей «протоколъ». Судить о томъ, насколько это было серьезно, видъ нашей компетенціи. Приводимъ его лишь потому, что въ немъ точно обозначены районы дѣятвїи тогдашнихъ враговъ совѣтской республики:

Подписи:	Фронтъ:	Участки фронта:
Ген. К. М. Лайдонеръ	Эстонскій	Отъ побережья до жел. дор. Ямбургъ-Гатчинно включительно.
Ген. Десно	Русскій	Отъ желѣзной дороги до р. Великой.
Ген. Лайдонеръ	Эстонскій	Отъ р. Великой до сѣвернаго берега Лубанскаго озера.
Полк. Кальвицъ	Латвійскій	Отъ Лубанскаго до Болтинскаго озера включительно (задача — оборона восточной границы Латвіи).
Полк. Бермонтъ	Русскій	Задача отъ Двинска продвинуться на Великія Луки.
Полк. Беняшевичъ . . .	Литовскій	Отъ Балтиновскаго озера до пункта въ 35 килом. юго-западнѣе Двинска (задача — оборона восточной границы Литвы).
Капит. Мысловскій . . .	Польскій	Отъ литовцевъ къ Востоку.
Завѣрилъ: I. Г. Мярць,		бригадный генералъ.

Черезъ 4 дня Юденичъ прїѣхалъ въ Ригу и пригласилъ къ себѣ Бермонта, который не явился.

15 ноября курьеръ послалъ Щербачеву донесеніе, которое, дополняя этотъ «протоколъ» — даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ общую картину положенія:

Докладная записка 15 ноября 1919 года.

Изъ 4-хъ продолжительныхъ бесѣдъ съ генераломъ Юденичемъ я узналъ нижеслѣдующее:

Общее положеніе на фронтѣ, несмотря на недавнія неудачи и потери Ямбурга (теперь взятаго, по слухамъ, обратно) и Пскова, надо считать удовлетворительнымъ. Русскія части, хотя и малочисленныя — на фронтѣ не болѣе 14.000 штыковъ и сабель (сюда входитъ и перевезенный изъ Латвіи отрядъ князя Ливена въ 2.000 штыковъ) — настроены бодро. Эстонскія войска, коихъ оказывается всего 25.000 штыковъ, по мнѣнію командующаго Эстонской арміей Лайдолера, участвуютъ въ активныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ стали заниматься политикой и духъ въ нихъ за послѣднее время измѣнился къ худшему. При содѣйствіи Финляндіи генералъ Юденичъ считаетъ, что операція противъ Петрограда увѣнчается успѣхомъ, такъ какъ 7 финскихъ дивизій при 250 орудіяхъ и 20 танкахъ должны рѣшить дѣло. Генералъ Юденичъ полагаетъ, что, при умѣлой политикѣ, Финляндія приметъ участіе въ операціи противъ Петрограда, при этомъ ставитъ ея рѣшеніе въ зависимость отъ германскихъ вліяній. На югѣ въ Ливоніи стоятъ два отряда: Бермонта и Вырголича (первый именуется себя княземъ Аваловымъ) въ 3.000 штыковъ, которые на бумагѣ признаютъ генерала Юденича, но на дѣлѣ его приказаній не исполняютъ. Эти части получаютъ отъ нѣмцевъ на 10 дней жалованіе впередъ и носимый запасъ патроновъ, такъ что безъ ихъ содѣйствія не могутъ просуществовать и самаго короткаго времени, и самостоятельныхъ дѣйствій не въ состояніи предпринимать. Далѣе на югъ въ Курляндіи 11.000 хорошо обученныхъ германскихъ частей, которыя, по мнѣнію генерала Юденича не собираются уйти; объ ихъ дальнѣйшихъ планахъ ему не извѣстно. По свѣдѣніямъ, генералъ Бискупскій, выдвигаемый сенаторомъ Бельгардомъ и

Римскимъ-Корсаковымъ предлагаетъ объединить группы Бермонта и Вырголіча — но согласается ли послѣдніе на это объединеніе, генералу Юденичу казалось сомнительнымъ.

ОРГАНИЗАЦІЯ. Военныя силы объединяются въ рукахъ главнокомандующаго, который пытается быть самостоятельнымъ, но въ сущности англичане входятъ во все, даже въ назначенія офицеровъ на старшія должности. Ему подчиняется Командующіей арміей генералъ Родзянко со своимъ штабомъ—а послѣднему два штаба корпуса: 1 графа Падена и 2^й Арсеньева. Такимъ образомъ два штаба корпуса имѣютъ надъ собой два штаба старшихъ начальниковъ, что является причиной самыхъ ненроводительныхъ треній и неромышленнымъ зломъ, черватымъ послѣдствіями. При своеобразномъ характерѣ командующихъ лицъ это особенно недопустимое явленіе. (Бывшій командиръ II корпуса Булакъ-Балаховичъ, какъ видно изъ прилагаемаго приказа, убѣждалъ къ зстонцамъ).

ОФИЦЕРСКІЙ СОСТАВЪ. Офицерскій составъ слишкомъ малочисленъ. Въ особенности чувствуется нужда въ офицерахъ генеральнаго штаба. Генералъ Юденичъ желалъ бы получить 1200—1500 человекъ офицеровъ и нѣсколько начальниковъ штабовъ дивизій и офицеровъ генеральнаго штаба въ штабы корпусовъ и арміи (10 человекъ).

НИЖНИЕ ЧІНЫ. Почти все солдаты вербованы изъ занятыхъ мѣстностей, которые въ случаѣ отхода, для защиты своихъ семей расходятся по домамъ. Этимъ объясняются большія потери при послѣднихъ отступленіяхъ: 3000 подъ Ямбургомъ и 2000 подъ Исковомъ. Добровольцевъ нигдѣ почти нѣтъ.

АРТИЛЛЕРІЯ. Армія имѣетъ лишь 16 полевыхъ орудій и 16 гаубиць, новыхъ англійскихъ, которыя могутъ

считаться вполне годными къ дѣйствию. Всѣ прочія орудія (около 60) или разстрѣляны, или же стараго типа (взятые у большевиковъ). Англичане прислали 10.000 ружей.

ТАНКИ. Англичане прислали 4 танка; но при разгрузкѣ пулеметныхъ лентъ не оказалось, по слухамъ въ ящикахъ были гвозди; такимъ образомъ, они до сего времени стоятъ въ бездѣйствіи такъ какъ ленты, заказанныя генераломъ Юденичемъ на заводѣ, пока не готовы. Танки имѣютъ по одному орудію и 5 пулеметовъ.

АЭРОПЛАНЫ. Англичане прислали 6 аэроплановъ; но коммисія отказалась ихъ принять, такъ какъ моторы оказались старые и пробные полеты были невозможны.

ПАТРОНЫ. Налицо 10.000 3-дюймовыхъ патроновъ и 10.000 английскихъ. Насколько я понялъ, ожидается еще 34.000 первыхъ и 65.000 вторыхъ.

ОБМУНДЦРОВАНИЕ въ плохомъ состояніи. Англичане прислали 10.000 ботинокъ, но нѣтъ ни бѣлья ни платя, и отсутствіе шинелей и теплой одежды на зиму очень беспокоитъ генерала Юденича.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЕ обставлено сейчасъ сносно. Американцы привезли хлѣбъ, сало, бобы. Картофель покупается у населенія. Пайекъ: 2 фунта хлѣба, $\frac{1}{2}$ фунта сала. Офицеры получаютъ то же. Необходимо консервы, приправы, мыло, табакъ. На армію хватило-бы хлѣба на 4 мѣсяца, но нужно кормить населеніе.

ДЕНЬГИ. Въ первый разъ былъ полученъ въ маѣ 1 миллионъ рублей, въ іюлѣ 1 миллионъ франковъ, потомъ 150.100 фунтовъ и наконецъ 850.000 фунтовъ переведены адм. Колчакомъ въ Лон-

донъ — но тутъ какая-то задержка. Теперь предполагають въ Копенгагенѣ печатать съ разрѣшенія адмирала Колчака 300 милліоновъ рублей сейчасъ и 500 милліоновъ позже. Условія въ предлагаемой газетѣ.

САНИТАРНЫЯ УСЛОВІЯ очень плохи. Цынга со смертными случаями. Сыпнымъ тифомъ заболѣвають даже офицеры. Статистическихъ данныхъ невозможно было достать, такъ какъ это дѣло сильно хромаетъ. Медикаментовъ нѣтъ.

НАСТРОЕНИЕ. По мнѣнію ген. Юденича, послѣднія неудачи не подорвали духа въ русскихъ частяхъ, но непрібытіе или недостатокъ военныхъ припасовъ подорвали довѣріе къ англичанамъ и несомнѣнно вліяютъ на сдвигъ офицерскихъ и солдатскихъ массъ въ сторону нѣмцевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА крайне сложная. Новое русское правительство находится въ чужой странѣ: такъ какъ полоса Петроградской губерніи подвержена слишкомъ большой опасности, то оно расположилось въ Ревелѣ, что конечно вызываетъ насмѣшки со стороны эстонцевъ. Ланозовъ сказалъ мнѣ, что онъ увѣренъ, что при неудачѣ и отходѣ за рѣку Нарову эстонцы обезоружатъ русскія части. Эстонцы издали указъ о высылкѣ 7.000 русскихъ за предѣлы Эстоніи. Рабочая масса требуетъ смѣщенія правительства, прекращенія военныхъ дѣйствій, введенія націонализаціи на всякое имущество и соглашенія съ большевиками Россіи. Благодаря мѣрамъ самохраненія теперешняго правительства, возможность переворота считается отложенной не менѣе какъ на 1—2 мѣсяца.

АНГЛИЧАНЕ. Личный составъ англійскихъ частей не значителенъ. Кромѣ лицъ, состоящихъ въ комиссіи и при генералѣ Юденичѣ, всего 12 англійскихъ

офицеровъ и 20 нижнихъ чиновъ при танкахъ. Генералъ Юденичъ съ симпатіей говорилъ о генералѣ Гоффѣ, но жаловался на м. Мэрчъ. Вообще-же считаетъ, что мало помощи, но много совѣтовъ. Объ американцахъ генералъ Юденичъ выражался съ восторгомъ, считая ихъ помощь главнымъ факторомъ созданія и сохраненія арміи.

ОРИЕНТИРОВКА. Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ на другихъ фронтахъ поступаютъ довольно регулярно. Но связи съ югомъ Прибалтики совершенно нѣтъ, такъ что въ Ревелѣ неизвѣстно, что дѣлается въ Ригѣ, и масса ложныхъ извѣстій поступаетъ изъ Германіи, въ которой намѣренно или по недостатку связи поступаетъ много ложныхъ свѣдѣній.

ЛИЧНОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ. По моему мнѣнію, армія загромождена слишкомъ большимъ числомъ штабовъ, а страна массой учреждений съ громкими названіями и большимъ числомъ служащихъ. Нужна была-бы одна твердая рука, но ея несомнѣнно нѣтъ, и нѣсколько лицъ съ военно-административными функциями. Думаю, что въ будущемъ успѣхъ будетъ обусловленъ главнымъ образомъ положеніемъ и разваломъ Совдѣнія. Предвику столкновение интересовъ на національной почвѣ. Если не будетъ военныхъ дѣйствій, отвлекающихъ вниманіе эстонскихъ солдатъ, думаю, что поворотъ еще болѣе влѣво неизбеженъ. Если Англія прекратитъ свою военную, а Америка свою матеріальную помощь, катастрофа неизбежна.

Тѣмъ временемъ гр. ф. д. Гольцъ былъ по настоянію агитанты берлинскимъ враждебнымъ ему социалистическимъ правительствомъ не безъ труда удаленъ, и германскія войска расформированы. Уволенные нѣмцы подъ видомъ добровольцевъ вступали въ отряды Бермонта, у котораго образовались значительныя силы съ мощной артиллеріей. Его поведение въ

отношеніи Латвіи стало агрессивнымъ. Онъ послалъ Латвійскому правительству ультимативное требованіе пропустить его черезъ Ригу для выхода на фронтъ съ большевиками и двинулся 5 октября на Ригу.

Юденичь 11 октября объявилъ Бермонта измѣнникомъ, надѣясь успокоить этимъ эстонское общественное мнѣніе. Латышамъ же онъ съ этой-же цѣлью передалъ 4 орудія. Англійскій и французскій флоты сосредоточились въ Рижскомъ заливѣ. Кончилось тѣмъ, что адмиралъ Брюсонъ, осведомленный о положеніи начальникомъ французской военной миссіи, полковникомъ Дю-Паркэ, приказалъ флоту открыть огонь. Въ Усть-Двинскѣ пострадали отъ него пластуны и отступили. Въ тылу у Бермонта распоряженіемъ союзниковъ былъ прекращенъ подвозъ. Бермонтъ послѣ бомбардировки Риги отступилъ, преслѣдуемый латышами. Этимъ закончила свое существованіе южнаго группа «корпуса гр. Келлера», смѣшанная съ германскими солдатами. Обстоятельства гибели русскихъ весьма схожи съ обстановкой, которая рѣшила участь Мбетнаго ландсвера 22 — 24-го іюля того же года.

Мы поставили берлинское правительство и рейхстагъ на мѣсто по силѣ и значенію. Но и ничтожныя причины могутъ имѣть крупныя послѣдствія. Если-бы Берлинъ не взялся столь энергично за разстройство плановъ и за удаленіе гр. Ф.-д. Гольца, послѣдній могъ бы легко создать обстановку, значеніе и послѣдствія коей трудно учесть. Опасность эта для видовъ Англій и Франціи казалась во всякомъ случаѣ реальной. Русскіе тутъ погибли въ качествѣ „Quantite négligeable“. Гольцъ въ послѣдствіи оправдывалъ уходъ англійскаго флота изъ-подъ Петербурга необходимостью спасать положеніе у Риги и Либавы.

Какъ уже было описано, положеніе Юденича стало настолько сложнымъ, и ежедневныя потери его, по разнымъ причинамъ, настолько велики, что онъ, не будучи готовъ къ походу, двинулся въ общее наступленіе 11 октября.

Эстонская армія, оттѣснивъ большевиковъ, осталась частью сзади, а частью занявъ границу Эстоніи и Латвіи. Лишь находившійся въ составѣ этой арміи Балтійскій полкъ получилъ разрѣшеніе сопровождать С.-В. армію на Петербургъ. Между тѣмъ, полоса въ 20 верстъ вдоль побережья была назначена ген. Гофомъ какъ исключительный районъ дѣятельности эстонской арміи и нингерманландскаго отряда.

11 октября былъ занятъ Ямбургъ, 17 октября Гатчина, 22 октября большевики получили подкрѣпленіе, 25 октября они перешли въ контръ-наступленіе. Англійскій флотъ, согласно обѣщаніямъ Гофа, долженъ былъ обстрѣлывать Красную Горку, на флангѣ бѣлыхъ. Англійскій мониторъ действительно выпустилъ 16 выстрѣловъ, изъ коихъ одинъ попалъ. По словамъ начальника эскадры англійскихъ миноносцевъ, послѣ этого было получено отъ англійскаго адмирала Кована *) прекратить огонь и держать курсъ на сѣверъ, т. е. въ открытое море. Такъ какъ лѣвый флангъ не былъ обезпеченъ, то С.-З. армія была охвачена и обойдена.

Итакъ нѣсколько тысячъ человѣкъ бѣлыхъ безъ достаточнаго числа боевыхъ припасовъ, артиллеріи, аэроплановъ, броневиковъ, были брошены на вѣрную гибель. Нельзя допустить, чтобы военные люди — Гофъ и Мэрчъ, будучи въ здравомъ умѣ, не знали, что съ подобными силами нельзя было взять Петербургъ, его удержать и дальше двинуться на Москву. При такихъ обстоятельствахъ, предосторожность Гофа, заставившаго генерала Юденича подписать, что Кронштадтъ, послѣ занятія Петербурга, будетъ переданъ Эстонской республикѣ въ видѣ гарантіи ея независимости, не лишена юмористическаго оттенка. Обрато въ Эстонию части Юденича, согласно заключенному тѣмъ временемъ между Эстоніей и совѣтскимъ правительствомъ Юрьевскому миру, не пустили, лишь Балтійскій баталіонъ, оказавшій неоцѣнимыя услуги С.-З. арміи при отступленіи изъ-подъ Петербурга, былъ, какъ входящій въ составъ Эстонской арміи, принятъ обратно. Остатки арміи оказались въ западнѣ между двумя линіями. Переходившіе черезъ эстонскую границу люди разоружались и помѣщались въ концентраціонные лагеря. Значительная часть ихъ въ ужасныхъ условіяхъ умерла отъ различныхъ болѣзней въ баракахъ въ Цигельсъ-Кошвелѣ. Люди,

*) Въ официальныхъ бумагахъ, по словамъ адмирала Нискина, его фамилія писалась *Cohan* (Коганъ).

оставшіеся въ тылу, по приказанію союзниковъ, были распылены⁽²²⁾.

Юденичъ былъ арестованъ Булакъ-Балаховичемъ, но освобожденъ Эстонскимъ правительствомъ, по настоянію французскаго представителя. Передавъ 250.000 фунтовъ ликвидационной комиссіи онъ покинулъ предѣлы Эстоніи.

Итакъ, русскіе добровольческіе отряды въ Прибалтикѣ не имѣли тѣни надежды на успѣхъ. Они оказали лишь услугу интересамъ Англіи и молодыхъ республикъ, очистивъ страну отъ большевиковъ, и этимъ участвовали въ расчлененіи Россіи. Послѣ этого они оказались элементомъ ненужнымъ и ихъ уничтожили на сѣверѣ съ помощью большевиковъ, на югѣ упрощеннымъ способомъ.

Добираясь до корня этого явленія, мы видимъ, что бѣлые были использованы Англіей и гр. ф.-д. Гольцемъ, въ борьбѣ этихъ соперниковъ за преобладаніе въ Прибалтикѣ.

Лидеръ національнаго центра въ Латвіи Бергъ въ помѣщенной 22 іюня 1929 г. передовицѣ «Латвіеца», направленной противъ Германіи, пишетъ, «что ф.-д. Гольцъ имѣлъ въ виду покончить съ большевиками, которые поддерживали деньгами и агитаціей германскихъ коммунистовъ, и такимъ путемъ задать германскую революцію. Послѣ этого онъ надѣялся добиться объединеннаго наступленія германскихъ и русскіихъ войскъ противъ союзниковъ. Рѣчь шла, какъ пишетъ самъ ф.-д. Гольцъ, «не о правительствѣ Нѣдры, не о 700 годахъ балтійской исторіи, а о германскомъ будущемъ на Востокѣ и о созданіи буржуазной Россіи, дружественной Германіи».

Національнымъ праздникомъ этихъ молодыхъ республикъ, сталъ день битвы подъ Венденомъ и день отступле-

(22) To his Excellency General Joudenitch

In conformation of our conversation of this afternoon an January 6-th the Kupreme council decided to allow Estonians a free hand as to the despersal of the Norts-West Army W. Wilson Lt. Colonel British Military Mission.

Reval 19. I. 1920.

нія Бермонта изъ-подъ Риги. О побѣдахъ надъ большевиками, въ которыхъ участвовали бѣныя силы, вспоминаютъ безъ благодарности. ⁽²³⁾.

Они стали ненужными и послѣдующія событія стерли воспоминанія объ ихъ заслугахъ. Въ миниатюрѣ повторился весь ходъ Великой войны. Бросается въ глаза, что эти новые цѣбуція республики географически обречены на ту-же участь, какой подверглись малые отряды, затертые между линіей враждующихъ.

Щербачевъ въ Парижѣ не могъ, конечно, предвидѣть всѣхъ обстоятельствъ столь сложной обстановки, но мы теперь убѣдились, какъ безонибочно онъ необыкновеннымъ чутьемъ опредѣлилъ самую сущность: успѣхъ только съ помощью Финляндіи.— а безъ ея содѣйствія необходимость скорѣйшаго увоза С.-В. арміи на югъ. Изъ приведенной выше докладной записки (стр. 122) мы видѣли, что Юденичъ еще 15 сентября твердо надѣялся, что Финлян-

⁽²³⁾ Въ газетѣ «СЕГОДНЯ» отъ 12 ноября 1929 г. напечатана статья «Какая-то отдѣльная русская рота». Школьный Департаментъ Латвіи выпустилъ и разослалъ по всѣмъ отдѣламъ министерства образованія особую брошюру, посвященную 16-тилѣтію независимости существованія Латвійской республики». . . Далѣе слѣдуетъ очеркъ вооруженной борьбы за освобожденіе Латвіи отъ германцевъ, бермонтовцевъ и большевиковъ. . . Что-же касается русскихъ, то о нихъ упоминается лишь какъ о бермонтовцахъ и коммунистахъ и только въ одномъ мѣстѣ на протяженіи всей брошюры, состоящей изъ 32-хъ страницъ, упоминается, что въ бою подъ Скрудной участвовала «какая-то русская рота». Что цѣлые отряды дрались плечо къ плечу съ латышами противъ общихъ враговъ и что этимъ русскимъ отрядамъ принадлежатъ не малая роль въ освободительной войнѣ, — объ этомъ нигдѣ не говорится, какъ не названы среди другихъ военачальниковъ виднѣйшіе организаторы русскихъ отрядовъ». . .

дія все-же будетъ привлечена къ участию. Онь еще тогда говорить: «при содѣйствіи Финляндіи операція увѣчается усгѣхомъ». Но Юденичъ былъ только стратегомъ и умнымъ человекомъ, а не профессиональнымъ дипломатомъ. Онь думалъ, что если на вѣсы будетъ положено, съ одной стороны—самоопредѣленіе кареловъ и вопросъ о Печенгѣ (о независимости Финляндіи нечего было говорить — она уже полтора года какъ была фактически-самостоятельна), а съ другой Петербургъ и освобожденіе Россіи отъ совѣтской власти, то перетянетъ послѣдняя чаша. Саоновъ же, положилъ на обратную чашу весь вѣсь воспоминаній о могучей политикѣ Александра III и вопросъ о карелахъ перетянулъ.

Когда въ сентябрѣ С.-З армія стала англичанамъ больше не нужна, она могла предоставить тоннажъ и отослать ее куда-нибудь подалеже. Вѣдь предложеніе Щербачева продолжало лежать въ англійскомъ военномъ министерствѣ и Саоновъ этому, при желаніи Англій, не могъ и не захотѣлъ бы помѣщать. То обстоятельство, что Англія этого не сдѣлала доказываетъ, что генераламъ Гофу и Мэрчу была предоставлена полная самостоятельность и свобода въ выборѣ средствъ, а они не подумали о томъ, что можно убрать ненужныхъ людей, безъ того, чтобы ихъ уничтожить. Впрочемъ Мэрчъ сказалъ одному шведу: «русскіе люди вообще нигуда негодные, но если ужъ выбирать между бѣлыми и красными, то ужъ, конечно, надо взять красныхъ». Ему и было поручено безконтрольно распорядиться бѣлыми.

Глава 8-ая.

Планы Щербачева организовать наступление противъ большевиковъ изъ Румыніи на Кіевъ-Москву и изъ Гельсингфорса, Ревеля, Риги — на Петербургъ-Москву потерѣли неудачу. При всей разницѣ этихъ предпріятій, они имѣли одну общую коренную основу — расчетъ на добровольную помощь союзниковъ.

Раньше, чѣмъ изложить послѣднюю и наипослѣднѣйшую попытку Щербачева уничтожить совѣтское правительство, приходится сдѣлать отступленіе, безъ котораго затруднительна полная и ясная оцѣнка предшествующаго и послѣдующаго дѣйствія.

Какія были основанія рассчитывать на вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Россіи?

I. Аргументъ о нравственной обязанности союзныхъ Франціи и Англіи, какъ было указано въ предшествовавшей главѣ, встрѣчалъ возраженіе, что этика государственная не совпадаетъ съ моралью частнаго человѣка. Это помѣчено съ поразительной ясностью Макиавелли, котораго бранять все.

Всякое правительство, поскольку его не толкають неразумныя страсти вышедшаго изъ-подъ его вліянія народа, руководствуется исключительно конечной выгодой своей страны. Дѣйствія, не соотвѣтствующія ей, а тѣмъ болѣе основанныя лишь на отвлеченномъ благородствѣ, или благодарности, ставятся ему въ вину.

Уже было указано, насколько было выгодно для Англии вывести Россію въ расходъ до окончанія войны. Французскій посоль въ Россіи Нюлансъ констатируетъ въ своей книгѣ, «что англійское правительство считало поддержку большевиковъ выгодной, видя въ нихъ побѣдѣ ослабленіе Россіи, какъ политической соперницы, и крушеніе ея имперіализма. Оно полагало, что по крайней мѣрѣ на полвѣка будетъ имѣть свободныя руки на Ближнемъ Востокѣ и въ Азіи».

Французское общественное мнѣніе заставляло французское правительство съ радостью встрѣтить переворотъ въ Россіи, быстро разрушившій коалицію. Тутъ не было расчета, а играла роль воля массы, ненавидящей манархическій режимъ. Съ мгновенія, когда большевики стали у власти, до перемирія 9 ноября 1918 года холодный расчетъ, несмотря на Брестъ-Литовскій миръ, не допускалъ дѣйствій Франціи противъ совѣтскаго правительства. Вѣдь, если большевики въ этотъ періодъ подверглись бы нападенію, то они перешли бы на сторону Германіи и масса нѣмецкихъ войскъ, застрявшихъ въ Россіи, стала бы свободной. Союзники центральныхъ державъ точно знали, что Троцкій мечтаетъ о реваншѣ, когда 19 февраля 1918 г. нѣмцы возобновили наступленіе и несмотря на договоры отъ 4 марта сохранили за собой право дойти до линіи Псковъ-Рогачевъ. Англія въ этотъ періодъ держала въ Москвѣ миссію Локарта, Франція миссію генерала Лаверна, Италія генерала Ромей, Америка маіора Риггса.⁶⁾, а Германія въ Москву выслала гр. Мирба-

*) Послы удалились въ Вологду.

да. Локкартъ сообщаетъ намъ: «Никогда большевики не были такъ готовы пойти на соглашеніе съ союзниками, какъ въ мартѣ 1918 года. Они спасались новымъ нападеніемъ иѣмцевъ и еще мале вѣрили въ собственное будущее. Они привѣтствовали бы участіе союзныхъ офицеровъ въ обученіи новой арміи, которую тогда началъ создавать Троцкій. Капризъ военнаго случая далъ намъ тогда возможность представить въ распоряженіе большевизкаго верховнаго командованія самыхъ подходящихъ для этой цѣли офицеровъ. Въ Москву прибыла какъ разъ изъ Румыніи большая французская военная делегация съ генераломъ Бертело во главѣ. Такъ какъ мы предпочли-бы, чтобы инструкторами красной арміи явились не германскіе, а союзные офицеры, мы предложили Троцкому взять Бертело на службу. Красный вождь, который доказалъ уже намъ свою добрую волю тѣмъ, что назначилъ консультационный совѣтъ изъ союзныхъ офицеровъ, изъявилъ безъ всякихъ околичностей свое согласіе. Въ ближайшемъ засѣданіи консультационнаго совѣта, на которомъ, принимали участіе Ромей, Лавернь, Риггсъ и Гарстингъ, Троцкій официально поставилъ соответственнае предложеніе на обсужденіе. Лавернь согласился и казалось, что назначеніе Бертело обеспечено. Мы думали, что добились тактической выгоды. Но черезъ два дня весь этотъ планъ рухнулъ. Въмѣшался Пюлансъ и отчиталъ Лаверна за то, что тотъ превысилъ свои полномочія. Бертело и его штабъ должны были немедленно вернуться во Францію.»

Мы тутъ находимъ объясненіе, отчего Бертело, будучи прямымъ и честнымъ человѣкомъ, не могъ

имѣть личныя особенно враждебныхъ чувствъ къ большевикамъ и почему онъ не имѣлъ основаній черезъ полгода послѣ этого, 15 ноября того же 1918 г., по своей инициативѣ двинуть для уничтоженія совѣтскаго правительства 5 корпусовъ на Кіевъ-Харьковъ и Москву. Вотъ почему онъ предварительно запросилъ Парижъ.

Союзныя миссіи всѣми средствами старались, напротивъ, привлечь большевиковъ на свою сторону, а русская буржуазія стала логически врагомъ союзниковъ (см. стр. 62).

Такое положеніе объясняетъ рядъ оригинальныхъ фактовъ: Алексѣевъ въ концѣ января 1918 г. обратился къ начальнику французской миссіи въ Кіевъ съ просьбой выдвинуть хотябы одну дивизию чехословаковъ съ артиллеріей въ районъ Екатеринославъ-Александровскъ - Синельниково, французы, отъ которыхъ чешскій и польскій корпуса получали содержаніе, отказали въ просьбѣ. Послѣ этого польскій корпусъ Довборъ-Мустницкаго призналъ Варшавское правительство и сталъ дѣйствовать противъ большевиковъ съ нѣмцами, а чехи вступили въ бой съ большевиками противъ нѣмцевъ и поляковъ! и украинцевъ!..

21-го февраля 1918 г. Нюлансъ обратился къ Троцкому съ предложеніемъ финансовой и технической помощи, (См. Рус. Смута т. II).

Только съ 9 ноября 1918 г., съ ликвидаціей германской опасности, наступилъ для Франціи періодъ, когда серьезно возникъ вопросъ, слѣдовало ли ей возстановить мощную буржуазную Россію, какъ союзницу.

Начались колебанія у всѣхъ союзниковъ, кромѣ Англій. Посоль Юлансъ высказываетъ убѣжденіе, «что въ этотъ періодъ совѣтская власть была спасена президентомъ Вильсономъ. Остановивъ японцевъ въ Харбинѣ (24), отказавшись придти на помощь чехословакамъ (25), когда они были въ Казани и Екатеринбургѣ, президентъ обезпечилъ жизнь ре-

(24) Союзники обѣщались выставить стотысячную армію на восточномъ (сибирскомъ) фронтѣ адм. Колчака противъ большевиковъ и поддержать чехословацкія части, возставшія противъ большевиковъ и захватившія желѣзную дорогу отъ Урала до Владивостока. Эти чешскія части, стянутыя обратно къ Уралу, вмѣстѣ съ добровольческими отрядами, Уральскими и Оренбургскими казаками, а впоследствии — набранною мобилизаціи (августъ 1918 г.) арміей доходили при наступленіи до Волги: 22/IX 1918 была взята Казань. (тамъ Капшоль и Шевць забрали Рос. казну), 25/IX — Симбирскъ. 22/X — Самара. Въ ноябрѣ распропагандированные чехи окончательныя бросили фронтъ. Армія Колчака отступила, но потомъ вновь перешла въ наступленіе и 3/III 1919 взяла Уфу и дошла до линіи 80 верстъ къ востоку отъ Казани, 100 верстъ отъ Симбирска, 60 верстъ отъ Самары, 30 верстъ отъ Оренбурга. Послеъ этого началось отступленіе. Главнымъ виновникомъ считается «генераль» Гайда на крайнемъ сѣверномъ флангѣ, не исполнившій директивы. Послеъ пораженія 4/V у Бугуруслана фронтъ потерялъ устойчивость. Въ октябрѣ 1919 г. онъ сталъ стремительно отступать на востокъ.

Вмѣсто обѣщанной поддержки союзниковъ, одна дивизія японцевъ заняла въ глубокое тылу Владивостокъ, Харбинъ и стала вдоль Забайкальской ж.-д. до Читы; мелкія американскія части охраняли ж.-д. Иркутскъ-Верхнеудинскъ и Уссурийскую ж.-д.: одинъ англійскій батальонъ размѣстился въ Омскѣ, гдѣ проживалъ сэръ Эллиотъ. На фронтъ не было дано ни одного солдата. 18/X союзники рѣшили снять чеховъ и поляковъ съ ж.-д. 7/II 1920 г. адм. Колчакъ, преданный всѣми, былъ разстрѣлянъ.

(25) Въ концѣ января 1918 г. Чехословацкій корпусъ въ

жизни. Большевики сами были убеждены, что русский коммунистический опыт приходит к концу».

Мы можем установить с полной достоверностью, что Францией в начале было твердо решено сохранить единство России, в которой она видела в будущем могучую союзницу против Германии. Это последнее соображение руководило всеми решениями Франции и определяло ее колебания между белыми и большевиками.

Итак, реальная политика сначала диктовала Франции сохранение «Единой Неделимой», а Англии — наоборот. Мы ясно понимаем теперь, отчего Франция признала Украину (18/XII 1918 г.), раньше Англии, (начало 1919 г.), а Англия Финляндию (5/V 1919 г.), раньше Франции. Украина на первых порах казалась способною продолжать войну против немцев. С Финляндии началось распадение «Единой». Точка зрения Англии одержала верх, так как события ей помогли. Мы таким образом выяснили вынужденную последовательность решений союзников в отношении благо движения до начала отъезда оккупантов.

Это и смягчает силу дѣлаемых союзникам упрековъ.

II. Вопросъ о «Единой Неделимой» дѣлается въ 1919 г. для Франціи спорнымъ. Молодые государства становятся естественными союзниками Франціи

50.000 ч. былъ расположенъ въ районахъ Полоннаго и Ромоданъ. Волынской и Подольской губ. По оригинальной мысли Нюланса, этотъ корпусъ послѣ Брестъ-Литовскаго мира долженъ былъ пойти на Владивостокъ!!! откуда быть перебросенъ на фронтъ союзниковъ!

противъ нѣмцевъ. Но бѣлые верхи продолжали стоять на непримиримой позиціи въ отношеніи димитрофовъ даже послѣ признанія ихъ независимости великими державами. Грозящая этимъ государствамъ опасность со стороны сговорчивыхъ большевиковъ казалась менѣе реальной, чѣмъ со стороны категорическихъ вождей бѣлыхъ. Чувствуя поддержку союзниковъ и узнавъ объ обмѣнѣ мнѣній между адм. Колчакомъ и верховнымъ Совѣтомъ союзниковъ, въ которомъ неизмѣнно на первомъ мѣстѣ стоялъ принципъ «Единой Недѣлимой», представители Эстоніи, Латвіи, Литвы, Украины, Кубани, Грузіи и народовъ Сѣв. Кавказа заявили союзникамъ, что они никакого отношенія къ Колчаку и Деникину не имѣютъ. (Оч. Рус. См., т. V).

Вылетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ можно было вновь собрать развѣ только на сговородѣ.

Франціи приходилось выбирать между новообразованіями, въ томъ числѣ — признанными ею Польшей и Финляндіей и бѣлымъ движеніемъ.

Возникаетъ вопросъ, что было рациональнѣе для бѣлыхъ вождей: бороться ли открыто противъ большевиковъ и тайно прстивъ всѣхъ окранный и переходившихъ на ихъ сторону симпатіи не только союзникъ въ, но и мірового общественнаго мнѣнія, — или же, напротивъ, отрывать при общемъ сочувствіи одну за другой области отъ центра, т.-е., отъ большевиковъ? Не было ли рациональнѣе поддерживать англичанъ въ Закавказьѣ, адм. Кована — при образованіи самостоятельной Ингермашляндіи, ген. Айронсайда — въ восточной Карелии и проч.? По этой системѣ можно было перейти на чудь, мордву и че-

ремиссѣ. вспомнить сбѣ аваряхъ, хозарахъ, печенѣгахъ, скифахъ и, цитируя, какъ это и дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ. Тацита и другихъ ископанныхъ, дойти до сыновей Ноя и ихъ допотопныхъ суверенныхъ царствъ и довести дѣло до распаденія послѣдняго большевика и его фамиліи на составныя части. Въдѣ совѣтская власть съ успѣхомъ для себя раздѣлила русскаго крестьянина на три части и, поднявъ его среднюю часть на верхъ, показала ошеломленному міру дѣйствительность старой голдой истины: *divide et impera*. За нее съ другого конца могли ухватиться и бѣлые вожди, причемъ умиленныя Европа и Америка и вся младшая братія поддерживали бы бѣлыхъ до полнаго успѣха. Изъ размельченнаго до послѣдняго предѣла соціального строя большевики слѣпили массу со значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ на Женевскихъ вѣсахъ. При такомъ же анализѣ бѣлые, можетъ-быть, могли бы въ націоналистической и шовинистической кашѣ растворить всѣхъ представителей раздѣдающихъ бѣлое движеніе партій. Синтезъ былъ бы не труденъ: моральное отождествленіе большевика и русскаго — мысль тогда свѣжая и ясная для окраинъ — быстро потеряла бы смыслъ, а реальная необходимость вновь образовать нѣчто способное существовать заставила бы снова соединиться всему тому, что раньше распалось. Во время бала-маскарада во дворцѣ передъ Императоромъ Николаемъ I дефилировали въ національныхъ костюмахъ представители всѣхъ бесчисленныхъ населяющихъ Имперію народовъ. Стоявшій рядомъ французскій посоль въ изумленіи спросилъ «гдѣ же тутъ Россія?» На это Николай I

отвѣтилъ: «Россія — это я, а это—мои подданные».

Не пораженъ-ли слѣпотой тотъ, кто не видитъ, что именно такое положеніе было наилучшимъ для внутренней спайки и великодержавія Россіи. Дальнѣйшій ходъ исторіи свидѣтельствуетъ, что и послѣднее равносильное измѣненіе отношенія власти къ населенію Россію народностямъ, и революція внесла перемѣны стиподъ не къ лучшему.

Изъ статьи въ «Послѣднихъ Новостяхъ» отъ 13 февраля 1935 г. мы узнаемъ, что знатокъ международныхъ вопросовъ Рене Пиновъ, дѣлая 11 того же февраля докладъ въ Парижѣ, далъ картину національной структуры СССР. «Съ военной и русской революціей — сказалъ онъ между прочимъ — рушилась одна изъ величайшихъ иллюзій Запада: национальная и единая Россія». Онъ призываетъ «слѣдить за пренсходящимъ въ СССР процессомъ национальной дифференціаціи, помня основное правило реальной политики». Ученые такимъ образомъ уже теперь оцѣниваютъ единственный ясный лозунгъ бѣлаго движенія, какъ «величайшую иллюзію». Какъ же они назовутъ со временемъ прочіе лозунги, понятные только десятку идеалистовъ-организаторовъ.

Пусть всякій отнесется къ этимъ вопросамъ по своему. Мы тутъ отмѣтимъ лишь, что вопросъ рѣшался не Франціей, а бѣлыми.

Бѣлые вожди дали рѣзкій отрицательный отвѣтъ. Франція, получивъ его, отказалась отъ содѣйствія и перенесла его на враждебные бѣлымъ лимитрофы.

Въ отличіе отъ прочихъ бывшихъ союзниковъ.

Англія, въ силу уже часто упоминавшихся причинъ, не могла и не хотѣла отнестись къ событіямъ пассивно. Вопросъ о необходимости созданія возможно большаго числа отдѣльныхъ суверенныхъ народовъ на территоріи бывшей Россіи былъ ею рѣшенъ давно. Ллойдъ Джорджъ, въ рѣчи, сказанной 30 ноября 1919 года въ парламентъ, недвусмысленно заявилъ, что для отдѣльныхъ народностей Россіи и для Великобританскаго правительства лозунги Колчака и Деникина о «Единой Недѣлимой» не приѣмлемы.

Интересъ Англіи, естественно, сосредоточился на отторженіи тѣхъ областей, которыя граничили въ Азіи со странами, находившимися подъ ея вліяніемъ (Туркестанъ, Забайкальская Область, Азербейджанъ, Армения, Грузія), а также европейскихъ прибрежныхъ областей (Прибалтики, Мурманъ и Архангельска). Тутъ всякая попытка бѣлыхъ проявить свои дѣйствія встрѣчаетъ немедленный и рѣшительный отпоръ. 18 февраля 1919 г. англійскіе представители при Ставкѣ заявили Деникину, что получили указаніе отъ военнаго министерства предложить ему немедленно прекратить операцію противъ Сочи—не то прекращеніе всякой помощи; 22 апрѣля лордъ Мильль, англійскій главнокомандующій, заставляетъ Деникина окончательно отказаться отъ движенія на Грузію и отойти, причемъ на пути выставляется англійскій заслонъ-застава; совершенно то же мы видимъ въ направленіи на Азербейджанъ, относительно котораго ген. Корпъ сообщаетъ Деникину, что дальнѣйшее движеніе вызоветъ немедленный отказъ Англіи въ помощи; ген.

Докеръ и Бичъ требуютъ отъ Арменіи прекращенія руссофильской политики и даютъ ей надежду на образованіе Великой Арменіи съ выходомъ къ морю: въ Туркестанѣ ген. Маллесонъ поддерживаетъ самостоятельныя устремленія туркменскихъ и юмудскихъ племенъ и заключилъ 1 сентября 1918 г. договоръ «съ Забайкальскимъ правительствомъ». Только на далекомъ сѣверѣ къ общимъ причинамъ прихода англичанъ присоединилась другая: совмѣстное дѣйствіе Финляндіи съ нѣмцами въ 1918 г. угрожали Мурманской ж.-д. Тутъ англичане, не задумываясь, поддерживаютъ отряды отступающихъ передъ финнами красногвардейцевъ.

Если всеъ перечисленные выше области не стали въ результатъ самостоятельными, то въ этомъ меньше всего виновно Англійское правительство: міровая конкуренція и рабочая партія заставили его бросить эти лимитрофы.

При первомъ взглядѣ на карту видно, что наиболѣе важнымъ и близкимъ объектомъ было для Англии Балтійское море. Собразно съ этимъ объясняются всеъ ея дѣйствія въ отношеніи къ бѣлому движенію. У англичанъ для осуществленія своихъ цѣлей въ Прибалтикѣ, было два способа дѣйствій: 1) занятіе линіи Нарва-Псковъ-Двинскъ значительными силами, которыя можно было создать только при участіи англійскихъ флота и армій, безъ участія прочихъ союзниковъ, или 2) отвлеченіе большевиковъ въ противоположныхъ направленіяхъ большой операціей съ юга, востока и сѣвера. Подъ дѣйстви-

тельной угрозой, совѣтская власть должна была бы войти въ мирное соглашеніе съ находящимися у нея въ тылу балтійскими новообразованіями. Если когда-либо были колебанія въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, то только въ выборѣ того или другого изъ указанныхъ образа дѣйствій.

Событія подсказали отвѣтъ. Закончивъ 2-й Кубанскій походъ, Деникинъ обрушился на большевиковъ съ юга, Колчакъ продолжалъ приковывать большія силы съ востока, оставалась угроза со стороны Архангельска.

Англійская агентура установила, что совѣтская власть оголила для противодѣйствія въ этихъ направленіяхъ свой западный фронтъ. Англии оставалось лишь поддерживать такое положеніе посылкой боевого матеріала Деникину. Только такъ можно объяснить нижеслѣдующія цифры, которыя говорятъ убѣдительно всеякихъ доказательствъ: «далекій» Деникинъ получаетъ отъ Англии съ марта до сентября 1919 г. 558 орудій, 12 танковъ, 1.685.522 снаряда, 160.000.000 патроновъ, а «близкій» Юденичъ въ это время располагаетъ: орудіями 18-фунт. англійскими — 16, 45-лин. англ. гаубицами — 8, снарядами къ первымъ — 32.000, къ вторымъ — 17.000, ружейными патронами 21.000.000.

При отвлеченіи силъ противника демонстраціей, какъ извѣстно, успѣхъ возможенъ только, когда исполнители маневра твердо увѣрены, что задача ихъ важнѣйшая, т.-е. когда они сами вѣрятъ въ нее. Этимъ объясняется, что все представители Англии при добровольческой арміи были убѣжденными по-

боринками ея интересовъ. Они настолько увлекались идеей, глубокой смѣль которой имъ было закрытъ, что переходили границу интересовъ Англіи. Ихъ приходилось убрать изъ-за ихъ увлеченія. Такъ ушли генералы Пуль, Бриггсъ и Хольманъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, имѣя полную освѣдомленность о сущности дѣла, информировала о ней лишь своихъ служащихъ. Вотъ почему случилось поразившее Деникина явленіе, что военный представитель полк. Кизъ съ одного дня на другой радикально измѣнилъ свое поведеніе, переходя въ министерствъ иностранныхъ дѣлъ Керзона.

Что же изъ всего этого слѣдуетъ?

Франція поддержала расчлененіе Россіи въ интересахъ спора противъ Германіи: Англія поддержала это расчлененіе съ цѣлью окончить съ «ледникомъ»: всѣ прочія націи высказались за расчлененіе во имя принципа національныхъ свободъ.

Могутъ ли бѣлые упрекать весь міръ и бывшихъ союзниковъ въ несправедливости, когда отъ нихъ самихъ зависѣло рѣшеніе вопроса: привлечь ли эти неисчисленныя силы на свою сторону, хотя бы для виду и временно, или вести войну одновременно противъ нихъ и противъ большевиковъ?

III. А благодарность? Въ связи съ расчетомъ трудно говорить о ней: нельзя упомянуть о хрупкой русалкѣ въ присутствіи одноглазаго великана Полифема: не возбудитъ ли это въ немъ желаніе использовать и ее?

Вопросъ осложнялся другимъ: кого же союзникамъ надлежало считать Россіей? — Монархисты утверждали, что дѣйствительныя виновныя въ уничто-

женіи боевой силы и помощи союзникамъ, — не ихъ же за это благодарить? Лѣвые со своей стороны клялись, что они остались вѣрны союзникамъ, а что правые подготовляли въ теченіе 300 лѣтъ наступившій большевизмъ. Обѣ партіи нападали другъ на друга печатными и непечатными словами на глазахъ тѣхъ, у кого просили одновременно помощи. Если фактически вся услуга была оказана въ царскіи періодъ войны, то все симпатіи французскаго народа были на сторонѣ лѣвыхъ. Монархисты не имѣли шансовъ на поддержку общественнаго мнѣнія во Франціи, съ этимъ правительству приходилось считаться. Въ сущности оставалось выбирать между режимомъ Керенскаго и диктатурой Ленина. Между тѣмъ Керенскій Миноръ и другіе обратились съ манифестомъ къ демократическимъ правительствамъ запада, приглашая ихъ не поддерживать арміи Колчака и Деникина (Оч. Рус. Смуты т. IV, стр. 240).

IV. Перейдя отъ поступковъ народовъ и ихъ правительствъ къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ людей, мы должны вспомнить, что все этическое вопросы мѣняются, какъ только человекъ перестаетъ дѣйствовать отъ своего лица, а является орудіемъ государственной власти. Такъ убійство на войнѣ, иногда и въ другихъ случаяхъ, вѣроломство и проч., переименовывается въ храбрость, справедливость, правосудіе, исполненіе священнаго долга и проч. добродѣтели. Вина снимается съ обязанныхъ совершать такія дѣйствія⁽²⁵⁾. Лордъ Кромеръ въ своей книгѣ

(25) Политическія преступленія возникаютъ изъ-за того, что члены отдѣльной партіи приписываютъ ей право на этику государственную. Это обстоятельство интересно при сопоставленіи личности, партіи и государства.

«Е г и п е т ь» говорить: «необходимо приноравливаться къ обстоятельствамъ и пытаться извлекать выгоду даже изъ того, что намъ вовсе не по душѣ». Вотъ мысли идеальнаго исполнителя. Дѣйствія Бюкенена въ Россіи не могутъ ему быть поставлены въ личный упрекъ, и это относится къ поступкамъ цѣлаго ряда упомянутыхъ лицъ. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда исполнитель проявляетъ излишнюю жестокость и этимъ вредитъ репутаціи своей Родины, его можно осуждать. Поэтому цѣль этой главы не состоитъ въ оправданіи личныхъ дѣйствій англійскихъ начальниковъ въ Эстоніи или поведенія исполнителей въ Одессѣ и Севастополѣ. Они оставляютъ неизгладимый слѣдъ въ народной памяти, какъ не забудутъ и ген. Гудзонъ-Лоо на Св. Еленѣ 1821 г. Распространять за нихъ упреки на правительства, а тѣмъ болѣе на народы—нелогично. Одинъ человекъ не отвѣчаетъ за поступки другого той-же національности. Русскій имѣетъ право возмущаться, если его отождествляютъ съ Горгуловымъ. Столь же неосновательно дѣлать англичанина и француза, какъ такового, отвѣтственнымъ за Ревель, Одессу и Севастополь.

Для поясненія нѣкоторыхъ поступковъ слѣдуетъ упомянуть еще и слѣдующую обще-человѣческую черту. Русскій, французъ, англичанинъ и всякій другой съ сарказмомъ говоритъ, что стоитъ обратиться тремъ его соотечественникамъ, чтобы было 4 мнѣнія, считая это горькой правдой въ отношеніи своей родины. Фактически это всюду одинаково, лишь проявленіе разногласія выражается разное: у однихъ — ломаніемъ стульевъ, у другихъ—заказомъ слѣдую-

еще́й очереди кружекъ шива для новаго спора. Во всемъ мірѣ происходятъ постоянно ожесточенныя разногласія, не только между частными лицами, но и въ государственныхъ учрежденіяхъ и между различными вѣдомствами и учрежденіями. Англія можетъ претендовать на одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи. Намъ интересуеть 1918 и 1919 г.г. Въ отношеніи Россіи методы ея ослабленія оцѣнивались разнo въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которое опредѣленно желало сближенія съ большевиками, и въ англійскомъ военномъ министерствѣ, которое въ первый періодъ съ этой же цѣлью стояло за политику интервенціи. Это обстоятельство отнимаетъ силу упрековъ, дѣлаемыхъ полк. Спирсу и Черчиллю. Въ искренности перваго не приходится сомнѣваться. Черчилль дѣйствовалъ подъ психозомъ страха возможнаго союза Россіи съ Германіей, считая его величайшей опасностью для Англіи. Это мнѣніе побуждало его поддерживать англо-русскую дружбу, какъ противовѣсъ. Объ англійскомъ послѣ въ Парижѣ лордѣ Дерби мы предоставляемъ судить болѣе свѣдующимъ.

Путать вышеизложенныя понятія частному лицу не слѣдуетъ: но горе тому отвѣтственному передъ своею Родиной дѣятелю, который примѣнитъ личныя чувства любви, чести и добродѣтели къ государственнымъ вопросамъ: Безжалостный судъ исторіи переименуетъ добродѣтели въ недалновидность, слабость и другіе пороки. Локкартъ говоритъ про императора Николая II: «своимъ союзникамъ онъ остался вѣренъ до конца; но онъ потерялъ свой тронъ и погубилъ свою страну...» А про своего

друга Керенскаго, которому онъ спасъ въ Москвѣ жизнь, онъ пишетъ: «Въ юль 1931 г. я какъ-то сидѣлъ съ нимъ въ лондонскомъ Карлтонъ отелѣ. Къ намъ присоединился лордъ Бивербрукъ и съ присутимъ ему ко всему интересомъ засыпалъ Керенскаго вопросами: «справились ли бы вы съ большевиками, если-бъ вы заключили миръ?» «Самъ собой разумѣется и сидѣли бы по сегодняшній день въ Москвѣ.» «Почему же вы не заключили мира?» «Потому, что мы были наивны». Наивность, — что еще можно сказать о Керенскомъ!»

Подчеркивающій благородство Великаго князя Николая Николаевича ген. Шерффисъ (*la guerre de Délivrance* p. 172) пишетъ: „Il les a conçus (ses operations) comme une intervention de secours, de diversion et de soulagement pour le front français. Il a été au tant que généralissime, plus allié que Russe. Il a sacrifié les intérêts de la Russie a ceux de la France. Il a eu une stratégie véritablement antinationale“.

Жаль, что этотъ писатель, столь искренно признающій заслуги, оказанныя союзниками, не высказался и объ Императорѣ, и министрѣ иностранныхъ дѣлъ, о послѣ и другихъ. Будущій историкъ вѣрнѣе оцѣнитъ бы сущность.

Макиавелли говоритъ: Dans les actions de tous les hommes et surtout des princes contre lesquels il n'y a point de juges à réclamer, on ne regarde qu' a l' issue qu' elles ont. („Le prince“ Nicolas Machiavel).

Таковъ ужъ суровый законъ жизни, и ополчаться противъ кажущейся намъ страшной несправедливости, какъ противъ смерти и прочихъ постановле-

ній высшего разума, бесполезно. Надежда своей личной волей изменить применение этих законовъ въ свою пользу или въ пользу своей родины имѣть мало шансовъ на успѣхъ. Вѣрующіе предлагаютъ молитву. Къ счастью, молитвы не всѣ исполняются, — иначе какой былъ бы хаосъ! Не только солнцу Иисуса Навина пришлось бы остановиться надъ Гаваономъ!

V. Личная дружба Щербачева съ маршаломъ Фошемъ не помогла повернуть ходъ исторіи. Изъ другого лагеря ушедшихъ изъ Россіи были также сдѣланы попытки повліять въ пользу своихъ плановъ, на базѣ личныхъ отношеній. Во время одного изъ визитовъ генерала Бертело у Клемансо послѣдній объявилъ ему: „*Vous allez tout à l'heure voir cette sale gueule de Kerensky*”. (Записки ген. Геруа стр. 19). Несмотря на соотвѣтствующій дружескій пріемъ, Керенскому не удалось добиться возвращенія въ Зимній дворецъ. Многообѣщающія слова Клемансо остались сказаны лишь Бертело, а не Россіи.

А чего добивался и чего добился Савинковъ?

При создавшейся обстановкѣ, правительства, отвѣтственныя передъ своей страной, не могли поступать иначе. Понятіе объ обязательной благодарности уже сложно, когда рѣчь идетъ о государствахъ между собой: оно становится запутаннымъ при предъявленіи своихъ правъ на этотъ невѣсомый кладъ наслѣдниками законными, незаконными, любовницами и прохожими молодцами, — всѣми со своими адвокатами. Иначе обстоитъ вопросъ о личныхъ правахъ участниковъ войны — они служили союзникамъ на обидныхъ основаніяхъ и непонятно,

какъ эти права остались неуваженными: по это частный вопросъ, не входящій въ настоящую работу.

Остается нравственный вопросъ: допустимо-ли съ человѣческой и высшей точки зрѣнія, чтобы невинный страдалъ за грѣхи другихъ? Отвѣтъ всякій христіанинъ найдетъ въ своей религіи, которая вся основана на признаніи этого именно принципа божественнымъ. Наши безсмертныя души собираются, вѣдь, на немъ отыгаться.

Все вышензложенное въ достаточной мѣрѣ доказываетъ, что упреки Зарубежной Россіи по адресу союзниковъ основаны на недооцѣнкѣ разницы между этикой частнаго лица и таковой-же государства.

ГЛАВА 9-ая.

Когда Польша была разбита большевиками и польскія войска отхлынули назадъ, маршалъ Фошъ пригласилъ къ себѣ Щербачева и поручилъ ему передать Врангелю категорическое требованіе верховнаго союзнаго командованія немедленно начать энергичное наступленіе, чтобы спасти Польшу, обративъ его вниманіе на то, что промедленіе выполненія этого приказанія вызоветъ полное прекращеніе всякой поддержки бѣлыхъ арміи со стороны союзниковъ.

Положеніе Франціи было трудное. Что она могла сдѣлать для новой союзницы Польши? Никто во Франціи не хотѣлъ воевать, тѣмъ болѣе для другихъ. Между тѣмъ съ паденіемъ Польши Франція должна была потерять плоды міровой войны. Если Франція

все же рѣшились бы выставить армію въ Польшу, то возникали самыя опасныя и сложныя вопросы: Какъ перевести армію черезъ Германію? Какъ обезпечить громадную коммуникаціонную линію черезъ дышащую ненавистью чужую страну? Сколько выставить войскъ при фронтѣ, почти равномъ восточному германскому во время міровой войны? Среди сложнѣйшихъ вопросовъ, возникалъ еще и слѣдующій: гдѣ-же остановиться, когда большевики начнутъ отступление? Нельзя было формировать большую армію и ее потомъ расформировать съ тѣмъ, чтобы послѣ ея ухода большевики повторили нападеніе. Всѣ эти соображенія приводили къ заключенію о необходимости нанести полнаго и окончательнаго пораженіе Совѣтамъ. Въ противномъ случаѣ не имѣло смысла начинать обширную операцію. Это повлекло бы за собой необходимость новыхъ переговоровъ съ Германіей, которая воспользовалась бы благопріятной обстановкой для пересмотра Версальскаго договора, отъ котораго могло ничего не остаться.

Армія Врангеля пріобрѣтала новое неожиданное значеніе для союзниковъ. Изъ орудія одной изъ враждовавшихъ между собой группировокъ чуждой страны она стала для Франціи единственнымъ удобнымъ средствомъ спасенія Польши при создавшемся тогда положеніи. Цѣнность арміи Врангеля возрастала съ каждымъ днемъ по мѣрѣ отступленія поляковъ. Чѣмъ дольше ея помощь заставляла-бы себя ждать, тѣмъ больше возрасталъ ея вѣсъ. Если-же она вовсе не выступила-бы и осталась-бы на мѣстѣ, то союзники, а въ частности Франція должны были бы преодолѣть всѣ трудности, и будь то съ привле-

ченіємъ Германіи и пронстекающими отъ этого слѣдствіями, или безъ нея, выставить большую армію и уничтожить большевиковъ. Но и послѣ этого, значеніе бѣлыхъ армій, если-бы онѣ не исполнили указаннаго требованія, продолжало-бы возрастать непрерывно, т.-е., даже свергнувъ большевиковъ, союзники не могли-бы бесконечно держать въ Россіи оккупационную армію, какъ по матеріальнымъ соображеніямъ, такъ и изъ-за давленія прогрессивныхъ элементовъ у себя дома, наконецъ и изъ страха заразить войска коммунистическими идеями. Смѣнить чужеземную армію могло только организованное войско, т.-е. только армія Врангеля. Допуская совершенно неправдоподобное предположеніе, чтобы Франція бросила Польшу на произволь судьбы, положеніе Врангеля отъ этого лишь бы выиграло: дойдя на плечахъ отступающихъ въ безпорядкѣ поляковъ до германскѣй границы, красная армія вышла-бы скопчательно изъ рукъ начальниковъ и занялась-бы грабежомъ. Извлечь ее изъ Польши могло-бы только общее отступленіе большевиковъ: опасность для Врангеля такая армія уже не могла бы представлять. Но гораздо важнѣе то, что при непосредственномъ соприкосновеніи Свв. Россіи съ Германіей создавалось положеніе, котораго Франція ни при какихъ обстоятельствахъ не могла допустить. — она оказалась-бы еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ списываемое нами мгновеніе. Необходимости сформированія армій она не избѣжала бы и тогда.

Отвѣтъ Щербачева Маршалу Фошу, въ точности не извѣстенъ. Но отиравая приказаніе союз-

никовъ Врангелю, онъ отъ себя добавилъ, что считаетъ вышесказанное его противорѣчающимъ русскимъ интересамъ, предлагая воздержаться отъ всякихъ активныхъ дѣйствій. Мы уже раньше разбирали шансы на успѣхъ прежнихъ плановъ, взвѣсивая вѣроятность удачи. При данной обстановкѣ предложенный Щербачевымъ способъ полнаго бездѣйствія привелъ бы къ неизбежному паденію большевиковъ. Спасти ихъ при точномъ исполненіи этого плана ничто не могло. Прибавимъ, что одіумъ содѣйствія иностранцевъ для реставраціи отпадалъ, такъ, какъ союзники выступили за Польшу безъ помощи или поддержки бѣлыхъ.

Рѣшившись на такой шагъ, Щербачевъ перешелъ отъ этики личной къ этикѣ государственной. Его чувства, какъ къ союзникамъ, такъ и къ другу маршалу Фошу отошли на второй планъ. Онъ самъ сознательно шелъ на спалъ. Это было рѣшеніе государственнаго человѣка: Теперь просить о помощи уже не приходилось. Бѣлые стали хозяевами положенія. Ничего не дѣлая, отказываясь отъ исполненія сперва приказаній, потомъ отъ уступокъ подъ угрозами и, наконецъ, отварачиваясь отъ просьбы о помощи, они могли, какъ побѣдители, ставить условия, торговаться и добиться въ результатѣ даже перекройки карты въ свою пользу.

Врангель былъ импульсивный человѣкъ. Въ немъ кибла жизнь. Его энергія толкала на дѣйствія. Подсизживать счастье было не въ его натурѣ. Онъ не принялъ совѣта Щербачева. Своимъ наступленіемъ онъ въ стократъ вернулъ всѣ расходы союзниковъ на бѣлое движеніе и спасъ Польшу.

щу, не оказавшую содѣйствія Деникиншу въ самый критическій періодъ конца 1919 г.

Польша не замедлила заключить съ большевиками Рижскій миръ.

Предоставленный самому себѣ, брошенный союзниками за дальнѣйшей ненадобностью, Врангель погибъ, а вмѣстѣ съ нимъ и бѣлое движеніе.

Случилось то же, что и съ С.-З. Арміей: будучи использована посторонними, добровольческая армія содѣйствовала укрытію удобнаго для Европы статусъ-кво.

Послѣдній финальный эпизодъ заставляеть насъ вспомнить стихи Шекспира въ драмѣ «Юлій Цезарь»:

There is a tide in the affairs of men
Which taken at the flood leads on to fortune
Omittet all the voyage of the life
Is bound in shalldows and in miseries
On such a full sea are we now afloat
And we must take the current when it serves
Or lose our ventures.

Если въ приведенномъ выше прогнозѣ были ошибки, то лишь въ вопросѣ о личной опалѣ Щербачева. Весьма возможно, что онъ, напротивъ, заслужилъ бы въ результатѣ лишь благодарность со стороны союзниковъ. Въ своей книгѣ «Клемансо на закатѣ своей жизни», ген. Мордактъ, бывшій начальникъ военнаго кабинета Клемансо, приводитъ слѣдующія слова «Тигра» по поводу рижскаго договора: «Во рнѣшней политикѣ меня больше всего

безпокоить въ настоящее время рижскій миръ между Польшей и Россіей. Союзники совершили въ этомъ случаѣ крупнѣйшую ошибку, за послѣдствія которой Европѣ придется очень дорого расплачиваться. Нужно признать, что послѣ успѣховъ Польши и украинцевъ, а равно успѣховъ генерала Врангеля, союзники имѣли единственный случай — покончить съ совѣтами, которые, — какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, — были въ величайшемъ смятеніи. Въмѣсто этого, союзники позволили Польшѣ заключить съ ними сепаратный миръ. Послѣ этого совѣты получили возможность разгромить по очереди украинцевъ и генерала Врангеля. Въ томъ, что касается Совѣтовъ, вопросъ, такимъ образомъ, разрѣшенъ. Отнынѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ они смогутъ вести свою пропаганду во всей Европѣ, ибо Европа, въ сущности, окончательно склонилась передъ ними. Я знаю, что во всемъ этомъ дѣлѣ главной виновницей является Англія — ей придется въ свое время жестоко раскаяться. Но пока-что — зло сдѣлано и Франціи приходится нести за него долю отвѣтственности.

Рошаль точно намѣтилъ наиболѣе опаснаго врага совѣтскаго правительства. Если бы Щербачеву дали осуществить наступленіе 5 корпусовъ изъ Румыніи, получить средства для сербскаго и польскаго плана, настоять на своемъ въ привлеченіи Финляндіи къ наступленію С.-В. арміи, а тѣмъ болѣе если-бы исполнили его планъ въ 1920 году, то совѣтское правительство имъ было-бы погублено.

Послѣ стѣль коренного разногласія съ Врангелемъ, Щербачевъ покинулъ свой постъ и въ качествѣ частнаго лица поселился на Ривьерѣ. Благодарная ему Румынія обезпечила его отъ личной матеріальной нужды. Если оны послѣдніе годы своей жизни и свосился съ лицами Императорскаго Дома, имѣвшими политическіе виды, то это не приводило къ какому-либо конкретнымъ дѣйствіямъ съ его стороны. Щербачевъ скончался въ Ниццѣ 18 января 1932 г. На его похоронахъ участвовали войска союзной Франціи.

— К О Н Е Ц Ъ .

Дополненіе къ стр. 136 (прим. 24.)

На сѣверномъ фронтѣ англійскіи генераль Пуль высадиль 2 августа 1918 г. въ Архангельскѣ (куда 23 апрѣля 1918 г. переѣхали изъ Вологды союзныя посольства) 4—5 баталіоновъ англичанъ, 4—5 баталіоновъ американцевъ, 1 баталіонъ французовъ, части поляковъ и итальянцевъ. Осенью его смѣнилъ ген. Айронсайдъ. Къ концу 1918 г. на фронтѣ собралось: 10—15000 союзниковъ и 7—8000 русскихъ, бывшихъ сначала подъ командой ген. Марушевскаго, а потомъ ген. Миллера. Правительство возглавлялось Чайковскимъ, переѣхавшимъ въ началѣ января 1919 г. въ Парижъ. Не достигнувъ результатовъ, союзники покинули Архангельскъ. Ихъ эвакуація закончилась 20 сентября 1919 г. Последніе эшелоны ген. Миллера покинули Архангельскъ 4 февраля 1920 г.

Цѣна Ekr. 0.75 = Rmk. 0.50 = Frs. 3.—

Складъ изданія: Tallinn (Estonie) Uus Kalamaja 9
— В. Г. Бревернъ. Высылается по полученіи стоимо-
мости и почтов. расход. можно и почт. марками.